

Федеральное агентство по образованию РФ
ГОУ ВПО «Удмуртский государственный университет»

Исторический факультет
Кафедра этнологии и регионоведения

На правах рукописи

Муканова Анастасия Сергеевна

**ФЕНОМЕНЫ «НАЦИЯ» И «НАЦИОНАЛИЗМ»:
ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ И ТЕОРИИ**

Специальность 07.00.07 – этнография, этнология, антропология

Диссертация на соискание ученой степени

кандидата исторических наук

Научный руководитель:
доктор ист. наук, профессор
Владыкин Владимир Емельянович

Ижевск 2010

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	3
Глава I. Зарубежная историография национализма	21
1.1. «Национализм» и «нация» в зарубежной исследовательской литературе: общие понятия, теория и эволюция.....	21
1.2. Основные западные теории нации и национализма.....	36
1.3. Современное состояние изучения феномена «национализм» в социальных и политических науках за рубежом.....	67
Глава II. Феномены «нация» и «национализм» в отечественной историографической традиции с середины XIX века до конца 80-х гг. XX века	80
2.1. «Нация» и «национализм» в общественно-политической мысли России середины XIX до начала XX века.....	80
2.2. Советская национальная политика и ее роль в формировании взглядов на феномены «нация» и «национализм».....	102
Глава III. Современная российская исследовательская парадигма «национального»	125
3.1. Изучение западных концепций национализма российскими исследователями.....	125
3.2. Социальный конструктивизм в России.....	144
3.3. Исследования российских национальных реалий современными отечественными учеными.....	162
Заключение	176
Список использованных источников и литературы	181
Приложения	215

Введение

Актуальность исследования. Нация и национализм – сложные, многомерные по своей природе явления, и в то же время, казалось бы, уже привычные элементы социальной реальности, в своей взаимосвязи играют ключевую роль в международных отношениях, в жизни государств и этнических общностей.

В современном мире идут процессы интенсивного взаимодействия народов и культур, национальные границы становятся все более открытыми. С другой стороны, происходит усиление национального обособления, эскалация этнических и религиозных противоречий практически во всех странах мира – на Балканах, в Израиле и арабских странах, в Индии и Китае, России и Грузии.

Многие специалисты отмечают новый вектор конфронтации - между «бедным Югом и богатым Севером»¹. Основа этого, пока не вполне очевидного противостояния, конечно, стремительно растущий разрыв в уровне жизни. В то время как население развитых стран практически перестает увеличиваться, а иногда даже начинает сокращаться, население развивающихся стран бурно растет, и за короткое время резко изменяется соотношение демографических масс разных частей планеты, иммиграционные потоки идут в основном с «Юга» на «Север». В Западной Европе из-за увеличения потоков мигрантов, общество оказалось перед лицом проблемы актуализации различий - национальных, культурных, гендерных, религиозных. Европейцы все тщательней начинают заботиться о своей национальной идентичности, нередко используя правые лозунги. Глубинная причина этих процессов кроется в страхе людей перед исчезновением их национальных культур и традиций. Западным странам при

¹ См. подробнее: Панарин, А. Север-Юг. Сценарии обозримого будущего / А. Панарин // Наш современник. – 2003. – №5; Вишневецкий, А. Может ли Юг двинуться на Север? [Электронный ресурс] / А. Вишневецкий. – Режим доступа: <http://www.demoscope.ru/weekly/039/tema02.php> (дата обращения 10.03.2008); Материалы VIII Международной конференции африканистов, секции XII «Север и Юг в преддверии новой эры». – М., 1999.

всех их демократических институтах приходится реагировать на социокультурные изменения, порождаемые иммиграцией. В настоящее время идут активные дебаты в обществе о проблемах национальной политики, национальных отношений, включенности в «нацию», «мультикультурализма», национализма.

В России ситуация ценностного, «мировоззренческого» вакуума привела в 90-е гг. XX в. к спросу на новые идеологии, одной из которых стал национализм. Политики, публицисты, ученые вступили в борьбу за право интерпретировать понятия «нация», «национализм», национальные интересы и ценности. Сегодня весь политический спектр России - от крайних шовинистов и коммунистов до государственных и президентских структур, а также демократической оппозиции - озабочен выработкой собственного варианта национальной идеологии.

История феноменов «нация» и «национализм» насчитывает уже более двух столетий, тем не менее, за вполне достаточный срок эти явления до сих пор являются камнем преткновения в исследовательских спорах. Разногласия ученых вызывают вопросы терминологии, генезиса, типологии и эволюции этих понятий и явлений. Подобно многим концептам, получившим универсальное распространение в гуманитарных науках, а равно и в политическом общественном сознании, понятия «нация» и «национализм» отличаются многозначностью и недостаточной строгостью. Заключаемая в них содержательная сущность варьируется в зависимости от исторического контекста, методологии и идеологических предпочтений исследователя.

Необходимость изучения теоретического осмысления проблем нации и национализма, особенно отечественного националистического дискурса диктуется несколькими обстоятельствами. Во-первых, период конца XX – начала XXI в. отчетливо продемонстрировал, что проблемы, связанные с адаптацией социальных и политических институтов к национальным и культурным реалиям, не утрачивают своего значения. Во-вторых,

социокультурные изменения, порождаемые иммиграцией, этническими и религиозными конфликтами, террористическими угрозами, трансформационными процессами заставляют общество искать наиболее приемлемые варианты национального сотрудничества. В-третьих, различные трактовки этих явлений подчас используются как инструмент этносоциальной солидарности, исключения «чужих» и сплочения «своих», как способ легитимации власти и регулятор проблем ожидаемой справедливости.

Важность исследования западной и российской исследовательской национальной парадигмы несомненна. Сегодняшние дискуссии по проблемам нации и национализма уходят своими корнями в теоретические построения западных и отечественных исследователей последних двух столетий, без изучения которых невозможно определить современное состояние и перспективы дальнейших разработок в этой области. Теоретическая рефлексия позволяет выделить особенности и сопоставимости концепций с исследуемым историческим материалом. Интенсивные дебаты в рамках теории национализма часто вдохновляли историков на исторические исследования, построенных в соответствии с тем или иным теоретически выдвинутым тезисом. Исторические аргументы широко использовались в самих теоретических дискуссиях, чему яркий пример фундаментальные дебаты между примордиалистами и конструктивистами. Заимствованные из теорий национализма модели применимы для исследований по истории России и не только.

Объектом исследования являются феномены «нация» и «национализм» в контексте истории и теории.

Предметом исследования выступает научно-теоретический дискурс проблем «нации» и «национализма», представленный теориями зарубежной и российской научной мысли, начиная с середины XIX и до начала XXI в.

Степень изученности проблемы. Изучение современных концепций сущности, происхождения наций и национализма невозможно вне исторического контекста: обращения к идеям философов, социологов,

этнологов и антропологов прежних времен, определившим основные направления и противоречия сегодняшних научно-исследовательских поисков. На основании проблемно-хронологического принципа в западноевропейской и отечественной науке были выделены этапы изучения проблематики, связанной с феноменами нации и национализма.

По историческим меркам явления «нация» и «национализм» появились не так давно. В современном понимании данные явления возникают в Западной Европе не ранее XVIII в., а в других регионах еще позже. А с конца XIX в. и до настоящего времени ученые и публицисты разных стран пытаются осмыслить и по-своему интерпретировать эти два уникальных феномена.

Так, в анализируемой зарубежной литературе можно выделить следующие этапы:

1. XIX – 20-е гг. XX вв. Начало изучения феноменов «нация» и «национализм» совпало с эпохой революций, появления основных европейских наций, подъема национально-освободительных движений. В работах И.Г. Гердера, И.Г. Фихте, Дж.Ст. Милля, Ж.-Ж. Руссо, Э. Ренана, М. Вебера¹ и многих других философов, историков и социологов XIX в. закладывались основы будущего противопоставления двух доктрин нации – «немецкой» и «французской».

2. 1920-1960-е гг. – период создания национальных государств и осмысления этого процесса в научной литературе. В начале этого периода исследования ведутся в основном в сравнительно-историческом и историографическом плане. Впоследствии изучение национализма приобретает углубленный теоретический характер, постепенно отходит от исторического контекста. Американский историк К. Хайес в сравнительном исследовании

¹ Гердер, И.Г. Идеи философии к истории человечества / И.Г. Гердер. – М.: Наука, 1977; Фихте, И.Г. Несколько лекций о назначении ученого; Назначение человека; Основные черты современной эпохи: Сб. / Пер. с нем. / И.Г. Фихте. – М.: Попурри, 1997; Милль, Дж.Ст. Размышления о представительном правлении / Дж.Ст. Милль. – СПб., 1896; Руссо, Ж.-Ж. Об общественном договоре / Ж.-Ж. Руссо. – М.: Канон-Пресс-Ц, 1998; Ренан, Э. Что такое нация: Лекция Э. Ренана, читан. в Сорбонне / Э. Ренан. – СПб., 1886; Вебер, М. Избранное. Образ общества / М. Вебер. – М.: Юрист, 1994.

«Очерки о национализме»¹ намечает основные этапы его распространения, выделяя роль начального образования. Работы другого американского профессора Х. Кона «Идея национализма» и «Национализм: его смысл и история»² оказались более влиятельными для последующего развития национализмоведа, в них были выделены и обоснованы западный (рациональный) и восточный (иррациональный) типы национализма. В своей книге «Национализм и социальная коммуникация»³ К. Дойч исследовал вопрос распространения и воспроизводства идеологии национализма и пришел к выводу, что только возникающая в современном мире система коммуникаций может привести к созданию гомогенного культурного общества, а впоследствии и нации.

3. Период 1960-1970-х гг. характеризуется смещением интереса исследователей к политическим аспектам национализма. Основные темы работ Ч. Тилли, Дж. Поджи, М. Манна, Х. Арендт⁴ – установление суверенитета государств над своими территориями и подданными, роль войн, военной мобилизации, преобразование форм контроля над обществом со стороны государства, судьба национальных меньшинств, проблемы настоящего и будущего национального государства.

4. С 1980-х гг. изучение феноменов «нация» и «национализм» проходит под влиянием сразу несколько работ, существенно определивших дальнейшие теоретические разработки данных понятий – «Нации и национализм» Э. Геллнера, «Воображаемые сообщества» Б. Андерсона и сборник статей под

¹ Hayes, C. *Essays of Nationalism* / C. Hayes. – N.Y.: The Macmillan Company, 1941.

² Kohn, H. *The Idea of Nationalism: A Study of its Origins and Background* / H. Kohn. – N.Y.: The Macmillan Company, 1944; *Nationalism. Its Meaning and History* / H. Kohn. – N.Y.: Krieger Publishing Company, 1982.

³ Deutsch, K. *Nationalism and Social Communication: An Inquiry into the Foundations of Nationality* / K. Deutsch. – Cambridge: The MIT Press, 1966.

⁴ Tilly, Ch. *The Formation of National States in Western Europe* / Ch. Tilly. – Princeton, 1975; Pogguy, G. *The Development of the Modern State* / G. Pogguy. – L., 1978; Манн, М. *Нации-государства в Европе и на других континентах: разнообразие форм, развитие, неугасание* / М. Манн // *Нации и национализм*. – М.: Праксис, 2002; Арендт, Х. *Истоки тоталитаризма* / Х. Арендт. – М.: ЦентрКом, 1996.

редакцией Э. Хобсбаума и Т. Рэйнджера «Изобретение традиции»¹. Перечисленные произведения кардинально изменили ситуацию в исследованиях наций и национализма. С тех пор эти два взаимосвязанных феномена интерпретируются как многоплановые исторические явления, представленные в многообразии духовных и практических воплощений. Национализм начал рассматриваться как фактор развития наций, а нация как цель любого национализма.

Эти идеи были использованы, развиты и подвергнуты критике в 1980-90-е гг. в исследованиях Дж. Бройи, Р. Брубэйкера, Э. Балибара, Х. Бхабха, К. Вердери, Л. Гринфельд, И. Валлерстайна, М. Хроха, П. Чаттерджи, Т. Эриксен². Этот этап характеризуется тем, что свой вклад в исследования нации и национализма вносят различные дисциплины: социология, политология, социальная и культурная антропология. На большом историческом материале ученые-эксперты всесторонне рассмотрели условия и факторы возникновения национализма в Европе, предложили варианты его классификации. В вопросе о сущности национализма и факторах его развития у них не было единодушия, что повлекло за собой долговременную научную дискуссию о феномене национализма и определило формирование нескольких концептуальных подходов в его исследовании.

В настоящее время эти авторы продолжают работать над национальной проблематикой, развивая и дополняя свои предыдущие концепции и выводы. Так 2000-е гг. пополнили ряд исследований по нациям и национализму

¹ Gellner, E. Nations and Nationalism / E. Gellner. – Oxford: Blackwell Publishing Ltd., 1983; Anderson, B. Imagined communities. Reflections on the Origin and Spread of Nationalism / B. Anderson. – L.: Verso, 1983; Hobsbawm, E.. The Invention of Tradition / E. Hobsbawm, T. Ranger. – Cambridge: Cambridge University Press, 1983.

² Бройи, Дж. Нация и государство / Дж. Бройи. – М., 1992; Brubaker, R. Citizenship and Nationhood in France and Germany / R. Brubaker. – Cambridge, 1992; Балибар, Э. Раса, Нация, Класс / Э. Балибар, И. Валлерстайн. – М.: Лого2, 2004; Bhabha, N. Nation and Narration / Homi K. Bhabha. – L.: Routledge, 1990; Вердери, К. Куда идут «нация» и «национализм»? / К. Вердери // Нации и национализм. – М.: Праксис, 2002; Greenfield, L. Nationalism: Five Roads to Modernity / L. Greenfield. – UK: Harvard University Press, 1992; Hroch, M. Social Preconditions of National Revival in Europe / M. Hroch. – Cambridge, 1985; Chatterjee, P. Nationalist Thought and the Colonial World: A Derivative Discourse? / P. Chatterjee. – Delhi: Oxford University Press, 1986; Чаттерджи, П. Воображаемые сообщества. Кто их воображает? / П. Чаттерджи // Нации и национализм. – М., 2002; Eriksen, T.H. Ethnicity and Nationalism: Anthropological Perspectives / Th. H. Eriksen. – L.: Pluto Press, 1993.

работами Р. Брубэйкера «Этничность без групп», Ч. Ганса «Пределы национализма», П.В. Джэймса «Глобализация, Национализм, Трайбализм: теоретический экскурс», Дж. Деланти «Мудрое руководство по нациям и национализму», Г. Дэй «Теоретизируя национализм: дискуссии и темы социальной теории», Дж. Хёрна «Переосмысливая национализм», К. Калхуна «Нации имеют значение»¹ и многими другими, еще непереведенными на русский язык. Исследователи предлагают новый, более комплексный взгляд на феномены «нация» и «национализм» в их взаимосвязи с такими явлениями, как культура, этничность, глобализация.

Анализом и типологизацией наследия теоретического национализмоведения в настоящее время в западной науке занимается Э.Д. Смит. В своей книге «Национализм и модернизм. Критический обзор теорий современных наций и национализма»² исследователь подробно излагает концепции национализма, критикуя модернистские теории, к которым он причисляет практически все разработки, не основанные на перенниальном (примордиалистском) подходе к национальному. В обобщающих работах Дж. Холла, Л.У. Баррингтона, К. Калхуна³, также представлены оригинальные классификации наиболее заметных теоретических концепций.

В России национальные вопросы начали подниматься на обсуждение среди представителей общественно-политической мысли с середины XIX в. С этого времени в истории изучения проблем нации и национализма можно выделить следующие периоды:

¹ Brubaker, R. *Ethnicity without Groups* / R. Brubaker. – Cambridge, MA: Harvard University Press, 2004; Gans, Ch. *Limits of nationalism* / Ch. Gans. – Cambridge, 2003; James, P.W. *Globalism, Nationalism, Tribalism: Bringing Theory Back In* / P.W. James. – L., 2006; Delanty, G. *The SAGE Handbook of Nations and Nationalism* / G. Delanty, K. Kumar. – L., 2006; Day, G. *Theorizing Nationalism: Debates and Issues in Social Theory* / G. Day, A. Thompson. – L.: Palgrave Macmillan, 2005; Hearn, J. *Rethinking Nationalism: Critical Introduction* / J. Hearn. – L.: Palgrave Macmillan. – 2006; Calhoon, C. *Nations matter: Culture, History and Cosmopolitan dream* / C. Calhoon. – N.Y., 2007.

² Смит, Э. *Национализм и модернизм: Критический обзор современных теорий наций и национализма* / Э. Смит / Пер. с англ. А.В. Смирнова, Ю.М. Филиппова, Э.С. Загашвили. – М.: Праксис, 2004.

³ Hall, J. *Nationalisms, Classified and Explained* / J. Hall // *Notions of Nationalism*. – Budapest, 1995; Barrington, L.W. *Nation and Nationalism: The Misuse of Key Concepts in Political Science* / L.W. Barrington // *Political Science and Politics*. – 1997. – December. – pp. 712-716; Calhoon, C. *Nations Matter* / C. Calhoon. – N.Y., 2007.

1. Сер. XIX – 1917 г. На данном этапе проблемы сущности и природы национализма были в центре внимания традиционалистской (славянофильской) и либеральной (западнической) публицистики. Позже эти вопросы активно изучали российские обществоведы Н.Н. Бердяев, С.Н. Булгаков, И.А. Ильин, П.И. Ковалевский, Н.О. Лосский, М.О. Меньшиков, П.Н. Милуков, В.В. Розанов, В.С. Соловьев, П.Б. Струве, С.Н. Трубецкой¹ и др. авторы. В настоящее время идет активный процесс переиздания трудов российских дореволюционных исследователей, мыслителей и философов, которые достаточно часто обращались к проблеме национализма, патриотизма и сущности «нации». На примере российской истории были даны различные трактовки, определения и типологии национализма, также подробно рассмотрены сущностные характеристики русского национального самосознания, выделены особенности, отличающие русского человека от «западного».

2. В советский период были определены место и роль национализма как враждебной социализму силы, противостоящей идеям и политике интернационализма. Национализм оценивался и критиковался в соответствии с идеями К. Маркса, Ф. Энгельса, В. Ленина, И. Сталина².

¹ Бердяев, Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма / Н.А. Бердяев. – М., 1990; Его же. Русская идея. Основные проблемы русской мысли XIX века и начале XX века / Н.А. Бердяев // Русская идея. Судьба России. – М.: ЗАО «Сварог и К», 1997. – С.4-220; Булгаков, С.Н. Размышления о национальности / С.Н. Булгаков // Сочинения: в 2 т. Т.2 – М., 1993. – С.427-435; Его же. Нация и человечество / С.Н. Булгаков // Там же. – С. 644-654; Ильин, И.А. О воспитании национальной элиты / И.А. Ильин. – М.: Жизнь и мысль, 2001. Его же. О русской идее // Собр. соч.: в 10 т. Т.2. Кн.1 / И.А. Ильин. – М.: Русская книга, 1993. – С.419-431; Ковалевский, П.И. Русский национализм и национальное воспитание в России / П.И. Ковалевский. – М.: Книжный мир. 2006; Лосский, Н.О. Характер русского народа / Н.О. Лосский // Условия абсолютного добра. – М.: Политиздат, 1991. – С.238-360; Меньшиков, М.О. Новый и старый национализм / М.О. Меньшиков // Нация и империя в русской мысли начала XX века. – М., 2004. – С.68-74; Милуков, П.Н. Очерки по истории русской культуры. Т.3. Национализм и общественное мнение / П.Н. Милуков. – М., 1901; Розанов, В.В. Национальное назначение / В.В. Розанов // Нация и империя в русской мысли начала XX века. – М., 2004. – С.104-108; Соловьев, В.С. Национальный вопрос в России. Предисловие ко второму изданию // Соловьев, В.С. Соч.: в 2 т. Т.1. / В.С. Соловьев. – М.: Правда, 1989; Трубецкой, Н.С. Общевразийский национализм / Н.С. Трубецкой // Свободная мысль. – 1992. – №7. – С.111-126.

² Маркс, К. Тезисы о Фейербахе // Соч. 2-е изд. / К. Маркс, Ф. Энгельс. – М., 1953. – Т.3; Ленин, В.И. Критические заметки по национальному вопросу // Полн. собр. соч. Т. 24. / В.И. Ленин. – М., 1968; Его же. Об образовании СССР // Полн. собр. соч. Т. 45. / В.И. Ленин. – М., 1968; Его же. История национально-государственного строительства в СССР / В.И. Ленин. – М., 1968; Сталин, И.В. Марксизм и национальный вопрос // Сочинения. Т. 2. / И.В. Сталин. – М.: Политиздат, 1946. – С. 290-367.

Советские ученые в рамках изучения вопросов этногенеза и межэтнических отношений косвенно затрагивали проблемы нации и национализма¹.

Сформулированное в 1913 г. и впоследствии уточненное знаменитое сталинское (четырёхпризнаковое) определение нации² на долгие годы станет догмой в советском обществознании и закроет дорогу многим новациям в сфере исследований этнонациональной проблематики в Советском Союзе. Во времена «хрущевской оттепели» исследователями и обществоведами Т.Ю. Бурмистровой, М.С. Джунусовым, П.М. Рогачевым и М.А. Свердлиным³ нация рассматривается в более широких рамках, происходит отход от прежних определений. Нация для них - исторически возникшая социально-этническая общность, имеющая качественно иные признаки, чем национальные общности (племя и народность). Хотя многие исследователи, например, М.И. Куличенко, также определяя нацию как социально-этническую общность, вместе с тем, ставили ее в один ряд с общностями донациональными⁴.

Активно в это время разрабатывается теория новой исторической социально-политической и интернациональной общности («советского народа»). Н.А. Беркович, Ю.Ю. Вейнгольд, М.С. Джунусов, Л.В. Ефимов, А.А. Исупов, М.Д. Каммари, Н.М. Киселев, Л.Н. Князев, И.С. Кон, П.Н. Федосеев, А.И. Холмогоров, Н.Н. Чебоксаров в своих работах делали попытки

¹ См. Бромлей, Ю.В. К разработке понятийно-терминологических аспектов национальной проблематики / Ю.В. Бромлей // Советская этнография. – 1989. – №6. – С. 3-17.; Гумилев, Л.Н. Этногенез и биосфера Земли / Л.Н. Гумилев. – М.: Айрис-пресс, 2004.

² Сталин, И.В. Марксизм и национальный вопрос / И.В. Сталин. – М., 1939. – С.6.

³ Бурмистрова, Т.Ю. Теория социалистической нации / Т.Ю. Бурмистрова. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1970. – 89с.; Джунусов, М.С. Нация как социально-этническая общность / М.С. Джунусов // Вопросы истории – 1966. – №4. – С. 16-30; Рогачев, П.М. Нация, народ, человечество / П.М. Рогачев, М.А. Свердлин. – М.: Политиздат, 1967. – 191с.

⁴ Куличенко, М.И. Расцвет и сближение наций в СССР. Проблемы теории и методологии / М.И. Куличенко. – М.: Наука, 1981. – С. 134.

определить новую надэтническую общность¹, что представляет особый интерес для исследователей, понимающих нацию в гражданских терминах.

В 1970-1980-е гг. проблемы теории формирования и эволюции этносов и наций, национального и этнического самосознания получили отражение в работах Р.Г. Абдулатипова, В.А. Авксентьева, С.А. Арутюнова, С.М. Арутюнян, Э.А. Баграмова, Л.Н. Гумилева, П.Г. Евдокимова, М.В. Иордана, В.И. Козлова, М.В.Крюкова, А.Н. Мельникова, Л.В. Скворцова, А.К. Уледова, С.В. Чешко² и многих других. Выделение этнической составляющей в современных нациях было характерно для советской теории этноса, в

¹ Беркович, Н.А. Советский народ как принципиально новая социальная и интернациональная общность людей / Н.А. Беркович. // Образование СССР – торжество ленинской национальной политики. – Пятигорск, 1972. – С. 294-300; Вейнгольд, Ю.Ю. Некоторые аспекты изучения общности «Советский народ» / Ю.Ю. Вейнгольд // Образование СССР – торжество ленинской национальной политики. – Киев: Изд-во Киев. Ун-та, 1972. – С. 228-230; Джунусов, М.С. Введение в марксистско-ленинскую теорию нации / М.С. Джунусов. – Ашхабад: Ылым, 1988. – 404с.; Ефимов, Л.В. О направлениях в изучении наций / Л.В. Ефимов // Новая и новейшая история. – 1967. – №4. – С. 31-42; Исупов, А.А. Национальный состав населения СССР / А.А. Исупов. – М.: Статистика, 1964; Каммари, М.Д. Расцвет социалистических наций и их сближение в период перехода от социализма к коммунизму / М.Д. Каммари. – Львов, 1961; Киселев, Н.М. К вопросу о понятии «Советский народ» / Н.М. Киселев. // Советский народ – новая историческая общность людей. – Волгоград, 1961. – С. 94-98; Князев, Л.Н. Самосознание интернациональной общности советских людей / Л.Н. Князев // Там же. – С. 117-119; Кон, И.С. Диалектика развития нации / И.С. Кон // Новый мир. – 1970. – №3. – С. 133-149; Федосеев, П.Н. Великий интернациональный подвиг советского народа / П.Н. Федосеев. – М.: Знание, 1973; Холмогоров, А.И. Единый и многонациональный / А.И. Холмогоров. – Рига: Лиссма, 1970; Чебоксаров, Н.Н. Проблемы типологии этнических общностей в трудах советских ученых / Н.Н. Чебоксаров // Советская этнография. – 1967. – №4. – С. 94-109.

² Абдулатипов, Р.Г. Человек. Нация. Общество / Р.Г. Абдулатипов. – М.: Политиздат, 1991; Его же. Россия: национальное возрождение и межнациональное сотрудничество. Приоритеты национальной политики / Р.Г. Абдулатипов. – М., 1994; Авксентьев, А.В. Этнические проблемы современности и культура межнационального общения. / А.В. Авксентьев, В.А. Авксентьев / Под ред. В.А. Шаповалова. – Ставрополь: СГПИ, 1993; Арутюнов, С.А. Классификационное пространство этнической типологии / С.А. Арутюнов // Советская этнография. – 1986. – №4. – С. 58-64; Арутюнян, С.М. Нация и ее психический склад / С.М. Арутюнян. – Краснодар, 1966; Баграмов, Э.А. Национальный вопрос в борьбе идей / Э.А. Баграмов. – М.: Политиздат, 1982; Гумилев, Л.Н. Этногенез и биосфера Земли / Л.Н. Гумилев. – М., 1993; Его же. Этнос: мифы и реальность / Л.Н. Гумилев // Дружба народов. – 1988. – №10. – С. 218-231; Дробижина, Л.М. Духовная общность народов СССР: историко-социологический очерк межнациональных отношений / Л.М. Дробижина. – М.: Мысль, 1986; Евдокимов, П.Г. Проблемы национального самосознания в исторической общественной мысли / П.Г. Евдокимов. – Волгоград, 1990; Иордан, М.В. Интернационализм против национализма / М.В. Иордан. – М., 1980; Козлов, В.И. От первобытности до современности / В.И. Козлов // Советская этнография. – 1986. – №4. – С. 64-69; Крюков, М.В. Еще раз об исторических типах этнических общностей / М.В. Крюков // Советская этнография. – 1986. – №3. – С. 58-69; Мельников, А.Н. Размышления о нациях. Опыт перестройки понимания национального развития / А.Н. Мельников. – Барнаул, 1989; Его же. Нация: фантом или реальность / А.Н. Мельников // Советская этнография. – 1991. – №6. – С. 133-134; Скворцов, Л.В. Этничность в процессе социальных изменений / Л.В. Скворцов // Социально-политический журнал. – 1996. – №1. – С. 29-43; Уледов, А.К. Русская идея как феномен национального самосознания / А.К. Уледов // Alma mater. Вестн. высш. школы – 1992. – №7-9. – С. 48-55; Чешко, С.В. Философия и мистика национального вопроса / С.В. Чешко // Общественные науки. – 1990. – №3. – С. 103-114.

частности концепции Ю.В. Бромлей¹ о нации как этносоциальном организме. Прослеживаются аналогии с теорией Э. Смита.

3. С конца 1980-х - начала 1990-х гг., с началом «перестройки», распадом СССР, исследования национальных проблем начинают отходить от традиционной советской методологии. Появился доступ к концептуальным разработкам западных ученых, которые стали активно изучаться и осмысливаться российскими исследователями. Философы, политологи, антропологи активно включились в дискуссии об этнонациональном устройстве России. В этот период интерес отечественных ученых концентрировался преимущественно на изучении национальных процессов после распада СССР, проблем национального сознания, этнической идентичности, взаимосвязи национализма с процессами формирования и развития этносов и наций.

В 1990-е гг. группа ученых под руководством Л.М. Дробижевой осуществила всестороннее исследование национализма в РФ в рамках проектов «Национальное самосознание, национализм и регулирование конфликтов» [1993-1996 гг.]; «Этнические и административные границы: факторы стабильности и конфликтности» [1997-1998 гг.]; «Социальное неравенство этнических групп и проблемы интеграции в Российской Федерации» [1999-2001 гг.]. Эти проекты осуществлялись в различных областях, в том числе Башкортостане, Татарстане, Саха (Якутия), Магаданской и Оренбургской областях. По итогам многолетней работы были опубликованы сборники, коллективные монографии, статьи, которые создали почву для теоретических построений в этой области: исследователи предложили собственную классификацию типов национализма в постсоветской России и аргументировали методологию

¹ Бромлей, Ю.В. Еще раз к вопросу типологизации этносоциальных общностей / Ю.В. Бромлей // Советская этнография. – 1986. – №6. – С. 59-66; Его же. К разработке понятийно-терминологических аспектов национальной проблематики / Ю.В. Бромлей // Советская этнография. – 1989. – №6. – С. 3-17.

инструментализма, на базе которого было осуществлено изучение данного феномена¹.

Проблемы нации и национализма в России в этот период рассматриваются в рамках разных областей знания. Так этнология и культурная антропология соприкасается с данными феноменами через изучение «этноса», «этничности», этнической идентичности, которое последние годы заметно активизировалось. Эти проблемы стали предметом научно-фундаментального обсуждения в работах Р.Г. Абдулатипова, Амелина, Ю.М. Бородай, А.И. Вдовина, В.М. Воронкова, М.Н. Губогло, В.М. Межуева, А.С. Панарина, Ж.Т. Тощенко².

В ряду исследований социально-политического характера выделяются работы В.А. Тишкова³, который одним из первых предложил рассматривать «нацию» и «национализм» в гражданских терминах.

В конце 1990-х – 2000-х гг. список отечественных авторов, анализирующих основные зарубежные концепции, взаимосвязь теоретических разработок с накопленным эмпирическим материалом, и создающих оригинальные теории нации и национализма, пополнился именами А.Р. Аклаева, Ю.В. Арутюняна, А.Г. Здравомыслова, В.В. Коротеевой, С.В. Лурье, А.И.

¹ Дробижева, Л.М. Социальные проблемы межнациональных отношений в постсоветской России / Л.М. Дробижева. – М.: Центр общечеловеческих ценностей, 2003; Национальное сознание и национализм в Российской Федерации начала 90-х годов. – М., 1994; Конфликтная этничность и этнические конфликты. – М., 1994; Ценности и символы этнического самосознания. – М., 1994; Социальная и культурная дистанции. Опыт многонациональной России. – М., 1998. и др; Дробижева, Л.М. Демократизация и образы национализма в Российской Федерации 90-х годов / Л.М. Дробижева, А.Р. Аклаев [и др.]. – М.: Мысль, 1996.

² Абдулатипов, Р.Г. Создание российской нации. (Проект для XXI века) / Р.Г. Абдулатипов. – Российская газета. – 2008. – 28 августа; Его же. Сущность нации-этноса: ответ сторонникам безнациональности / Р.Г. Абдулатипов. – М., 1999; Амелин, В.В. Вызовы мобилизованной этничности. Конфликты в истории советской и постсоветской государственности / В.В. Амелин. – М., 1997; Бородай, Ю. От империи к национальному единству / Ю.Бородай // Воскресение: Новая Россия. – 1994. – №3-4. – С. 78–83; Вдовин, А.И. Особенности этнополитических отношений и формирование новой государственности в России (исторические и концептуальные аспекты) / А.И. Вдовин. – М., 1993; Воронков, В.М. Приватизация этничности vs «национальная политика» / В.М. Воронков // Куда пришла Россия?.. Итоги социетальной трансформации / Под ред. Т.И. Заславской. – М.: МВШСЭН, 2003; Губогло, М.Н. Идентификация идентичности: Этносоциологические очерки / М.Н. Губогло. – М., 2003; Дробижева, Л.М. Социальные проблемы межнациональных отношений / Л.М. Дробижева. – М., 2003; Зорин, В.Ю. Национальная политика в России: История, проблемы, перспективы / В.Ю. Зорин. – М., 2003; Межуев, В.М. Нация и государство / В.М. Межуев // Россия на новом рубеже. – М.: Горбачев-фонд, Изд-во «Апрель-1985», 1995. – С. 133-153; Панарин, А. Север-Юг. Сценарии обозримого будущего / А. Панарин // Наш современник. – 2003. – №5; Тощенко, Ж.Т. Этнократия: история и современность (социологические очерки) / Ж.Т. Тощенко. – М., 2003.

³ Тишков, В.А. Национальности и национализм в постсоветском пространстве (исторический аспект) / В.А. Тишков // Этничность и власть в полиэтничных государствах: Материалы международной конференции 1993 г. – М.: Наука, 1994. – С.9-34; Его же. Забыть о нации / В.А. Тишков // Вопросы философии. – 1998. – № 9 – С.3-26.

Миллера, М.О. Мнацаканяна, В.С. Малахова, А.Н. Малинкина, О.И. Малиновой, В.Б. Пастухова, З.В. Сикевич, С.В. Соколовского, Г.У. Солдатовой, А.А. Сусоколова, Т.Л. Полянникова, Э.Д. Понарина, Т.Ю. Сидориной, С.В. Чешко, В.А. Шнирельмана¹.

С социально-философских позиций понятия «нация» и «национализм» рассматриваются в работах философов Ю.Д. Гранина, С.Г. Кагиян, А.А. Смирнова, В.П. Торукало². Авторы прослеживает эволюцию философских представлений о природе этносов и наций, связь политики государства и нации, исследуют цели и основные направления культурно-национальной политики государства, ее принципов, субъектов и объектов, форм и методов осуществления.

О явном повышении научного интереса к указанной проблематике свидетельствует ряд докторских и кандидатских диссертаций, защищенных в

¹ Аклаев, А.Р. Этнополитическая конфликтология : анализ и менеджмент : учеб. пособие / А. Р. Аклаев. - М. : Дело, 2008; Арутюнян, Ю.В. Этносоциология / Ю.В. Арутюнян, Л.М. Дробижина, А.А. Сусоколов. - М.: Аспект-Пресс, 1999; Здравомыслов, А.Г. Межнациональные конфликты в постсоветском пространстве / А.Г. Здравомыслов. - М.: Аспект-Пресс, 1999.; Коротеева, В.В. «Воображенные», «изобретенные» и «сконструированные» нации: метафора в науке / В.В. Коротеева // Этнографическое обозрение. - 1993. - №3; Ее же. Существуют ли общепринятые истины о национализме? / В.В. Коротеева // Pro et Contra. - 1997. - Т.2. - № 3. - С. 185-203; Ее же. Теории национализма в зарубежных социальных науках / В.В. Коротеева. - М.: РГГУ, 1999; Лурье, С.В. Национализм, этничность, культура / С.В. Лурье // Общественные науки и современность. - 1999. - №4. - С. 101-111; Миллер, А.И. О дискурсивной природе национализмов / А.И. Миллер // Pro et Contra. - 1997. - Т.2. - №4; Мнацаканян, М.О. Национализм и глобализм. Национальная жизнь в современном мире / М.О. Мнацаканян. - М.: Анкил, 2008; Малинкин, А.Н. «Новая российская идентичность»: Исследование по социологии знания / А.Н. Малинкин // Социологический журнал. - 2001. - №4; Малахов, В.С. Национализм как политическая идеология / В.С. Малахов. - М.: КДУ, 2005; Малинова, О.Ю. Либеральный национализм (середина XIX - начало XX века) / О.И. Малинова. - М.:РИК Русанова, 2000; Ее же. Конструирование идентичности: возможности и ограничения / О.И. Малинова // Pro et contra. - 2007. - Т.11. - №3. - С. 60-65; Пастухов, В.Б. Национальные и государственные интересы России: игра слов или игра в слова / В.Б. Пастухов // Полис. - 2000. - №1; Понарин, Э.Д. Национальные проблемы на постсоветской территории. / Э.Д. Понарин, Н.С. Мухаметшина. - СПб.: Издательство Европейского Университета в Санкт-Петербурге ТЦ «Борей-Арт», 2001; Сидорина, Т.Ю. Национализм: теории и политическая история / Т.Ю. Сидорина, Т.Л. Полянников. - М., 2006; Соколовский, С.В. Парадигмы этнологического сознания / С.В. Соколовский // Этнографическое обозрение. - 1994. - №2. - С. 3-17; Солдатова, Г.У. Психология межэтнической напряженности / Г.У. Солдатова. - М.: Смысл, 1998; Чешко, С.В. Распад Советского Союза: этнополитический анализ. 2-е изд. / С.В. Чешко. - М.: Институт этнологии и антропологии РАН, 2000; Шнирельман, В.А. Миф о прошлом и национализм / В.А. Шнирельман // Популярная литература: опыт культурного мифотворчества в Америке и в России / Под ред. Т.Д. Бенедиктова. - М., 2003; Его же. Национальные символы, этноисторические мифы и этнополитика / В.А. Шнирельман // Теоретические проблемы исторических исследований / Под ред. Е. Пивовара. Вып. 2. - М., 1999.

² Гранин, Ю.Д. Этносы, национальное государство и формирование российской нации / Ю.Д. Гранин. - М.: ИФ РАН, 2007; Кагиян, С.Г. Нации, этносы и национализм: социально-философский анализ этно-национального дискурса: дис...доктора философ. наук: 09.00.11. / С.Г. Кагиян - М.: РГБ, 2005; Смирнов, А.А. Национализм как идеология: постмарксистский подход: дис...кандидата философ. наук: 23.00.02. / А.А. Смирнов. - М.: РГБ, 2007; Торукало, В.П. Нация и национальные отношения (истоки, теория, современность): дис...доктора философ. наук: 09.00.11. / В.П. Торукало - М.: РГБ, 2002.

последние несколько лет. В работах Ю.Д. Гранина, А.Ф. Зорина, Ю.И. Лаптевой, Н.С. Мухаметшиной, В.А. Топоркова изучаются различные аспекты современного русского и российского национализмов¹. И.Г. Ипполитова² анализирует семантику национализма в культуре современной России, а Н.В. Савинова³ обращает свое внимание на проявление российского национализма в годы Первой мировой войны. Работы всех отечественных исследователей, а это далеко не полный их перечень в рамках заявленной проблематики, позволили ввести российские дискуссии о нации и национализме в международный научный контекст.

Этапы изучения нации и национализма в зарубежной и отечественной традиции не совпадают. Причина - выпадение советской методологии и науки из общемирового контекста исследований данной проблематики.

Западные концепции наций и национализма в той или иной мере изучены российскими исследователями. Настоящая работа впервые предлагает их сопоставление с отечественными теориями в рамках определенных методологических подходов и эволюцию понимания данных явлений в исторической динамике в России.

Цель диссертационного исследования состоит в выявлении проблем теоретического изучения феноменов «нация» и «национализм» в исторической динамике.

Для ее достижения необходимо решение следующих **задач**:

1. Анализ и типологизация подходов зарубежной научной литературы к содержанию понятий «нация» и «национализм».

¹ Гранин, Ю.Д. Глобализация и национализм: история и современность. Социально-философский анализ : дис ... доктора философ. наук : 09.00.11 / Гранин Ю.Д. – М.: ИФ РАН, 2008; Зорин, А.Ф. Русский национализм как социально-политический феномен постсоветского периода: дис... кандидата полит. наук: 23.00.02. / А.Ф. Зорин. – М.: РГБ, 2007; Лаптева, Ю.И. Политический национализм в современной России (1990-2005 гг.) : тенденции и противоречия : дис... кандидата полит. наук: 23.00.02. / Ю.И. Лаптева. – М.: РГБ, 2007; Мухаметшина, Н.С. Трансформации национализма и "символьная элита" : Российский опыт: дис... доктора полит. наук: 23.00.02. / Н.С. Мухаметшина. – Самара: Самар. ун-т, 2003; Топорков, В.А. Национализм в постсоветской России : социально-философский анализ : дис ... кандидата философ. наук : 09.00.11 / Топорков В.А. – Твер. гос. ун-т, 2007.

² Ипполитова, А.Г. Семантика национализма в культуре современной России / А.Г. Ипполитова. – СПб.: Нестор, 2006.

³ Савинова, Н.В. Российский национализм и немецкие погромы в России в годы Первой мировой войны : 1914-1917 гг.– дис... кандидата ист. наук: 07.00.02. // Н.В. Савинова. – СПбГУ, 2008

2. Исследование отечественной традиции изучения феноменов «нация» и «национализм» сер. XIX в. – конца XX в.

3. Выявление особенностей современной российской научной парадигмы «национального», определение основных векторов развития данной проблематики на отечественном материале.

Источниковой базой диссертации явились основополагающие труды представителей общественно-политической мысли, публикации зарубежных и отечественных современных ученых, русских философов и мыслителей, которые составили общетеоретическую основу научного анализа и обобщения в сфере изучения наций и национализма. Источники по данной проблематике тесно переплетаются с историографией, т.к. часто исследователь затрагивает предыдущее изучение феноменов «нация» и «национализм».

Также использованы опубликованные нормативно-правовые акты – Конституция (Основной закон) СССР, протоколы съездов и совещаний РКПб, посвященным национальным вопросам, Конституция РФ, Концепция государственной национальной политики РФ (1996) и дополняющий ее Приказ Минрегиона России от 03.03.2005 г., опубликованные данные социологических опросов, проведенных Левада-центром. Их совокупность помогает объяснить вопросы, связанные с формированием тех или иных исторических условий, повлиявших на изучение феноменов «нация» и «национализм».

Методология исследования основана на междисциплинарном подходе, с использованием как общенаучных (анализ, синтез), так и частнонаучных методов этнологии, социальной антропологии, этнополитологии, политологии, социологии. Подобный методологический подход обусловлен тем, что в зарубежной и отечественной науке феномены «нация» и «национализм» изучались в рамках различных дисциплин. Теоретической основой диссертации стали труды Э. Смита, Э. Геллнера, Б. Андерсона, М. Хроха, Р.

Брубэйкера, В.А. Тишкова, М.Н. Губогло, В.С. Малахова, Л.М. Дробижевой, В.В. Коротеевой, А.И. Миллера.

Исторический характер исследования определяется принципами историзма, объективности и системности. Указанные принципы обусловили использование историко-сравнительного (при сопоставлении зарубежной и отечественной литературы), историко-системного (при изучении системы формирования взглядов в зарубежном и отечественном националистическом дискурсе) и проблемно-хронологического (при периодизации исследований по проблемам нации и национализма) методов.

Научная новизна исследования состоит в том, что в нем, впервые отечественные теории наций и национализма анализируются в историческом контексте с позиций различных методологических подходов в сравнении с зарубежными. Также впервые было рассмотрено понимание феноменов «нация» и «национализм» в разные моменты времени, начиная с середины XIX в. до начала XXI в. во взаимосвязи с исторической ситуацией, философскими концепциями и теоретическим обобщениями на отечественном материале.

Теоретическая и практическая значимость исследования. Теоретические обобщения и выводы существенно дополняют имеющиеся концепции и подходы в исследовании феноменов «нация» и «национализм». На основании теоретических разработок типологий национализма была предложена и обоснована классификация национализмов в России: официальный, сепаратный и радикальный типы.

Материалы диссертации могут быть использованы для анализа, более детального исследования этнополитических и национальных процессов в современной России, а также применяться в разработке и преподавании соответствующих курсов и семинаров по этнополитологии и этносоциологии.

Положения, выносимые на защиту:

1. Размах и радикальность критики представителей различных подходов к изучению феноменов «нация» и «национализм» по отношению друг к другу дают основание говорить, что в ближайшем будущем междисциплинарный статус данных категорий будет общим местом. «Нация» и «национализм» относятся к числу дефиниций, расположенных на границах между историей, социальной философией, социологией, политологией, этнологией и другими дисциплинами, так или иначе, их использующими. Каждая из этих дисциплин теоретически вычленяет лишь одну из сторон (аспектов) таких сложных, исторически изменчивых феноменов, каковыми для внешнего наблюдателя являются «нация» и «национализм». Соответственно, эти категории необходимо рассматривать под углом различных ситуаций, происходящих в истории и науке тех стран, где они присутствуют, в качестве субъективно-объективных явлений, в качестве процесса, направление которого может меняться.

2. Устойчивой чертой исследованных представлений русской интеллектуальной элиты в дореволюционный период было противостояние двух типов интерпретации «идеи нации» в русле двух соперничающих направлений: либерального и консервативного. Взгляды либеральной интеллигенции развивались в духе принятых в настоящее время в западных обществоведческих науках исследований и составляли альтернативу самодержавию в решении национального вопроса.

В советский период дискуссии велись в рамках четко устоявшейся идеологии. Национализм оценивался однозначно негативно, а нация считалась высшей ступенью развития этноса. Главным в этот период были не обсуждения и создание теорий, а политика, противоречивые результаты которой со всей полнотой испытывает на себе отечественный корпус исследований национализма и нации.

3. Современный националистический дискурс в России находится под влиянием западной науки, чьи разработки и теории активно входят в научный оборот, в то же время категориальный аппарат, которым пользуется социальная наука в «национальном вопросе», достался в наследство от обществознания советской поры, поэтому в основном исследования ведутся в рамках примордиалистских воззрений. Конкуренция между различными политическими силами, отстаивающими свою трактовку понятий «нация» и «национализм», приобретает особую остроту в русле борьбы за влияние, власть и ресурсы.

Апробация диссертационного исследования. Основные положения и выводы диссертационного исследования нашли отражения в 7 публикациях, в том числе в двух ведущих научных рецензируемых журналах – «Вестнике Московского областного университета» и «Уральском историческом вестнике», и прошли апробацию в ходе Шестой российской университетско-академической научно-практической конференции (г. Ижевск, 2004); Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 150-летию со дня рождения профессора И.Н.Смирнова (г. Ижевск, 17-18 октября 2006); VII Конгресса этнографов и антропологов России (г. Саранск, 9-14 июля, 2007г.); Всероссийской научно-практической конференции «Единство в многообразии: диалог культур и сохранение культурной идентичности в российском социуме на рубеже XX-XXI вв. (г. Ижевск, октябрь, 2007); VIII Конгресса этнографов и антропологов России (г. Оренбург, 1-5 июля, 2009г.).

Структура работы. Диссертация состоит из введения, трёх глав, заключения, списка использованных источников и литературы, приложений.

Глава I. Зарубежная историография национализма

1.1 «Национализм» и «нация» в зарубежной исследовательской литературе: общие понятия, теория и эволюция.

Понятия «нация» и «национализм» как в современной обществоведческой науке, так и на уровне общественного сознания являются крайне дискуссионными. Любая теория национализма неразрывно связана с интерпретацией исследователем понятия «нация». Прежде чем приступить к рассмотрению основных точек зрения на природу «национализма» и «нации», выделим общее понимание этих терминов в зарубежной исследовательской литературе в исторической ретроспективе и эволюции.

«Нация» в эпоху Средневековья и Нового времени. Латинский термин «*natío*» (восходит к «*nasci*», что означает «рождаться») изначально выражал идею семьи, родства, племени, т.е. имел значение, близкое к греческому термину «этнос». Римляне так называли другие народы, а себя называли *populus*. После распада Римской Империи образованные на ее территории христианские королевства и народности, формировавшиеся в раннем средневековье, переняли вместе с латинским языком и дихотомическое употребление двух слов: *natío* и *gens* — для обозначения «цивилизованных» («христианских») народов и «варваров» («язычников»)¹. Слово «нация» (*nation*) заимствовано из английского языка (его появление в Англии относят примерно к 1250 г)². В то время означает сообщество, члены которого имеют одинаковое

¹ Гранин, Ю.Д. Этнос, национальное государство и формирование российской нации / Ю.Д. Гранин. – М., 2007. – С.9.

² Торукало, В.П. Нация и национальные отношения. (Истоки, теория, современность): дис. ...д-ра филос. наук / В.П. Торукало. – М.: РГБ, 2002. – С.22.

происхождение. Однако со временем термин «нация» претерпел определенную эволюцию, прежде всего, в западноевропейской политической культуре.

Так, в период позднего Средневековья термин «нация» приобрел значение «землячества». Например, в знаменитом Пражском университете времен Яна Гуса официально числилось четыре «нации» (четыре студенческих конгрегации): чешская, польская, баварская и саксонская. Очевидно, что фактором идентификации была не этническая принадлежность, ибо польская «нация» тогда состояла почти исключительно из немцев – подданных польского короля, и следовательно, из четырех наций Пражского университета три были немецкими. Но это не единственный пример. Четыре «нации» было в Болонском университете, ещё большее число наций составлял Мальтийский духовно-рыцарский орден. В тот период «нация» – почти всегда землячество, которое складывалось довольно легко, потому что как рыцарский орден, так и университет представляли собой весьма замкнутую корпоративную организацию. Обособлению способствовало то, что университетское преподавание и богослужение в католических соборах велись на латыни (языке учености и церкви того времени)¹.

Данный «университетско-клерикальный» этап был очень важен для понимания последующих трансформаций термина «нация» в западноевропейской социальной ментальности. Эволюция значения термина «нация» в Средние века соответствовала эволюции европейского общества того времени с характерным для него корпоративным (цеховым и сословным) социальным строением и политическим устройством – разделением на многочисленные феодальные государства.

В переходный период от Средневековья к Новому времени «нацией» начали называть совокупность подданных одного государя и по прямому преемству – сообщество граждан одного государства, независимо от того,

¹ Махнач, В.Л. Нация и национализм. [Электронный ресурс]: лекция / В.Л. Махнач. – Режим доступа: <http://www.mahnach.by.ru/lections/ikvp/12.htm>. (дата обращения 09.03.2005).

имело оно монархическое или республиканское устройство. В этом случае неудивительно, что в нарративных источниках конца XV в. упоминается «бургундская нация», поскольку в понимании современников Бургундское государство было могущественным и самостоятельным (хотя формально герцог Бургундский являлся вассалом французского короля).

«Нация» в эпоху Просвещения. В XVIII в. термин «нация» толковался достаточно своеобразно, так как в состав этой общности включались представители только благородных сословий, реально принимавших участие в государственном управлении. Такое понимание было отчасти выражено в трудах И. Канта, увязавшего между собой термины «нация» и «народ» (этнос). В частности, он писал: «Под словом народ (*populus*) понимают объединенное в той или другой местности множество людей, поскольку они составляют одно *целое*. Это множество или часть его, которая ввиду общего происхождения признает себя объединенной в одно гражданское целое, называется *нацией* (*gens*), та часть, которая исключает себя из этих законов (дикая толпа в этом народе), называется *чернью* (*vulgus*), противозаконное объединение которой называется *скопищем* (*agere per turbas*); это такое поведение, которое лишает их достоинства граждан»¹. Это классово-сословная интерпретация термина «нация» была заведомо ограничена, особенно в век просвещения с его идеями свободы, равенства и братства.

Слово «нация» начало наполняться гражданским содержанием со времени Великой французской революции 1789 г., когда понадобилось определение для того «всенародного субъекта», который взял власть у короля. Демократия силой предложила сделать народ, или население страны, субъектом своего государства. На деле провозглашенное нацией население Франции в тот момент не имело ни культурной однородности, ни общего языка, то есть еще не

¹ Кант, И. Сочинения. Т.6. / И. Кант // Под общ. ред. В.Ф. Асмуса и др. – М.: Мысль, 1966. – С. 576.

образовывало единого этноса. Нация, продекларированная революцией, была лишь политической нацией¹.

Универсалистская идеология младореспубликанской Франции не замечала феномена этничности и практиковала весьма жесткую ассимиляцию разнородного населения – прежде всего, через обязательное государственное образование на «правильном» (парижском) французском языке с запрещением употреблять в школе все иные языки и диалекты. Однако, в ходе европейских революций середины XIX в. предельно четко обнаружилось, что «политическая нация» сама по себе неустойчива без культурной общности.

Нация воспринималась «просвещенным» общественным сознанием как политическая и культурная форма социальной организации. Различия в понимании «сущности» нации определяются тем, на каком из этих значений делают акцент. Из этого различия выросли две концепции, или две модели нации, – «гражданская», или «политическая», с одной стороны, и «этническая», с другой. Первую из них принято называть также «французской», вторую – «немецкой».

«Французское» и «немецкое» понимание нации. Уже более двухсот лет в историографии выделяются два представления о нации: «немецкое» и «французское». Французское имеет в своей основе идею нации, как сообщества людей, которые сделали осознанный и свободный политический выбор. Истоки этого представления восходят к временам Великой французской революции, в тот период старому режиму противостояло «третье сословие», которое называло себя нацией. Так, размышляя о французской модели нациестроительства, П. Серно отмечал: «Французская нация представляет собой политический проект (*projet politique*)»². Второе представление восходит к работам И.Г. Гердера³ и немецких романтиков XIX в. По их мнению, нация

¹ Weber, Eu. Peasants into Frenchmen: the modernization of rural France, 1870-1914 / Eu. Weber. – Stanford, 1976. – P. 29.

² Серно, П. Этнос и демос: дискурсивное построение этнической идентичности / П. Серно // Этничность. Национальные отношения. Социальная практика. – СПб.: ТОО ТАК КАК «Петрополис». – 1995. – С.53.

³ Гердер, И.Г. Идеи к философии истории человечества / И.Г. Гердер. – М.: Наука, 1977.

выражает «народный дух», опирается на культуру и общее происхождение. Для интеллектуалов-романтиков язык был сущностью нации, тогда как для французских революционеров он был лишь средством достижения национального единства.

Во Франции сначала появилось государство, где под влиянием якобинской идеологии суверенный народ провозгласил существование единой и неделимой нации. Нация здесь развилась вследствие политического объединения, в рамках суверенного государства формировалась насаждением сверху. По немецкой романтической концепции, нация, напротив, предшествует государству. Первоначально появляется единство, основанное на общности языка и культуры, потом по мере развития национального самосознания возникает необходимость создания суверенного национального государства. В соответствии с немецкой концепцией сначала были язык и культура, тогда как по французской концепции, язык – лишь средство политической унификации. Эти две модели показывают два различных пути формирования нации, «французская» – от государства к нации, «немецкая» – от нации к государству.

Разумеется, выделенные здесь модели нации – это, по сути, упрощенные типы. Даже во Франции, где тенденция к отождествлению нации и государства особенно сильна, наряду с пониманием нации как сообщества граждан достаточно распространено представление о нации как культурно-историческом единстве. Именно к такой трактовке апеллирует, например, Жан-Мари Ле Пен. Тем не менее, в государствах, где распространилась этническая трактовка нации, в настоящее время возникают проблемы с интеграцией мигрантов. Социологическое исследование «В Европе как дома – мусульмане в Европе» показало, что 70% проживающих в Лондоне мусульман считают себя англичанами, а в Лестере таких 82%. Один из самых худших результатов показала Германия, 75% живущих в Германии мусульман не причисляют себя к

гражданам этой страны¹. Причина кроется в том, что немцы свою нацию отличают по этническим, а не политическим признакам. Если французская национальная идентичность складывалась вместе с государством и в рамках государства, то немецкая – вне его рамок. Поэтому нация в немецком случае (равно как и в случае других стран Центральной и Восточной Европы) не могла отождествляться с государством.

Со времен Великой французской революции и европейского романтизма «нация» стала восприниматься как сообщество суверенных граждан, где народ как гражданское сообщество имеет право на образование своего государства. В рамках этой концепции нация понимается как «объединение людей, живущих по одним законам и представляемых общим законодателем», т.е. суверенным народом². Хотя, следует отметить, что определенные различия (французского и немецкого происхождения) в понимании термина «нация» существуют до сих пор, что находит свое отражение и в международном праве.

Э. Ренан и М. Вебер. Упомянутая знаменитая лекция французского историка, писателя и мыслителя Э. Ренана «Что такое нация?», в которой он попытался дать научное определение нации, можно сказать, стала первой серьезной научной работой на эту тему.

Испанский философ Х. Ортега-и-Гассет назвал это определение «формулой Ренана»: «Общая слава в прошлом и общая воля в настоящем; воспоминание о совершенных великих делах и готовность к дальнейшим – вот существенные условия для создания нации... Позади наследие славы и раскаяния, впереди – общая программа действий... Жизнь нации – это ежедневный плебисцит». И далее: «Нация являет собой великое солидарное сообщество, созданное ощущением жертвы, которую она принесла и готова приносить и в дальнейшем. Нация задана своим прошлым и придает себе окончательный вид в настоящем... Существование нации... это постоянное

¹ Исследование лондонского института «Открытое общество» // Огонек.- №4 (1 февраля). – 2010. – С.7.

² Филиппова, Е.И. Что такое Франция? Кто такие французы? / Е.И. Филиппова // Национализм в мировой истории. – М.: Наука, 2007. – С. 173.

народное голосование, подобное тому, как существование индивидуума – это неустанное принятие жизни»¹. И все же, наряду с общностью культуры и общей исторической памятью, делающими некоторый коллектив людей нацией, Ренан выделил в качестве конститутивного признака нации *волю* этих людей *жить вместе*². Тем самым он подчеркнул политическую природу объединения, называемого нацией.

В заочную полемику с «французом» Э. Ренаном вступил «немец» М. Вебер. Согласно идеям одного из классиков современной социологии, посвятившего данному феномену ряд научных работ, понятие «нация» носит субъективный характер, а предмет, который оно определяет, относится к «сфере ценностей» человека. Оно основывается на человеческой природе понимания мира, так как существует лишь в ощущении человека, который стремится быть частью социального и политического сообщества. М. Вебер относил концепт «нации» к сфере ценностей, считая, что он «означает главным образом то, что от определенной группы следует ожидать проявления особого чувства солидарности перед лицом других групп»³. Одновременно он указывал на отсутствие согласия по вопросу о том, как определять границы подобных групп и какие действия должны проистекать из такого рода солидарности.

Такова в самом общем плане эволюция термина «нация» в историческом контексте от раннего Средневековья до начала XX века. Многие установки развития данного понятия оказали существенное влияние на разработки более поздних и современных исследователей.

Современное понимание нации. В настоящее время под «нацией» в бытовом смысле часто понимают *государство*. Организация Объединенных Наций является организацией объединенных государств. Но термины «государство» и «нация» не синонимы, т.к. существует понятие

¹ Цит. по: Ортега-и-Гассет, Х. Восстание масс. [Электронный ресурс] / Х. Ортега-и-Гассет. – Режим доступа: <http://www.PHILOSOPHY.ru/library/ortega/vosst.html>. (дата обращения 04.05.2003)

² Brubaker, R. In the Name of the Nation: Reflections on Nationalism and Patriotism / R. Brubaker // Citizenship Studies. – 2004. – Vol. 8. – №. 2. – P.116.

³ Вебер, М. Избранное. Образ общества / М. Вебер. – М.: Юрист, 1994. – С. 287.

«многонациональное государство», равно как и Организация непредставленных наций (куда входят абхазцы, чеченцы, курды, удмурты и еще несколько десятков субъектов). Слово «нация» часто используют в том же значении, что и «общество», – люди, населяющие данную страну. Но, очевидно, что когда общество называют «нацией», в последнее слово вкладывают некоторый дополнительный смысл. Под «нацией» имеют в виду некоторую устойчивую целостность, а не простую совокупность индивидов. От общества, взятого в этом смысле, ожидают единства. Единство, в свою очередь, предполагает однородность, которая может пониматься в культурно-исторических или в этнических терминах: члены нации суть члены сообщества, объединенные либо общей культурой, либо общим происхождением, либо идеологией.

Иногда «нацию» приравнивают к этносу, но сведение «наций» (национальных сообществ) к «этносам» (этническим сообществам) невозможно, прежде всего, потому, что большинство современных наций полиэтничны. Если нацию отождествить с этносом, то вместо бельгийцев придется говорить о валлонах и фламандцах, вместо канадцев – об англоканадцах, франкоканадцах, эскимосах, украинцах и индейцах и т.д. Совсем небольшое количество сообществ, называемых сегодня нациями, являются более или менее этнически однородными. По подсчетам американского политолога У. Коннора, их количество составляет 9,1% от общего числа наций-государств¹.

Американский социолог Карл Дойч предложил считать «нацией» «народ, обладающий государством»². Однако с таким, казалось бы, привлекательным и понятным предложением могут не согласиться представители очень многих народов, которые могли обладать государством в прошлом, но утратили его впоследствии (баски, татары, сикхи, сардинцы, квебекцы, каталонцы, шотландцы). Кроме того, такой подход неявным образом вводит иерархию

¹Малахов, В.А. Национализм как политическая идеология / В.А. Малахов. – М.: КДУ, 2005. – С. 21.

²Deutsch, K. Nationalism and Social Communication. – P. 48.

между народами и провоцирует конкуренцию, направленную на повышение места в этой иерархии.

С (само)названием группы тесно связаны статусные ожидания. От того, считается ли некоторая группа людей «нацией», непосредственно зависит судьба и положение многих людей. Направление и объем денежных потоков, статус чиновников, совокупность благ, которые отмерены той или иной группе, в конечном итоге определяются тем, какое имя будет использовано для ее обозначения – будет ли она называться «нацией» или всего лишь «народностью», «национальностью» или «этнической группой».

По мнению Р. Брубэйкера, американского теоретика в области исследования национализма, «нация – это категория практики, а не анализа»¹. Чтобы понять национализм, нам необходимо понять практическое использование категории «нация», как эта категория структурирует понимание, наполняет мысль и опыт, организует дискурс и политическое действие. Нация появляется в момент своего (само)провозглашения, т.е., можно сказать, что нации как политического сообщества не существовало до того мгновения, пока она сама себя не провозгласила в качестве существующей. Но существовала ли она как культурное сообщество? Очень много вопросов, которые ученые многих направлений антропологических дисциплин ставят перед собой и пытаются их решать с применением разных методов своих наук. Автор данного исследования выделяет, исходя из анализа научной литературы и собственных представлений, в понятии «нация» систему диалектически соотнесенных оппозиций, каждой из которых, несмотря на их противоречивость присуща доля большей или меньшей объективности.

«Естественность-искусственность». Примордиалисты представляют нацию изначальной природной данностью. Этой метафоре «живого организма» противопоставляется метафора конструирования. Сначала с помощью

¹ Брубэйкер, Р. Мифы и заблуждения в изучении национализма / R. Brubaker // Ab Imperio. – 2000. – № 1-2. – С. 28-29.

конструирования в воображении национальное сознание создает нацию, а затем политическая система, т.е. государство, с помощью конструирования реального способствует ее упрочению и поддержанию.

«Индивидуальность – коллективность». Нация рассматривается в рамках этой оппозиции либо как «индивидуализированный коллектив», т.е. группа, обладающая индивидуальными особенностями, отличающими ее от других подобных групп, либо как «коллективный индивид», т.е. соединение отдельных индивидов в группу, обладающую индивидуальностью более высокого уровня и препятствующую их атомизации.

И уже упоминавшееся разделение на *«этничность – гражданство»*. Эта оппозиция часто сводится к схематически представленному противоречию между «французской» концепцией нации (основанной на праве почвы и гражданстве) и «немецкой» (абсолютизирующей кровное родство и культуру). Однако в действительности обе концепции достаточно традиционны, и лишь идеологическое противостояние привело к тому, что они стали казаться несопоставимыми. По сути, ни один из этих критериев, нельзя считать сутью «нации», поскольку границы государства-нации никогда точно не совпадают с языковыми, культурными и прочими границами. В то же время отказаться от этих критериев не представляется возможным.

Закljučая краткий обзор представлений о «нации», можно сказать, что «нация» – это инструмент исторического и политического сознания; национализм – форма идеологии, использующая этот «инструмент сознания» в своих целях. Живучесть концепта нации, может быть, как раз и объясняется его крайней нечеткостью, размытостью, противоречивостью, в котором каждый находит то, что ищет. Однако, нацию не следует путать ни с государством, ни с этносом. Она формируется в диалектическом взаимодействии как с первым, так и со вторым (или вторыми), и именно в этом взаимодействии становится социальной реальностью.

Идея нации оформляется в элитной среде того или иного народа и как средство достижения государственного суверенитета и реализуется с достижением этой государственности. Нация и государство образуют своего рода желаемый симбиоз: если идея нации является необходимой основой для государства, то в государстве воплощается коллективная «национальная» воля.

Исходя из конструктивистского подхода к национальному, нация – группа людей, способная помыслить себя в качестве политического сообщества, отличного от других человеческих сообществ. Эта группа людей проповедует общее происхождение, судьбу, исторический опыт, ее также может объединять язык, территория или какие-либо другие компоненты идентичности. Нация тесно связана с государством. Примерно концом XVIII в. можно датировать слияние понятий «нация» и «государство». В результате почти все современные государства претендуют на статус «национальных» с гражданским, а иногда этническим пониманием нации, где государство проповедует этнический национализм (Латвия, Украина и т.д.). Дискурсу нации присуще стремление к народному суверенитету.

Теперь обратимся к общему пониманию категории «национализм» в зарубежной социально-политической традиции.

Понятие «национализм». В англоязычной литературе, хотя далеко не во всей, этот термин используется преимущественно в нейтральном смысле: им называют несколько взаимосвязанных, но несводимых друг к другу явлений. Их можно соотнести с выделяемыми Дж. Бройи в статье «Подходы к исследованию национализма»¹ тремя областями исследовательских интересов: национализмом как доктриной, как чувством (национальное сознание) и как политикой.

Национализм, несомненно, можно рассматривать как доктрину, как «изм» – в таком случае объектом изучения должно быть развитие соответствующих идей. Во-вторых, исследовательский интерес может быть сосредоточен на

¹Бройи, Дж. Подходы к исследованию национализма // Нации и национализм. – С. 201-236.

массовых формах «национального сознания», на процессах формирования и распространения чувства национальной идентичности у широких слоев населения. Многие ученые останавливают свое внимание именно на проблемах возникновения и распространения у людей чувства общности по национальному признаку¹.

Наконец, в-третьих, национализм выступает как политическое движение, преследующее специфические цели и взывающее к определенным ценностям. Здесь ученые и публицисты говорят о таких ценностях национализма, как чувство любви к своему народу и нации, желание сохранить язык до ненависти к другому и желания отделиться от него².

Дополнительные сложности неизбежно возникают с описанием содержания национализма, с определением того, что представляют собой положения националистических доктрин – цели соответствующих политических движений или ценности, ассоциирующиеся с национальными чувствами. Проблема заключается и в том, что идеологи национализма по-разному интерпретируют второе, как мы уже увидели, достаточно сложное и многомерное понятие «нация», которое может рассматриваться и как «воображаемое сообщество», являющееся результатом выбора, и как общность, формирующаяся независимо от воли ее членов. Политики выдвигают во имя этой идеи самые разные требования (от политического самоопределения или культурной автономии до ужесточения законов об иммиграции); чувство национальной идентичности может проявляться с разной степенью интенсивности и выражаться как позитивно (респектабельный патриотизм), так и в виде конфронтации с представителями других наций (шовинизм и ксенофобия).

Несмотря на отсутствие единой позиции, многолетние дискуссии по проблемам нации и национализма прояснили ограниченность и прежних, и

¹Хрох, М. От национальных движений к полностью сформировавшейся нации: процесс строительства наций в Европе // Нации и национализм. – С. 121-146.

²Панарин, С. Национально-культурное возрождение в республиках и территориальная целостность России / С. Панарин // Вестник Евразии. – 2006. – №1. – С.45-57.

новых подходов, претендующих на звание «единственно верной нормативной теории». Такой не существует. «Нация» и «национализм» относятся к числу междисциплинарных категорий, расположенных на границах между социальной антропологией, философией, этнологией, этнополитологией, этносоциологией и другими дисциплинами, их использующими. Попадая в теоретический контекст другой науки, они неизбежно меняют свое содержание. Тем не менее, все они дополняют друг друга, акцентируя исследования на одной или нескольких сторонах изучаемого объекта.

Если посмотреть библиографию 60-70-х гг. XX в., то можно увидеть, что проблеме национализма общественные науки уделяют недостаточно внимания. Но пятнадцать лет спустя К. Вердери уже совершенно справедливо заметила: «В течение 1980-х и 1990-х гг. научная индустрия, построенная вокруг концепций нации и национализма, стала столь обширной и междисциплинарной, что этот фокус исследований можно считать приоритетным по сравнению с остальными»¹. Внимание к национализму, прежде всего, было связано с тем, что после 1989 г. националистические идеи зазвучали с новой силой, политическая карта была изменена в соответствии с базисным принципом национализма – принципом совпадения национально-культурных и государственно-политических границ.

Западу казалось, что все достаточно незыблемо, Европа успешно интегрируется, в США идут полным ходом процессы создания американской нации, но, тем не менее, всплеск «черного» национализма пришелся в США на 1980-е гг., выходцы из Латинской Америки все чаще начали заявлять о своих правах. Что касается Великобритании, то и в Ольстере «Настоящая ИРА» – радикальное крыло Ирландской республиканской армии – применяет далеко не только мирные методы борьбы, что показали, например, теракты марта 2009 г. В Шотландии Шотландская национальная партия, победив на выборах, обещает провести референдум об отделении от Англии, а лидер ШНП А. Сэлмонд

¹ Вердери, К. Куда идут «нация» и «национализм»? // Нации и национализм. – С. 297-308.

своими словами: «Шотландия – это нация, это страна. Это не регион какой-нибудь, не область, не графство. И как страна Шотландия должна быть независимой, потому что независимость – это лучшее, что может случиться с любой нацией, только самоуправление раскрывает все ее возможности»¹ еще раз убеждает мировое сообщество в том, что еще очень рано говорить об утихании националистических чувств и о безболезненной для всех интеграции Европы. Много событий конца XX – начала XXI вв. не произошло бы без извлечения и эксплуатации национальных чувств у населения разных государств – объединение Германии, распад Чехословакии, Югославии и СССР, не говоря уже о недавнем российско-грузинском конфликте.

Что касается употребления термина «национализм», то можно встретить разные значения. В источниках по теории международных отношений этот термин зачастую приводится как синоним этатизма, иногда отождествляется с патриотизмом, который не является, строго говоря, идеологией, а «лишь» проповедует преданность Родине как территориальному образованию. Различие в языковых традициях препятствует введению общеобязательных правил и единообразия словоупотребления. Если же говорить об англо-американской литературе, то в источниках распространено так называемое нормативно-нейтральное понимание термина «национализм», в то время как в большинстве восточноевропейских, русских и французских источников преобладает использование его с негативным оттенком.

Проведем группировку употреблений интересующего нас термина, встречающихся в литературе наиболее часто. Очевидно, что он имеет несколько значений, в частности, следующие: этнический сепаратизм, официальная государственная идеология, разные панэтнические идеологии и национально-освободительные движения.

Понятия «нация» и «национализм» сложны и многомерны, т.к. подчас исследователи вкладывают совсем разный смысл, употребляя данные термины.

¹ Цит. по: Архипов, И. Брызги шотландского / И. Архипов // Русский Newsweek. – 2007. – № 20. – С. 32.

Прежде чем перейти к рассмотрению теорий национализма в зарубежных социально-политических науках, автор предлагает взять за основу свое достаточно широкое определение этой дефиниции: «Национализм – политическая идеология и социально-политическая практика, обосновывающая через понятие «нация» определенный проект организации общества».

1.2 Основные западные теории нации и национализма

Сегодня обширная литература по проблемам нации и национализма исходит из тех основных концепций и подходов, которые были признаны классическими еще в конце XX в. Каждый из них обладает собственной научной парадигмой, методологией и, конечно, известным автором. Необходимо отметить, что все современные исследователи данной проблематики, так или иначе, обращаются к трудам «классиков национализмоведения», среди которых Э. Геллнер, Б. Андерсон, Э. Смит и др. Прежде чем перейти к их взглядам и анализу их теорий, рассмотрим начало научного изучения «нации» и «национализма» и выделим те основные положения, выработанные первопроходцами в национализмоведении, которые оказали большое влияние на все последующее изучение данных феноменов.

Основоположники изучения национализма. «История национализма – это в такой же степени история тех, кто о нем повествует, как и история собственно националистической идеологии и движения. Именно потому, что «национализм демонстрирует такое разнообразие форм и кажется столь ускользающим от нашего понимания, он бывает нам доступен только в этих различных формах, в которых его нам представили его «адвокаты» и критики»¹.

Американские историки Х. Кон и К. Хайес в 20-е гг. XX в. одними из первых выделили национализм в качестве предмета своих теоретических исследований. Х. Кон (1891–1971) до того, как стать профессором истории в США, прошел очень сложный путь: родился в Праге, участвовал в Первой мировой войне, побывал в русском плену, где стал свидетелем революции и Гражданской войны, пожил в Европе и в 1931 г., после эмиграции в США, стал профессором². Кон оставил после себя много трудов, свое первое основополагающее произведение «Национализм» опубликовал в 1922 г., «Идея

¹ Смит, Э.Д. Национализм и историки / Э.Д. Смит // Нации и национализм. – С. 236.

² Коротеева, В.В. Теории национализма. – С. 22.

национализма»¹ в 1944 г, где он размышлял о причинах возникновения данного феномена. Кон рассматривал основные этапы, предшествующие формированию национализма как политического движения. Хотя Французская революция, по мнению исследователя, была одним из мощных факторов роста распространения национализма, она отнюдь не означала его рождения². Условия, сделавшие его появление возможным, складывались в течение веков. Такие идеи Кона, как то: «национализм – наша идентификация с жизнью и надеждами неисчислимых миллионов, которых мы никогда не узнаем, с территорией, которую мы никогда не посетим целиком» – явно нашли свое отражения в трудах считающегося основоположником конструктивизма Б. Андерсона.

Также Х. Кон выделял западный (рациональный, гражданский) – Великобритания, США, Франция, Нидерланды, Швейцария – и восточный (иррациональный, органичный) – Германия, Восточная Европа, Россия – типы национализма. Отличия между данными типами он видел в разном социальном составе националистических движений, то есть, в тех регионах, где уже в XVIII веке «третье сословие» было значительной политической силой, национальные требования заключались в основном в экономических и политических преобразованиях. А в тех местах, где буржуазные слои общества даже в XIX в. еще имели слабое влияние, основные требования касались культуры. Для перечисленных стран Запад являлся привлекательным образцом, и местные образованные классы не хотели от него «отставать», вследствие чего либеральный и рациональный подход отторгался, и формировался своего рода «комплекс неполноценности» у интеллектуальных слоев русского, индийского и немецкого общества: описания «души» нации и ее миссии, дискуссии об особенностях отношения к Западу³.

Х. Кон выделял и еще один интересный и важный момент: границы

¹ Кон, Х. Идея национализма [Электронный ресурс] / Х. Кон // Ab Imperio. – 2001. – №3. – Режим доступа к журн.: <http://abimperio.net/cgi-bin/aishow.pl?state> (дата обращения 01.06.2003)

² Там же. – С.1.

³ Там же. – С.4.

поднимающейся национальности и сформировавшихся государств редко совпадали за пределами собственно Запада, и национализм появился и вырос не для утверждения суверенитета народа, а с целью приведения в соответствие рамок государства и этнографических требований. В 1944 г. это были актуальные исследования. Противопоставлялся «хороший» гражданский национализм США, Британии «плохому» этническому Италии, Германии, Японии.

К. Хайес – профессор Колумбийского университета в США (1882–1964 гг.) более известен своей преподавательской деятельностью, чем публикациями, также авторитетный специалист в вопросах национализма. Одно из первых сравнительных исследований по национализму – его «Очерки национализма»¹ (1926 г.). Это в подлинном смысле классическая работа, в ней намечены темы, которые активно присутствуют в современных теориях.

Хайес различает понятия «нация» и «национальность». Нация, по его мнению, население любого суверенного государства вне зависимости от его однородности; а национальность – группа людей, говорящих на одном языке или близких диалектах, составляющих культурную общность. Национальное государство основано на национальности, но национальность может существовать без государства. К. Хайесу принадлежит цитата: «Возможно то, что каждая группа думает о себе, также важно, как и то, что она есть на самом деле»².

По его мнению, расцвет национального самосознания связан с формированием общенациональных образовательных институтов, введением воинской повинности и распространением дешевых журналов – результат Французской и индустриальных революций. Основные этапы распространения национализма, по мнению ученого: 1) разработывание доктрины национализма выдающимися интеллектуалами; 2) поддержка доктрины группами граждан для души или денег; 3) укоренение в народном сознании с помощью массового

¹ Hayes, C. *Essays of Nationalism* / C. Hayes. – N.Y., 1926.

² Цит. по кн.: Коротеева, В.В. Теории национализма в зарубежных социальных науках. – С. 22.

образования.

Идеи Хаейса получили свое развитие в трудах таких крупных ученых, как Э. Геллнер, Б. Андерсон и М. Хрох. Также среди достоинств теории американского профессора можно отметить всестороннее рассмотрение данного явления – не только как идеологии, но и как социального движения с учетом экономики, политики, культуры.

Историки данного периода изучения национализма интересуют национализм как идеология, а не как чувство, они делают акцент в основном на его описании и классификации его подтипов, а не на анализе его генезиса и массовой привлекательности.

После окончания Второй мировой войны интерес к изучению национализма поубавился, но в 1960 г. с выходом книги Э. Кедури «Национализм»¹, переиздававшейся много раз, начался новый этап в изучении национализма, когда появляются серьезные попытки рассмотрения всего разнообразия идеологий национализма и национальных движений. Взгляды Кедури, много лет преподававшего в Лондонской школе экономики, повлияли на складывание британской академической традиции. Английский историк рассматривает европейский национализм начиная с момента его появления в Германии в начале XIX в. и вплоть до его распространения в Восточной Европе и на Ближнем Востоке стараниями местных интеллектуалов. Свою теорию ученый излагает в трех утверждениях национализма: 1) человечество естественным образом разделено на нации; 2) данным понятиям присущи эмпирически проверяемые свойства; 3) единственный законный способ правления – национальное самоопределение.

Кедури оценивает национализм неоднозначно. Стремясь к полному осуществлению своих принципов, национализм иногда ставит самоопределение нации выше человеческой жизни. Такая установка может привести к бесперспективной и деструктивной борьбе, особенно если речь

¹ Kedourie, E. Nationalism / E. Kedouri – 4-th edition. – Oxford, 1994.

идет о малых нациях, которые «не в состоянии нести бремя независимости». Национальная независимость скорее обернется благом для большого государства, которое способно обеспечивать права и свободы своих граждан. В качестве примера, когда достижение независимости не способствовало процветанию и демократизации, Кедури приводит государства, возникшие после распада империи Габсбургов. В своей работе Э. Кедури задается вопросами, каковы социальные условия для победы идеологии национализма, и приходит к выводу о том, что, где были подорваны прежние связи – семейные, религиозные, соседские, там не осталось препятствий для распространения национализма. Именно эти идеи впоследствии находят свое отражение в работах Э. Геллнера.

Труд «Национализм и социальная коммуникация»¹ К. Дойча продолжил дальнейшие разработки концепций национализма. Предложенная им «теоретико-коммуникативная» теория была значительным шагом вперед на пути научного изучения национализма. Ключевой ее тезис – о социальной коммуникации как решающем факторе формирования нации – вошел в состав многих последующих теорий и постепенно стал восприниматься как общее место. Значение системы коммуникации состоит в том, что вне этой системы идея нации не смогла бы распространяться и, самое важное, воспроизводиться. Благодаря теории Дойча процесс формирования наций был прочно увязан с объективными политико-экономическими процессами, т.к., по его мнению, в процессе создания нации рост этнического и национального самосознания вторичен по отношению к социально-экономическим факторам (переход к экономике обмена, рост городов, базовых коммуникационных сетей, концентрация капитала и профессиональных навыков).

Понимание нации как специфической системы коммуникации оказалось достаточно продуктивной идеей. Ее, в частности, блестяще развил Б. Андерсон в уже упоминавшейся книге «Воображаемые сообщества», о которой подробно речь пойдет позже.

¹ Deutsch, K. Nationalism and Social Communication.

Разные исследователи, занимающиеся историографией национализма, выделяют свои собственные названия для обозначения подходов, иногда используя разные хронологии и разные способы группирования теорий национализма. Так, В. Коротеева в своей работе «Теории национализма в зарубежных социальных науках» выделяет экономические теории, политические и культурологическую теорию Б. Андерсона; Дж. Бройи рассматривает первоначальный, функциональный и повествовательный подходы¹. Автору данного исследования более близка позиция группирования теорий по методу исследования: примордиализм, конструктивизм, функционализм и марксизм в их историческом контексте.

Примордиализм. Наиболее известный и общеразделяемый подход – примордиалистский (англ. **primordial** – изначальный). По убеждению приверженцев этой концепции, именно этническая идентичность обеспечивает основные, коренные человеческие потребности. Впервые данный подход возник еще в XIX в. в Германии, но наиболее распространенная формулировка примордиализма принадлежит американскому антропологу К. Гирцу.

Сторонники примордиализма считают, что «осознание групповой принадлежности заключено в генетическом коде и является продуктом ранней человеческой эволюции, когда способность распознавать членов родственной группы была необходима для выживания»².

Данный подход включает в себя два направления: социобиологическое и эволюционно-историческое. Сторонники социобиологического направления признают этничность как объективную данность, изначальную характеристику человечества, а этносы и нации, в свою очередь, по их мнению, представляют собой естественные целостности, которые могут быть поняты по аналогии с биологическими популяциями. В числе представителей данного направления можно назвать голландского антрополога П. Ван ден Берга³.

¹ Бройи, Дж. Подходы к исследованию национализма / Дж. Бройи // Нации и национализм. – С. 201-236.

² Тишков, В.А. Очерки теории этноса и политики этничности / В.А. Тишков. – М., 1997. – С. 92.

³ Van den Berghe, P. Rase and Ethnicity: a Sociobiological Perspective / P. Van den Berghe // Ethnic and Racial Studies – 1978. – № 4. – P. 401-411; Его же. The Ethnic Phenomenon. / P. Van den Berghe. – N.Y: Elsevier, 1981.

Представители эволюционно-исторического направления рассматривают национализм как долговременный процесс развития мирового исторического явления или своего рода «идеального типа». В рамках этой парадигмы национализм имеет свои корни, момент зарождения, стадии роста и временные границы и совпадает в основных характеристиках, где бы он ни имел место: во Франции, в России или в Китае. При историческом подходе национализм зарождается в тюдоровской Англии и в революционной Франции, распространяется по Европе, а затем и по всему миру, включая Россию и Китай.

Наиболее крупный представитель примордиалистского подхода в англоязычном национализмоведении – британский социолог и историк Э. Смит, автор «Теории национализма»¹ (1971), «Этнические истоки наций»² (1986), «Национализм и модернизм»³ (1998) и других исследований. Э. Смита можно назвать человеком, посвятившим себя национализму.

Э. Смит хотя и считает нации и национализм феноменами современного общества, но не выводит их появление из последствий развития промышленности и СМИ, в отличие от Э. Геллнера (своего ныне покойного учителя) и Б. Андерсона. Современный политический национализм, по его мнению, нельзя понять без ссылки на более ранние этнические связи и память, а в некоторых случаях – досовременную этническую идентичность. Он обнаруживает связь между этническими образованиями предшествующих эпох и современными нациями. Коллективная историческая и культурная память, фольклор есть у всех народов. Корни национализма Смит видит в стремлении к укорененности, в стремлении людей к славе и уважению. Мифы, символы и церемонии национализма являются, по его мнению, основой социальных связей и политического действия в современных обществах. Ученый соглашается, что появление первых наций, действительно, можно датировать самым ранним концом XVII в. Однако в досовременный период можно обнаружить поразительные параллели идее национальной идентичности и даже движения,

¹ Smith, A. Theories of Nationalism / A.D. Smith. – L., 1971

² Smith, A. The Ethnic Origins of Nations / A.D. Smith. – Oxford, 1986.

³ Смит, Э. Национализм и модернизм. – М., 2004.

очень напоминающие национализм своей защитой территории и культуры. Задача, которую ставит перед собой Смит, – проследить, как далеко уходят «корни» наций в прошлое, и установить их связь с этническими общностями.

Пути формирования наций, по мнению Смита, зависят от того багажа, который имели предшествующие им этнические общности, и этнической мозаики, сложившейся к моменту перехода к нации. По определению Смита, «нация – население, имеющее общее имя, владеющее исторической территорией, общими мифами и исторической памятью, обладающее общей экономикой, культурой и предоставляющее общие права и обязанности для своих членов»¹. Она могла формироваться как сверху вниз, так и наоборот.

По мнению британского ученого, внутри современных государств есть этнии и нации, каждая этния стремится стать нацией, исповедуя идеологию национализма². Этния для этого использует свое мобилизуемое прошлое, исторический багаж. Смит заявляет, что знание предшествующих нации этнических связей и культурных элементов поможет предсказать, какие нации появятся и где. Без такого знания нельзя определить, к кому будет апеллировать национализм и каков будет его характер: религиозный или светский, консервативный или радикальный, гражданский или этнический.

Подводя итог, необходимо отметить, что Э. Смит себя причисляет к подходу, называемому им «перенниализмом» (от англ. perennial – вечный)³ – что-то среднее между «примордиализмом» в его эволюционно-биологическом ключе и «модернизмом», представители которого считают нации продуктом современности (данный термин в национализмоведении также введен Смитом). Однако утверждение того, что «союзы, которые мы называем нациями, и настроения и чувства, которые мы называем национализмом, встречаются во все исторические периоды, даже если мы маскируем этот факт, используя для обозначения аналогичных феноменов другие термины. Факты данных характеристик человеческих существ, их тяга к родству и принадлежности

¹ Smith, A. Nationalism: Theory, Ideology, History (Key Concepts) / A.D. Smith. – Cambridge, 2001. – P.19.

² Смит, Э. Образование наций / Э. Смит // Этнос и политика. – М., 2000. – С.91.

³ Смит, Э. Национализм и модернизм. – С. 293.

группе, их потребность в культурном символизме для общения и собственной значимости, говорят нам о том, что нации и национализм вечны и, быть может, универсальны»¹ говорит нам о том, что Смит, выводя нации из этносов, принадлежит к примордиалистско-историцистскому подходу.

Нужно сказать, что сторонников данного подхода много и среди российских исследователей, т.к. марксистско-ленинская теория, а потом и формулировка нации, данная Сталиным, долгое время были неподдающимися критике. Об этом речь пойдет в следующей главе, но, тем не менее, до сих пор некоторые ученые считают нацию лишь последней стадией в развитии, данном в трехчленной формуле *племя-народность-нация*²

В работах сторонников *исторического* подхода нация предстает как мощная социальная и историческая реальность, обладающая объективными характеристиками: территорией, языком, общностью хозяйства, психологическим складом и др., т.е. является почти тем же самым, что и этнос или высшая его стадия. Определенно, в данной дефиниции больше исключений, чем правил, т.к., об этом говорилось выше, почти во всех странах мира население полиэтнично, и нация может формироваться не только на этнической идентичности, но и на региональной, кантональной, языковой и т.д. Но примордиалистский подход отстаивается огромной армией исследователей как в России³, так и за рубежом, и в биологическом (последователи Л. Гумилева), и в историческом варианте. Итак, примордиальные концепции рассматривают нации как следствие естественно-исторического развития этнических групп. Единство национального самосознания вытекает из объективно существующих признаков, унаследованных от этноса.

Конструктивизм начал распространяться в 60-е гг. XX в. после выхода книги П. Бергера и Т. Лукмана «Социальное конструирование реальности»⁴

¹ Smith, A. Ethnic Origins of Nations. – P. 12.

² Беркович, Н.А. Племя, народность, нация: Соц.-филос. исслед / Н.А. Беркович. – СПб.: Наука, 2001.

³ Кравченко, С.А. Социология: парадигмы и темы / С.А. Кравченко, М.О. Мнацаканян, Н.Е. Покровский. – М., 1997. – С. 251-253.

⁴ Бергер, П. Социальное конструирование реальности: Трактат по социол. знания. / П. Бергер, Т. Лукман. – М.: Моск. филос. фонд, 1995.

(1967) и стал господствующим в 70-80-е гг. Конструктивистский подход в изучении этничности получил большое распространение в этнологии США и других эмигрантских стран (Канада, Австралия). В этих странах не было укорененных этнических групп, за исключением коренных индейских племен и племен австралийских аборигенов, именно поэтому, на наш взгляд, там конструктивистский подход получил большее распространение, чем в полиэтничных государствах, сложившихся на основе многообразия коренного населения.

Конструктивизм понимает общественные явления не как данности, а как продукты человеческого сознания и практики. В этом смысле они и есть социальные конструкторы.

В исследованиях национализма конструктивизм утвердился благодаря книге Бенедикта Андерсона «Воображаемые сообщества»¹ (1983), а также сборнику статей под редакцией Эрика Хобсбаума и Теренса Рэйнджер «Изобретение традиции»² (также 1983).

По Б. Андерсону, нация представляет собой *воображаемое* сообщество. Это, разумеется, ни в коей мере не означает ее нереальности, фиктивности, существования «лишь в головах». Воображаемость нации указывает исключительно на то обстоятельство, что каждый из составляющих ее индивидов лично не знает и никогда не узнает всех остальных ее членов, что не мешает ему мысленно с ними соотноситься. По мнению британского исследователя, это стало возможным лишь благодаря пришествию эры печатного капитализма. Когда в пределах одной культурной общности на ее национальном языке начали выходить газеты, романы, вся печатная продукция, это позволило создать в умах людей воображенное сообщество, т.к. «члены даже самой маленькой нации никогда не будут знать большинства своих

¹ Андерсон, Б. Воображаемые сообщества.

² Hobsbawm, E. The Invention of Tradition . – Cambridge, 1983.

собратьев-по-нации, встречаться с ними или даже слышать о них, в то время как в умах каждого из них живет образ их общности»¹.

Печатный капитализм не только подтолкнул развитие (а заодно и стандартизацию) национальных языков, но и привел к массовому распространению унифицированных систем знания, циркулировавших в определенных политических границах. Так люди получают информацию, прежде всего, о территории своего государства, ощущают связь с этим пространством, осознают его как национальное. Иными словами, выпуск книг, а затем и газет способствовал формированию того поля коммуникации, на значение которого впервые обратил внимание К. Дойч.

Б. Андерсон в своем труде много внимания уделил историческим предпосылкам, влияющим на появление той или иной разновидности национализма, и выделил три типа согласно историческим обстоятельствам. Первый – гражданско-республиканский, или «креольский», национализм, который был распространен в Латинской Америке в конце XVIII – начале XIX вв. Креолы (белое испаноязычное население колоний, родившееся вне метрополии) раньше чем в Европе развили представление о национальности. Будучи отличными от аборигенного населения в культурном и в этническом отношении, а с другой стороны, страдая от непризнания элитами метрополии, они первыми начали «вообразить» себя как нацию в пределах той территории, на которой жили и представителями которой являлись, причем они приняли в свои ряды расово и лингвистически отличное население колоний, т.е. сознательно строили, конструировали национальную общность. Особая роль в этом конструировании принадлежала издателям, обеспечивавшим циркуляцию «национальных» газет.

Показательно то, что границы наций-государств, появившихся после победы в войне за независимость в первой трети XIX столетия, – Мексики, Аргентины, Чили, Перу, Эквадора, Боливии и т.д. – в точности совпадали с

¹ Anderson, B. *Imagined communities. Reflections on the Origin and Spread of Nationalism* / B. Anderson. – L.: Verso, 1983. – P.31.

административными границами провинций, установленными колониальными властями из Испании и других европейских стран. Местные правящие классы предпочли воспользоваться уже существующими политическими единицами и сосредоточенными внутри них организационно-институциональными ресурсами, чем создавать новые. Главная задача национализма в этой связи заключалась в том, чтобы легитимировать границы между провинциями колоний в качестве национальных границ. И решающую роль в этом сыграли креольские паломники-функционеры и провинциальные креольские печатники¹.

В Европе же, по мнению Андерсона, решающее значение имели история и язык. Исследователь выделяет следующий тип национализма – лингвистический, который характерен для стран Центральной и Восточной Европы. Если в Западной Европе складывание наций шло постепенно и во многом стихийно, то в этих регионах нация – сознательный проект. Энтузиасты, вдохновленные идеями национализма, стремятся к воплощению уже существующего образца.

В основании этого типа национализма лежит убеждение в том, что сущность нации – в уникальном своеобразии ее языка. Коль скоро существует некоторое языковое сообщество, должно существовать и политическое образование, обеспечивающее развитие этого сообщества. Это представление дает мощный толчок движениям за образование отдельных государств в регионах, подчинявшихся тому или иному имперскому правлению. Националистическим движениям в этом случае обычно предшествует интенсивная работа по кодификации – а в значительной мере и конструированию – языков (чешского, норвежского, украинского и т.д.) Эти языки существовали главным образом в устной форме, а значит – в форме многочисленных диалектов. Энтузиасты «национального пробуждения» составили словари, разработали правила, записали, и тем самым

¹ Андерсон, Б. Воображаемые сообщества. – С. 88.

каталогизировали, устные традиции и, наконец, благодаря печатным средствам (газетам, книгам, популярным брошюрам) провели работу по распространению этого знания. В результате то, что существовало в виде разрозненных и крайне подвижных феноменов, получает форму устойчивой целостности – национальной культуры. Последняя в известном смысле была произведена, сконструирована националистами.

Продукты деятельности националистов стали эффективными инструментами в борьбе против господства больших языков, являвшихся языками империй.

Аналогичный процесс шел и в других странах, где местные языки выступили конкурентами имперских языков – прежде всего английского и французского. Результаты этой борьбы очень разнятся. Иногда, как для многих народов Восточной Европы, – удачно. Иногда, и довольно часто, – нет. Например, бретонскому национализму, равно как уэльскому и шотландскому, не повезло. Парижу удалось низвести нефранцузские языки Франции на уровень диалектов, а Лондону – почти полностью исключить гэльский как язык общения (хотя в наши дни наблюдается их реанимация). Каталонскому и галисийскому национализмам также пришлось уступить натиску со стороны Мадрида, однако последнему не удалось превратить эти языки в диалекты испанского (кастильского).

Третий тип национализма, выделяемый Андерсоном, «официальный». Это национализм имперского государства, пытающегося превратить многонациональное население империи в единую нацию. Классические примеры «официального» национализма дают три последние империи Европы, разрушенные Первой мировой войной, – Россия, Турция и Австро-Венгрия. Официальный национализм является своеобразной реакцией правящих кругов на националистические движения подчиненных народов и включает в себя обязательный контроль государства над начальным образованием, организованную государственную пропаганду, переписывание истории,

милитаризм. Б. Андерсон использует название «русификация»¹. Модель официального национализма позднее использовалась и внеевропейскими правителями – в Сиаме и в Японии.

Три типа национализма, раз сформировавшись, в дальнейшем, по мнению Андерсона, превратились в образцы для подражания в иных социальных условиях и культурных контекстах, хотя то, что в наше время меняются механизмы коммуникации и создания образов, влияет на создание и новых форм национализма. Носителями «креольских» национализмов выступают потомки переселенцев и их детей от смешанных браков.

Начало ирландскому национализму положило в свое время восстание «молодых ирландцев», которые были выходцами из семей, созданных поселенцами из Англии и Шотландии и местных жителей кельтско-католического происхождения, т.е. католиками, не подвергшимися переходу в англиканство².

Равным образом национализм, обозначенный Андерсоном как «официальный», не ограничивается тремя вышеназванными империями. Под этот тип подпадают любые идеологии ассимиляции: от германизации польских земель в Германии Вильгельма II и франкизации корсиканцев во Франции до попыток японизации Кореи и китайского населения Тайваня, предпринимавшихся Японией между 1895 и 1945 гг. Вариантом «официального» национализма можно считать и политику китаизации некитайского населения в КНР.

Национализм, по мнению Андерсона, подобно религии, не является идеологией, как либерализм или фашизм, поскольку он не представляет собой связной доктрины, это культурный феномен, значит, его можно сравнить скорее с родством³, с чем трудно согласиться, т.к. Б. Андерсон оставляет без внимания многие социально-экономические и политические вопросы, обращая

¹ Андерсон, Б. Воображаемые сообщества. – С. 114.

² См. Полякова, Е.Ю. Ирландия – разделенная нация / Е.Ю. Полякова // Национализм в мировой истории. – С. 143-172.

³ Андерсон, Б. Воображаемые сообщества. – С. 30.

внимание только на культурную составляющую национализма. Можно сказать, что в этом ограниченность его исследования, но, тем не менее, «Воображаемые сообщества» – одна из наиболее цитируемых работ в новейшей литературе по национализму, ее культурологический уклон открыл сферу исследования наций и национализма для представителей тех дисциплин, которые раньше не обращались к данной проблематике, а именно – литературоведам и философам культуры.

Функционализм. Э. Геллнер. Функционализм как метод состоит в рассмотрении отдельных социальных феноменов с точки зрения их функциональности (полезности, целесообразности). Некоторое общественное явление (институт) считается функциональным, если способствует стабильности определенной социальной системы, и, напротив, дисфункциональным, если ведет к утрате системой устойчивости. В национализмоведении представителями функционализма можно назвать ряд авторов, в том числе и К. Дойча, чья теория коммуникации была изложена ранее, но самым ярким представителем данного методологического подхода является Э. Геллнер. Это имя известно не только антропологам, но и философам, востоковедам, политологам, т.к. этот ученый интересовался многими аспектами окружающего мира и оставил после себя большое наследие в виде своих многочисленных трудов.

Евразия всегда была одним из тех регионов, которые вызывали особый интерес Геллнера, будь то особенности кочевых обществ, колониализм, современная Турция, ислам или отличия восточных обществ от западных. Евразия занимала важное место и в его исследованиях национализма, которые принесли Геллнеру наибольшую славу. Геллнер рассматривал национализм как побочный, но неизбежный продукт модернизации, как стремление к совпадению политических, этнолингвистических и культурных границ, вызванное объективными потребностями функционирования современных

обществ. Его первая обобщающая книга на эту тему «Нации и национализм»¹ была опубликована в 1983 г. и с тех пор переиздавалась 19 раз, и была переведена на 24 языка, последним из которых стал корейский². Даже те, кто не во всем соглашался с взглядами Геллнера на национализм, сразу же признали его книгу классической, лучшей из всех когда-либо написанных на эту тему. Но сами его взгляды не оставались неизменными. Геллнер продолжал работать над проблемами, связанными с национализмом, до последних дней своей жизни, дополняя и уточняя свою концепцию. Так, он стал допускать, что в определенных случаях национализм мог возникнуть уже на доиндустриальной стадии, стал уделять больше внимания эмоциональным и психологическим сторонам этого феномена. Вторая книга Геллнера о национализме «Встречи с национализмом» была опубликована в 1994 году. Третья – «Наблюдая национализм: культура и власть»³ – была опубликована уже после смерти исследователя в 1995 году.

Геллнеровские аргументы резко порывали с обычными пониманиями национализма. Он подошел к предмету не как социолог, политический ученый или историк, представители тех дисциплин, которые до этого времени доминировали в изучении национализма, но с позиций философии и антропологии. Его антропология была обоснована точкой зрения, что идеи – это функции социальной организации.

Начнем с выделения основных понятий, которыми оперирует Э. Геллнер в своем изложении теории национализма, которую он, кстати, сам назвал «евклидовой по своей убедительности»⁴. Это, во-первых, «структура» и «культура»; во-вторых, «традиционное общество» и «современное общество», а также «индустриальное общество». Последние два понятия употребляются Геллнером как синонимы, хотя здесь мы отметим один важный нюанс. Главным отличием индустриального общества от неиндустриального

¹ Геллнер, Э. Нации и национализм. – М., 1991.

² Breuilly, J. Introduction // Nations and Nationalism by E. Gellner. – Oxford, 2006. – P.XV.

³ Gellner, E. Nationalism: Culture and Power. – N.Y.: New York University Press, 1995.

⁴ Геллнер, Э. Пришествие национализма // Нации и национализм. – С. 160.

(«традиционного»), по Геллнеру, является не столько переход от аграрного производства к промышленному, сколько переход от производства вещей к производству знаков (информации); это переход от «материального» производства и обмена к «семантическому» – от циркуляции товаров к циркуляции знания.

Появление национализма обусловлено переходом от традиционного общества к индустриальному, а именно: новой *функцией*, которую в нем выполняет культура, говорит Геллнер. Культура отныне обеспечивает единство и стабильность государства (задача, прежде решавшаяся иными средствами). Модернизация – это своеобразная форма социальной организации и культуры. Национализм он рассматривал как функцию модернизации.

Индустриальное общество предполагает культурную однородность. Государство периода индустриализма (а) поощряет гомогенизацию населения путем распространения «высокой» культуры на все общество; оно (б) охраняет эту культуру как неотъемлемую от данного общества – «национальную» культуру.

Национализм, таким образом, есть не что иное, как особый способ обращения с культурой, а именно стремление «соединить» культуру и политику, создать единую – в перспективе «государственную» – культуру. Принципиальное, глубинное различие индустриальной эпохи от доиндустриальной – в том, что *единство культуры* становится здесь основой формирования *политических единиц*. Но на практике таких идеальных примеров, пожалуй, не найти, даже, наоборот, в индустриальную эпоху чаще можно отыскать примеры конкуренции культур на одном политическом пространстве.

Национализм, по Геллнеру – «это, прежде всего, политический принцип, который требует, чтобы политические и этнические единицы совпадали, а управляемые и управляющие внутри одного государства принадлежали к

одному этносу»¹, но в более поздних работах ученый делает уточнение о совпадении *культуры* с границами государств² и на его базе выводит свои дальнейшие построения.

По теории Э. Геллнера, национализм стоит на том, что нация и государство предназначены друг для друга; что одно без другого неполно; что их несоответствие оборачивается трагедией, а нация же, по Геллнеру, – это, прежде всего, «продукт человеческих убеждений, пристрастий и склонностей», «два человека принадлежат к одной нации лишь в том случае, если они признают принадлежность друг друга к этой нации. Именно взаимное признание такого объединения и превращает их в нацию»³.

Современный национализм, говорит исследователь, возник на сломе старых традиционных структур, с началом индустриализации. Именно она, по его мнению, кардинально изменила и культуру, и общество, его структуру, способы и направления социальной мобильности. Доказательством служит тот факт, что небывалый накал национализма возник именно в девятнадцатом и двадцатом столетиях. Он является отражением и следствием индустриализма – способа производства, возникшего и распространившегося именно в этот период. Индустриальная культура стоит на школьном образовании, на письменной информации. Для социального продвижения очень важен язык школы, а не язык матери. Как считает Геллнер, в основе современного национализма – проблема языка. Тайна этой проблемы, прежде всего, в огромной роли информации, языка для социального положения человека в обществе. Когда люди в странах, где началась индустриализация, перешли от прямой манипуляции с предметами, от прямых контактов с природой к манипуляциям, опосредованным через язык, через информацию, других людей, тогда грамотность, которая совершенно не интересовала средневекового крестьянина, приобретает первостепенное значение.

¹ Gellner, E. Nations and Nationalism. – Oxford: Blackwell Publishing Ltd., 2006. – P.1.

² Геллнер, Э. Пришествие национализма. – С. 152.

³ Геллнер, Э. Нации и национализм. – С. 12.

Принадлежность человека к определенной группе старой социальной структуры – сословной или религиозной – постепенно теряла свое значение. Большую роль в судьбе человека начала играть принадлежность к языковой группе, его воспитание и образование, то есть, - то, что позволяло ориентироваться в жизни общества, в информации о современных профессиях и официальной жизни.

По мнению автора, разность национальных культур стала ощущаться так явно именно вследствие того, что в многонациональных государствах она давала людям значительные преимущества по выходу из бедности, приобретению положения в обществе - тем людям, чей язык вследствие национальности совпадал с языком политиков, администрации, школы. Национализм, таким образом, привел к появлению нового принципа: границы государства должны совпадать с границами культурного ареала, а границы языка должны совпадать с границами проживания нации. «В доиндустриальном мире очень сложные образцы культуры и власти существовали в переплетении, но не смыкались друг с другом и не приводили к возникновению национальных государств. В условиях индустриализма и культура, и власть претерпевают стандартизацию, начинают служить основанием друг для друга и в конечном счете смыкаются. Политические единицы обретают четкие очертания, совпадающие с границами культур. Каждая культура требует себе политической крыши, и принципом легитимации государственной власти становится, прежде всего, охрана интересов данной культуры»¹.

Несмотря на то, что Геллнер не раз заявлял о своем убедительном и неоспоримом объяснении национализма, на наш взгляд, можно выделить несколько справедливых замечаний. Во-первых, тот факт, что в «неиндустриальных обществах есть средства распространения национальной культуры и есть политически значимые формы национализма, а в индустриально развитых обществах часто национализм как политическое

¹ Геллнер, Э. Пришествие национализма // Нации и национализм. – С. 198.

явление бывает достаточно слаб»¹ говорит о том, что Геллнер часто отрывается от исторического контекста и иногда жертвует историческими фактами во имя своей теории. Например, стремление южных славян выйти из состава Османской империи и создать собственное государство вполне может быть квалифицировано как национализм. Между тем это движение началось задолго до вовлечения Балкан в процесс модернизации.

Во-вторых, определение национализма как политического принципа совпадения нации и государства не покрывает всего многообразия националистических идеологий. В него не уместается, во-первых, *государственный национализм* современных субъектов международной политики, который выражается либо в стремлении к максимальной экспансии в экономической, военно-политической, информационной и культурной сферах (американский, французский, китайский национализм), либо в защите национального рынка (национализм государств, получивших название «азиатских тигров», – Японии, Южной Кореи, Тайваня, Таиланда). Во всех этих случаях национализм – абсолютный приоритет принципа нации (национального суверенитета, национальных интересов) – налицо, однако стремления к совпадению границ культуры и границ государства не наблюдается. Во-третьих, в геллнеровское определение не уместается также так называемый *культурный национализм* – идеологии и движения, связанные с отстаиванием национальной (культурной, языковой, этнической) идентичности, но не поднимающие вопроса о национальной государственности. Например, татарский национализм в России, бретонский во Франции, каталонский в Испании и т.д. Наконец, в-третьих, существует немало националистических движений, идеология которых строится на требовании расширения автономии в той или иной сфере, но не предполагает стремления к приведению в соответствие этнокультурных и политических границ.

¹ Бройи, Дж. Подходы к исследованию национализма // Нации и национализм. – С. 221.

Однако, несмотря на критические замечания к теории национализма Э. Геллнера, следует признать, что этот ученый внес огромный вклад в изучение данного феномена. Его тезисы о том, что существует тесная и необходимая связь между формированием индустриального общества и формированием «стандартных» национальных культур, и о том, что большинство общественных взаимодействий в индустриальных обществах происходит в рамках «культурных зон», которые определяются национальной идеей, нашли свое подтверждение и развитие во многих последующих исследованиях национализма.

Марксизм. Общеизвестно, что теоретической предтечей марксизма в сфере философии была немецкая классическая философия в лице ее крупнейшего представителя Гегеля, взгляды которого (в том числе и в области политической философии) оказали на младогегельянцев К. Маркса и Ф. Энгельса очень сильное влияние. Это обстоятельство, считают некоторые исследователи, якобы и определило то, что в области анализа проблемы формирования и развития наций основоположники марксизма не пошли дальше того понимания нации, которое в западноевропейской философии наиболее полно выразил Гегель. «К. Маркс и Ф. Энгельс, – отмечал, например, Момзен, – никогда систематически не занимались проблемой национализма; в разработанной ими политико-экономической системе она имеет лишь преходящее значение. Только в более позднее время Энгельс распознал те опасности, которые проистекали для единства социалистического движения от национализма. Оба мыслителя исходили из западного понимания нации и переняли терминологию, имевшую хождение в первой половине XIX века. «Нация» и «общество» ими употребляются альтернативно в смысле общества сограждан»¹. Специально ни Маркс, ни Энгельс проблемой наций и национализма не занимались. Но в силу радикального изменения ими своей

¹ Цит. по дис.: Кагиян, С.Г. Нации, этносы и национализм: социально-философский анализ этно-национального дискурса: дис. ... д-ра философ. наук / С.Г. Кагиян. – М., 2005. – С. 34.

прежней философской позиции и создания принципиально новой (формационной) общесоциологической теории их трактовка наций и национализма оказалась существенно иной, нежели гегельянская.

Акцентируя внимание на определяющей роли социально-экономических факторов в развитии всемирной истории, Маркс и Энгельс интерпретировали становление буржуазного государства как закономерный итог их влияния, благодаря которому это государство с необходимостью развивается в национальных формах. Это обусловлено тем, что прежние социальные формы общности людей, в которых они жили и трудились, стали узкими для дальнейшего развития производительных сил и творческих способностей людей. Что, в свою очередь, повлекло разрушение прежних производительных сил, а в конечном счете – привело к созданию предпосылок для возникновения более высокой формы исторической общности людей – нации¹.

Согласно классическому марксизму, лишь благодаря развитию капитализма в Европе появляется социальная мобильность и растущее общение, ведущее к процессу интеграции и образованию новых исторических общностей: происходит окончательная консолидация наций. При этом экономические связи капитала возможны лишь как связи национальные, когда в национальный рынок вовлекаются, с одной стороны, уже существующие нации, а с другой стороны, буржуазия, реализуя свои экономические интересы, конституируется в национальный класс: уничтожает раздробленность средств производства, собственности и населения. «Необходимым следствием этого была политическая централизация. Независимые, связанные почти только союзными отношениями области с различными интересами, законами, правительствами и таможенными пошлинами оказались сплоченными в *одну* нацию, с *одним* правительством, с *одним* законодательством, с *одним* национальным классовым интересом, с *одной* таможенной границей»².

¹ Маркс, К. Сочинения. Т. 19. / К. Маркс, Ф. Энгельс. – М.: Прогресс, 1980. – С. 22; Там же. Т. 35. – С. 221.

² Маркс, К. Соч. Т. 4. – С. 428.

Вместе с тем К. Маркс и Ф. Энгельс указывали, что на развитие национальных и межнациональных процессов огромное воздействие оказывают классовые факторы, противоречия, которые находят свое выражение в пролетарском интернационализме и буржуазном национализме. Последний классики рассматривали как реакционное явление, консервирующее существование государства, которое в коммунистическом обществе должно «отмереть», реально обозначив тем самым торжество пролетарского интернационализма¹.

Акцент на объективной (социальной и экономической) детерминации становления буржуазного государства и европейских наций – сильная сторона классического марксизма, до сих пор оказывающая значительное влияние на умы его последователей и оппонентов. Его слабостью, на наш взгляд, оказалось недостаточное внимание к «культурной составляющей» человеческой истории. Будучи отнесены к «надстройке» и «формам общественного сознания», религия, искусство, наука, язык и даже государство действительно оказались «вторичными» и в составе классического марксистского дискурса, в пределах которого «нация» трактуется, прежде всего, как социально-экономическая и политическая общность.

Одну из первых общеисторических классификаций национализма дал классический марксизм, связавший возникновение национализма с появлением буржуазного национального государства и, соответственно, трактовавший национализм с классовых позиций – как буржуазный. Развивая это представление в связи с вступлением капитализма в его «высшую фазу», В.И. Ленин впоследствии писал о национализме империалистических государств («имперском национализме») как разновидности буржуазного национализма². Многие современные неомарксисты разделяют эти взгляды, рассматривая эволюцию национализма в XX в. и «как ответную политическую реакцию на колониализм в обществах, в которых традиционные формы социальной

¹ Маркс, К. Соч. Т. 6. – С. 116; Т. 18. – С. 494.

² Ленин, В.И. Полн. собр. соч. Т. 25. / В.И. Ленин. – М.: Прогресс, 1979. – С. 258.

организации разрушились вследствие социальных перемен, осуществленных внешним колониализмом», и «как следствие неравномерного развития капитализма, порождающее глубокое неравенство между отдельными регионами, и стремления периферийных регионов использовать националистическую политику, чтобы добиться более равномерного распределения богатства». В качестве примера второй интерпретации, рассматривающей национализм в развитых странах как реакцию на «внутренний колониализм», ссылаются, допустим, на шотландский национализм в Великобритании.

Если марксизм как политическая идеология принадлежит прошлому, то марксизм как метод социального познания не утратил значимости. Теоретические положения марксизма оказали прямое или косвенное влияние на исследователей национализма, марксистами не являющимися. Так, Э. Геллнер считает свой подход немарксистской версией «исторического материализма». В критическом размежевании с марксизмом строит свои рассуждения Э. Гидденс (его известная книга «Нация – государство и насилие» является частью двухтомного труда «Критика исторического материализма»)¹. Очевидно влияние марксистских идей в работах Б. Андерсона и Э. Хобсбаума², хотя их и нельзя причислить к приверженцам марксизма. Близки к марксизму французский философ Этьен Балибар³ и американский социолог и экономист Иммануэль Валлерстайн. Свою приверженность марксизму декларировал Мирослав Хрох⁴, о его действительной методологии изложено отдельно. В марксистской – точнее, неомарксистской – перспективе написаны работы о национализме, вышедшие из-под пера Майкла Манна, Парты Чаттерджи, Гопала Балакришнана и др.

¹ Giddens, A. A contemporary critique of historical materialism / A/ Giddens. – Berkeley; Los Angeles: Univ. of California press.

² Хобсбаум, Э. Нации и национализм после 1780 года / Э. Хобсбаум. – СПб.: Алетейя, 1998.

³ Балибар, Э. Раса, нация, класс. Двусмысленные идентичности / Э. Балибар, И. Валлерстайн. – М.: Логос-Альтера, Ессе Номо, 2003.

⁴ Хрох, М. От национальных движений к сформировавшейся нации // Нации и национализм. – С. 121-146.

В начале XX в. в социал-демократической среде Австро-Венгрии возникли идеи, отличавшиеся от характерного для классического марксизма пренебрежения к национальной идентичности. Это были так называемые «австро-марксисты» Отто Бауэр и Карл Реннер, от обычных марксистов их отличало понимание реальной ценности национальной культуры, которую они ассоциировали с языком, для ее носителя В работе «Вопрос о национальностях и социал-демократия»¹ О. Бауэр пересмотрел представление о социалистической идеологии как пролетарском варианте космополитизма, равнодушного к культурно-национальному своеобразию. У рабочих и крестьян есть родина и есть определенные чувства, с ней связанные. Плохо, что они оторваны от национальной культуры, которой принадлежат по рождению и которую создают своим трудом. Задача социалистического преобразования буржуазного государства – в обеспечении трудящимся классам доступа к национальным культурным ценностям. Поэтому многонациональная Австро-Венгерская империя должна быть не уничтожена, а преобразована в социалистическую федерацию национальностей.

Цель пролетарской революции не в том, чтобы, разрушив здание империи, попытаться обустроиться в малогабаритных национальных квартирах, а в том, чтобы найти *разумную государственно-политическую форму*, вмещающую в себя культурно-национальное своеобразие. При этом национальность необязательно должна быть закреплена за территорией. «Национальная общность существует и помимо государства, ибо она живет в каждом отдельном индивидууме». Иными словами, национальность экстерриториальна. Эта идея Бауэра легла в основу концепций *персональной* – в отличие от территориальной – культурной автономии, реализуемых во многих демократических странах современного мира².

Представители марксистского подхода к исследованию национализма противопоставляют теории модернизации *теорию неравномерного развития*.

¹ Бауэр, О. Национальный вопрос и социал-демократия / О. Бауэр // Нации и национализм. – С. 52-121.

² Там же. – С. 117.

Самым известным современным автором, анализировавшим национализм с марксистских позиций, был Том Нэйрн¹. Ему принадлежит последовательное развитие мысли, согласно которой появление национализма обусловлено наложением экономического неравенства на культурные различия. Когда угнетаемые ощущают, что угнетатели отличны от них в этническом или культурном (расовом, языковом, конфессиональном) отношении, их реакцией неизбежно становится национализм.

Национализм, согласно Нэйрну, возникает либо как реакция *запаздывающих* обществ на экономическое и политическое угнетение со стороны более развитых, либо как сопротивление *передовых* обществ силам, тянущим их назад. Агент, носитель этого движения – средний класс и, в частности, интеллектуалы. Самый эффективный способ мобилизовать на борьбу массы – апелляция к надклассовой, национальной солидарности. Если в распоряжении «классических» наций-государств (Англия, Франция, Испания, Португалия, Швеция, Нидерланды) такие институты, как армия и система образования, то у запаздывающих стран подобных институтов нет. Поэтому их поведение может разворачиваться по двум сценариям: или создать такие институты (путь, по которому пошли Германия, Италия и Япония), или попытаться опереться на массы (путь восточно-европейских стран). Т. Нэйрн ведет речь не только об отстающих регионах, но и о регионах с «относительным сверхразвитием» (франкофонная часть Голландии в XIX в., Богемия в Австро-Венгрии, Шотландия в Великобритании, Баскония и Каталония в Испании и др.). Экономический успех этих регионов тормозится центральной властью государств, частью которых они являются. Выражением их стремления к самостоятельности становится национализм. Но отсутствие достаточных политических ресурсов не дает им возможности обрести государственность. В редких случаях, когда тому благоприятствуют международные условия, им удается выйти из состава более крупного

¹ Nairn, T. The Break-Up of Britain: Crisis and Neonationalism / T. Nairn. – L.: New Left Books, 1977.

государства, как это случилось в 1830 г. с образованием Бельгии или с отделением от СССР трех прибалтийских республик в 1990 г. Однако гораздо чаще сепаратизм жестко подавляется (курды в Ираке, народ ибо в Нигерии).

Вместе с тем стоит заметить, что современные тенденции политического развития, по крайней мере в Европе, делают этнически мотивированный сепаратизм менее привлекательным. Шотландия и Уэльс с приходом к власти лейбористов получили собственную законодательную и исполнительную власть, а степень автономии Страны басков настолько велика, что этот регион имеет собственного представителя в Европарламенте¹.

В работах 1990-х гг. Т. Нэйрн смещает акцент с политико-экономических на социокультурные аспекты проблематики национализма. Свои размышления шотландский историк развертывает в полемике с Э. Геллнером, хотя и не скрывает того обстоятельства, что испытал влияние работ последнего². Если Геллнер говорит о «пришествии национализма», связывая его с определенным историческим этапом (потребности индустриализации и, соответственно, стандартизации и унификации культуры), то Т. Нэйрн ведет речь о «втором пришествии» национализма, подразумевая под ним борьбу за сохранение национально-культурных различий. Позицию Т. Нэйрна можно выразить тезисом «малое прекрасно» (*small is beautiful*)³.

Автор отстаивает ценность культурных целостностей, связанных с локальными – этническими и региональными – особенностями. Будь то его родная Шотландия или неповторимые в своем своеобразии остров Мэн, Андорра, Сараево, Триест, Сингапур, Гибралтар.

«Национализм» в том его понимании, которое предлагает Т. Нэйрн, это скорее вариант локализма (в этом смысле он может быть вписан в контекст

¹ Nairn, T. The Break-Up of Britain. –P. 28.

² Nairn, T. Globalization and Nationalism: new deal (Edinburgh Lecture) [Электронный ресурс]. / Т. Nairn. – Режим доступа: http://www.opendemocracy.net/article/globalisation/institutions_government/nationalism_the_new_deal. (дата обращения 07.03.2008)

³ Нейрн, Т. Интернационализм и второе пришествие / Т. Нэйрн // Нации и национализм. – С. 361.

антиглобализма наряду с другими движениями, отправляющимися от идеи местной идентичности). Это национализм без этничности.

Работы марксистов конца XX в. позволяют достаточно четко ответить на вопрос, что из методологии классического марксизма в современном марксизме удерживается, а что подвергается пересмотру. Удерживаются следующие положения: объективный характер общественных отношений; несводимость социально-структурных факторов общественной жизни к психологическим; невыводимость социальных связей и закономерностей из связей культурных (будь то религия, «ментальность» или традиция).

Пересмотру подвергаются следующие допущения классического марксизма: понимание объективных («материальных») отношений как исключительно экономических («производственных»); интерпретация отношений между производственными отношениями, с одной стороны, и политическими и идеологическими, с другой, как отношений каузального типа («базиса» и «надстройки»).

Что касается представления о классовых различиях как различиях, определяемых доступом к средствам производства, то в этом пункте сторонники марксизма и представители «постмарксизма» довольно сильно расходятся.

Ученый исследует процесс формирования национального сознания у малых народов Центральной и Восточной Европы. Опираясь на проработку внушительного исторического материала, Хрох считает, что создание нации – это процесс, происходящий в рамках глобальной социальной и культурной истории. Иными словами, процесс создания нации понимается не как неисчислимое множество единичных и неповторимых событий, а как часть масштабной трансформации общества, поддающаяся контролируемым обобщениям. Началом современного этапа строительства наций можно считать тот момент, по мнению исследователя, когда отдельные группы в пределах недоминантной этнической общности принялись обсуждать свою собственную

этническую принадлежность и воспринимать свою этническую группу как имеющую шансы превратиться в будущем в полноценную нацию. Рано или поздно они усмотрели те конкретные черты, которых не доставало их будущей нации, и стали прилагать усилия к тому, чтобы восполнить одну или некоторые из них, пытаясь убедить своих соотечественников в важности сознательной принадлежности к нации.

М. Хрох считает, что у классического национального движения цели охватывали три группы требований в соответствии с тремя ощутимыми недостатками национального бытия: 1) развитие национальной культуры, основанное на местном языке и его нормальном использовании в образовании, управлении и экономической жизни; 2) обретение гражданских прав и политического самоуправления – сначала в форме автономии, а в конечном счете и независимости; 3) создание завершенной социальной структуры, пронизывающей всю этническую группу и включающей образованные элиты, классы чиновников и предпринимателей¹. Относительные приоритеты и сроки осуществления всех трех видов требований в каждом случае оказывались различными. Но траектория любого национального движения исчерпывалась только тогда, когда все они были выполнены.

Формирование национального сознания (национального возрождения, как называет его чешский историк) у разных народов проходит через три стадии. Стадия А: период «научного интереса». На этой стадии узкая группа энтузиастов углубленно изучает историю, язык и культуру своей этнической группы. Следующий период (стадия В) – это период «активизации национального сознания», когда патриотические чувства выходят за пределы круга интеллектуалов и охватывают широкие слои общества. Наконец, завершающий момент (стадия С) – это массовая мобилизация населения.²

К теории М. Хроха можно предъявить претензии эмпирического свойства, как это сделал Дж. Бройи. Последний подметил, что идеология

¹ Хрох, М. От национальных движений к сформировавшейся нации. – С. 124.

² Там же. – С. 126.

национализма социально релевантна лишь тогда, когда является элементом политического движения. В противном случае она остается лишь элементом воображения отдельных интеллектуалов. По словам Дж. Бройи, «в некоторых случаях полноценное националистическое мировоззрение не может сложиться до организации националистического политического движения»¹. Иными словами, связь между национальной идеологией и национальным движением может быть обратной тому, как она описана М. Хрохом. По Хроху, имеет место следующая закономерность: идеология национализма → национальное движение. По Дж. Бройи, существуют случаи, когда прослеживается другая закономерность: национальное движение → идеология национализма. Примером здесь может служить Греция времен борьбы с Османской империей. Национальное движение здесь предшествовало национальной идеологии. Кроме того, движение сопротивления османам пользовалось идеологией, которая была выработана на Западе, а именно – идеями «эллинства» и современной Греции как его наследницы.

Тем не менее, нужно признать, что теоретическая значимость исследований Хроха весьма существенна. Собранный и переработанный им исторический материал сделал его работы одним из важнейших источников современного национализмоведения.

Представленные теории являются далеко не полной исчерпывающей картиной изучения национализма в XX столетии. По мнению автора данной работы, это основные теории в западноевропейской научной мысли, которые легли в основу многих исследований по проблемам нации и национализма, в том числе стали отправными методологическими базами для практических разработок и решений проблем в данной области.

Это подводит нас к другому важному методологическому новшеству последних лет. Наиболее четко оно сформулировано в статье Дж. Холла «Национализмы: классифицированные и объясненные»: «Единая,

¹ Бройи, Дж. Подходы к исследованию национализма. – С. 218.

универсальная теория национализма невозможна. Поскольку прошлое различно, различаться должны и наши концепции»¹. Эти выводы Холла происходят из, возможно, главного достижения всех исследований национализма в 70-80-е гг. XX в., когда был обретен некий консенсус – плод не совпадения, а различия позиций в вопросе о факторах, породивших национализм и «запустивших» процесс формирования наций. Э. Геллнер сделал акцент на формировании системы всеобщего стандартизированного образования и роли индустриализма, Б. Андерсон придавал большое значение «печатному капитализму» и «лингвистическим революциям», а также новым способам видения мира, К. Дойч - акцентировал внимание на возникновении систем массовых коммуникаций. Исследователи Э. Хобсбаум и М. Хрох описывали важную роль интеллектуальных элит, а Э. Смит рассматривал преимущественное значение этнического фактора. Вследствие всех этих разногласий произошло осознание того, что факторы, влияющие на формирование нации, весьма многочисленны, могут по-разному сочетаться в истории и имеют разное значение в этих сочетаниях. Поэтому в следующем параграфе мы рассмотрим, как все эти теории повлияли на современные разработки национализма, и в каких направлениях ведется его изучение сегодня и какие перспективы этих исследовательских направлений.

¹ Hall, J. Nationalisms, Classified and Explained / J. Hall // Notions of Nationalism. – Budapest, 1995. – Pp. 8-33.

1.3 Современное состояние изучения феномена «национализм» в социальных и политических науках за рубежом

Инструментализм. За последние несколько десятилетий область изучения национализма настолько расширилась, что делает трудной задачу обзора всего концептуального поля данной проблемы. Количество теорий нации и национализма резко прибавилось, и, конечно, невозможно хотя бы даже кратко упомянуть их всех. Тем не менее, нужно отметить, что в современных исследованиях продолжается традиция противопоставления двух широких подходов – примордиализма (историцизма) и конструктивизма (инструментализма). Первый, как мы уже упоминали, понимает этнические группы и нации как реальные сущности, как субстанциальные, продолжающиеся во времени, внутренне гомогенные и внешне ограниченные коллективы. Этот подход в социальных науках еще называют «эссенциализмом» (или субстанциализмом).

Что касается противоположного подхода, то конструктивистская методология достаточно подробно уже была изложена, поэтому в данном параграфе хотелось бы уделить больше внимания тем течениям, которые возникли в рамках этого подхода позже, привнесли свои новые разработки проблематики национализма и начали изучать национальное в более практическом ключе. Речь идет об инструменталистских концепциях.

Основоположником инструментализма можно считать П. Брасса, который в 1979 г. провозгласил его основой идеи нации. Сторонники этого подхода полагают, что культурные символы просто используются элитами в своих интересах или в интересах групп, которые они представляют, в качестве инструмента для достижения благосостояния, статуса, власти. Символы идентичности группы служат представителям элит в их политической и экономической борьбе. По мнению Брасса, в многонациональном государстве интересы каких-либо этнических элит непременно оказываются ущемленными.

Этнические элиты ведут между собой борьбу за контроль над государством и его ресурсами. Ущемленные в достижении своих интересов элиты, которые лишены такого контроля, создают национальные движения, настоящая цель которых – власть¹. Получается, что П. Брасс в своей теории использует постулат Э. Геллнера о борьбе этнических групп за власть в государстве, но идет дальше, оценивая национальное движение и национальную идею как инструмент элит в борьбе за власть путем мобилизации масс. «Возможность мобилизовать большое количество индивидов вокруг символов и ценностей составляет одновременно и самый мощный эмоциональный потенциал, и самый нестабильный из ресурсов; он является основным ресурсом, к которому прибегают в борьбе с теми, кто контролирует бюрократический аппарат, инструменты насилия, территорию. Он особенно используется теми элитами, у которых нет бюрократических и военных средств. То есть, прежде всего, политическими и религиозными элитами»².

В этом же русле объясняет национальные конфликты Дж. Бройи, который говорит о том, что «национализм должен пониматься как вид политики. Этот вид политики имеет смысл только в особом политическом контексте и с точки зрения особых целей, которые ставит перед собой национализм. Современное государство одновременно определяет, какой будет национальная политика, и дает ей конечную цель – завоевание государства»³. Понятно, что национальная идея, «нация» в данной парадигме выступает как стратегический выбор, как инструмент в борьбе за власть и привилегии, который позволяет мобилизовать массы в интересах элит, чьи альянсы, политические и экономические позиции понимаются и изучаются как причины появления определенной национальной идеи.

Существенной чертой всех инструменталистских теорий является их опора на функционализм и прагматизм. Нация, по этим теориям, – продукт

¹Кошман, А.Л. Подходы к изучению национальной идеи в современной западной социологии / А.Л. Кошман // Вестник МГУ. Сер. 18. – 2002. – № 3. – С. 156-157.

²Там же. – С. 157.

³Бройи, Дж. Национализм и государство / Дж. Бройи. – М., 1992. – С. 95.

мифов, которые создаются элитой общества и используются ею для достижения определенных выгод и получения власти. Инструментализм тесно связан с конструктивистским подходом, только конструктивисты говорят, что нация «воображается», а инструменталисты пытаются ответить на вопрос для кого и для чего.

Среди современных приверженцев инструментализма в западной антропологической науке отметим К. Вердери, американскую исследовательницу, специализирующуюся на Румынии и венгеро-румынских отношениях в Трансильвании, и профессора социологии Калифорнийского университета – Р. Брубэйкера, который в 1990-е гг. стал одним из главных теоретиков национальности и национализма, а также специалистом по национальной политике СССР и России.

В специальном выпуске «Mapping the nation» («Картографируя нацию»), посвященном теоретическим разработкам национализма, К. Вердери сформулировала инструменталистский подход следующим образом: «Во-первых, необходимо понять, какой смысл понятие «нация» имеет отношение к исследуемому контексту, а не пытаться навязать его современный смысл средневековой реальности, французский смысл кенийской реальности или смысл, принятый в XIX веке, стремительно развивающейся реальности сегодняшних дней. Во-вторых, следует рассматривать нацию как символ, а всякий данный национализм – как имеющий множество значений, выдвигаемых в качестве альтернатив и оспариваемых различными группами, которые маневрируют, пытаясь застолбить свое право на определение символа и его легитимирующие воздействия. Из этого вытекает, что нам не следует видеть в национализме социальную действующую силу и задаваться вопросом о том, плохой он или хороший, либеральный или радикальный и благоприятствует ли он демократической политике. Вместо этого мы должны спрашивать: каков тот глобальный, социальный и институциональный контекст, в котором различные группы соревнуются за право контроля над

этим символом и его значениями?.. Такой подход изымает из национализма суффикс «изм» и вновь возвращает его людям, ограниченными социальными структурами»¹. В том же русле мыслит и Р. Брубэйкер: «Следует задаться не вопросом «что есть нация?», а вопросом о том, как национальность институционализируется в качестве политической и культурной формы внутри государств и между государствами. Как нация работает в качестве практической категории, схемы классификации, когнитивной рамки? Что заставляет использовать эту категорию государствами или против государств с большей или меньшей степенью эффективности? В силу каких причин усилия политических предпринимателей вызвать нации к жизни имеют большие или меньшие шансы на успех?»².

Поподробнее затронем научную деятельность Р. Брубэйкера, который внес большой теоретический вклад в разработки национализма в последние два десятилетия. Р. Брубэйкер, один из наиболее ярких социологов сегодняшней Америки, является продолжателем нескольких традиций. «Чувствуя себя вполне уверенно в веберовской традиции рационализации современного мира, Р.Брубэйкер удачно дополняет эту традицию социологией П. Бурдьё, которая в свою очередь продолжает линию исследований Э. Дюркгейма и французской школы «символической» социологии»³. И все же, несмотря на подобное богатое теоретическое наследие, Брубэйкер отказывается от претензии на то, что его собственная работа может рассматриваться как еще одна «всеобъемлющая» теория. Скорее то, что предлагает Брубэйкер, – это язык, терминология, с помощью которых мы можем пытаться описать ту часть социальной реальности, которую довольно обобщенно называем «национализмом».

Одно из фундаментально важных положений Брубэйкера состоит в том, что язык, которым мы описываем феномен национализма, заимствован из

¹Вердери, К. Куда идут «нация» и «национализм»? // Нации и национализм. – С. 299.

²Brubaker, R. Nationalism reframed: nationhood and the national question in the New Europe / R. Brubaker. – UK: Cambridge University Press, 2000. – P.16.

³Глебов, С. Читая Р. Брубэйкера / С. Глебов // Ab Imperio. – 2000. – № 1. – С. 4.

практики, его термины – это категории социальной и политической практики, а следовательно, должны быть подвергнуты серьезному критическому разбору, прежде чем их можно будет использовать в языке анализа. Различие между теорией-анализом и практикой-политикой, происходящее из интеллектуальной традиции, представленной, в частности, П. Бурдьё, определяет направление мысли Брубэйкера¹.

Ведь понимание нации как реальной группы, существование которой дано *a priori*, заимствовано из категориального аппарата собственно националистов, политиков-практиков. Практики ищут пути решения национальных проблем, подвергают сомнению атрибуты нации (негативные, такие как отсутствие собственной государственности, и позитивные, такие как наличие определенных границ территории), но не сомневаются в данности нации как таковой. В этом с ними едины и теоретики, которые сомневаются в историческом долгожительстве наций, указывают на их сконструированность и «изобретенность», но, тем не менее, полагают существование наций реальностью.

Р. Брубэйкер предлагает несколько иное прочтение термина. Нация, согласно Брубэйкеру, есть не более чем когнитивная, познавательная форма, в которую люди в определенных обстоятельствах облачают свои представления о социальном мире. Эта форма обладает элементом случайности, так как далеко не все этнические группы превращаются, даже в собственной иконографии, в нации. Кроме того, нация – это практическая категория, которой пользуются политики для достижения собственных целей, в частности, укрепления и поддержания режима власти.

Острокритическое восприятие теоретических позиций в современных общественных науках приводит Брубэйкера к необходимости не только пересмотреть многие категории анализа, но и предложить собственный словарь, при помощи которого можно описать явления национального порядка.

¹Глебов, С. Читая Р. Брубэйкера. – С. 2.

Наиболее оригинальный вклад в теорию национализма Р. Брубэйкер внес своей уже ставшей знаменитой схемой «треугольника». Она понадобилась американскому исследователю, чтобы описать формы национализма, сопровождающие создание национальных государств. Классическим типом национализма считается борьба за обретение независимого государства или иной формы политической автономии. Но с достижением этой цели национализм вовсе не исчезает, а лишь изменяет свою форму. Национализм всегда имеет дело с несоответствием политических и этнокультурных границ. Такое несоответствие сохраняется и в новых государствах, казалось бы, преобразованных на национальных началах.

Собственно, динамика национальных процессов современной Восточной Европы выражается для Брубэйкера в конфликте и взаимодействии нескольких векторов – позиций «национализирующего государства», требований «национальных меньшинств» и политики «внешней Родины» этих национальных меньшинств. Треугольник «национализирующее государство – национальное меньшинство – внешняя этническая Родина» относится к такой аналитической схеме¹.

Например, для венгров в румынской Трансильвании Румыния является подобным национализирующим государством, утверждающим свое право на то, чтобы быть государством румын и для румын; Венгрия является «внешней Родиной», часто предъявляющей права на защиту и поддержку своих «соотечественников» за рубежом, в то время как сами трансильванские венгры являются национальным меньшинством. Триада национализирующего государства, национального меньшинства и «внешней Родины» является, согласно Брубэйкеру, одним из важнейших движущих элементов национальных процессов в современной Восточной Европе. Под «Родиной» понимается не действительная родина национального меньшинства, т.е. та, в которой жили представители меньшинства или их предки. «Родина» – политическая, а не

¹Brubaker, R. Nationalism Reframed. – P.14.

этнографическая категория, она сознательно конструируется политическими и культурными элитами для получения возможных привилегий в иммиграции и получения гражданства для этнической диаспоры, для воздействия на политику остальных государств в отношении своих соотечественников, а иногда и для ирредентистских притязаний на территорию других государств¹.

Схема, предложенная Р. Брубэйкером, имеет большую ценность для конкретных исследований. Например, защитники активной политики утверждения национального государства могут стараться представить национальное меньшинство как реально или потенциально нелояльное, а «этническую Родину» как реально или потенциально ирредентистскую (стремящуюся к воссоединению). Усилия по мобилизации сербского меньшинства в Хорватии зависели от представления Хорватии как государства, проводящего опасную политику национализации. Национализирующиеся элиты в Хорватии стремились представить сербское меньшинство как нелояльное, а Сербию – как ирредентистское государство.

Тем не менее, Р. Брубэйкер не считает, что национализм можно интерпретировать как деятельность, основывающуюся на нации и направленную на приобретение или осуществление государственности. Во-первых, национализм не всегда направлен (и не всегда по самой своей сути) на приобретение или осуществление государственности. Заострение внимания только на тех националистических движениях, которые стремятся к государственной независимости, означает, по мнению американского социолога, игнорирование бесконечно изменчивой природы националистической политики. Это означает игнорирование того, как интересы предполагаемой «нации» требуют, согласно националистам, различных видов деятельности, а не только достижения независимости. Это так же означает, говорит Р. Брубэйкер, нашу неподготовленность к тем различным видам националистической политики, которые могут процветать после реорганизации

¹Ibid. – P.18.

политического пространства по национальным линиям, после распада многонациональных государств на предполагаемые национальные государства. В конце концов, это означает, что мы не готовы к тому факту, что национализм не только причина, но и следствие распада старых империй и создания новых национальных государств.

Модернизм и постмодернизм. Отдельно от различных методологических подходов автор диссертации выделяет еще и модернистскую и постмодернистскую парадигму в рассмотрении нации и национализма. Парадигма классического модернизма в рассмотрении нации и национализма сложилась к 60-м гг. XX в. Общую позицию сторонников классической модернистской парадигмы можно суммировать в следующих утверждениях: 1. Нация ни в коем случае не является древней или извечной. Допущение ее извечной является актом веры и не подтверждается историческими свидетельствами; 2. Нация ни в коем случае не является природной данностью; 3. Многие нации как в Европе, так и в Африке имеют самое недавнее происхождение¹.

Дальнейшее развитие модернистской теории нации трансформировалось в постмодернистские теории возникновения наций, согласно которым построение наций есть больше вопрос распространения символического представительства, чем образования культурных институтов и социальных сетей.

Как мы видим, к модернистской парадигме можно отнести представителей и конструктивизма, но также и структурно-функционального метода, который увязывает возникновение национализма с потребностями модернизации, что очень характерно для концепции американской исследовательницы, профессора Гарвардского университета Лии Гринфельд².

¹ Кокшаров, Н.В. Этничность. Этнос. Нация. Национализм. [Электронный ресурс]. / Н.В. Кокшаров. – Режим доступа: <http://www.credonew.ru/content/view/305/27/>(дата обращения 25.12.2004)

² Greenfield, L. Nationalism: Five Roads to Modernity / L. Greenfield. – UK: Harvard University Press, 1992. – 260p; Ее же. The Spirit of Capitalism: Nationalism and Economic Growth. – Cambridge: MA, 2001.

Данный автор отмечает широкую трактовку в современном мире понятия «национализм», которое понимается и как самосознание, и как национальная идентичность, и как идеология, и как политические движения самого разного толка. В своей работе «Национализм: пять путей к современному обществу»¹ Л. Гринфельд ставит перед собой задачу рассмотреть, как зарождался национализм и как распространялся от одного общества к другому. Делает это она на примере пяти национальных государств: Англии, Франции, Германии, России и США. При этом исследовательница показывает, что в каждом конкретном случае своеобразным путем и совершенно особым способом национальная идентичность и национальное сознание трансформировались в институциональные практики и культурные образцы, а также формировали социальную и политическую структуру общества.

Само понятие национализма Л. Гринфельд определяет как «особый вид или стиль мышления», при котором индивидуальная идентичность определяется через идентификацию с народом.² Под «народом» автор понимает некое сообщество, в котором социальные, классовые, географические и этнические признаки признаются членами этого сообщества менее значимыми, чем общая идея, которая их объединяет. Таким образом, национализм, согласно Л. Гринфельд, это, прежде всего, особое мышление, в котором базовой идеей является идея существования нации. Другими словами, национализм – это, прежде всего, идея.

Л. Гринфельд в своей книге также сосредоточила свое внимание на понятии «рессантиманта» (от французского *ressentiment*, что можно перевести как «злая зависть» или «завистливая злоба»), чаще всего исследователи переводят это как «обида» или «досада». Так, немецкий национализм Л. Гринфельд объясняет антифранцузским «рессантиментом».

Кроме того, Л. Гринфельд выделила социальные слои, являющиеся носителями национальной идеологии, и на основе критериев определения

¹ Greenfield, L. Nationalism. – P.168.

² Ibid. – P. 4.

нации выделила три типа национализма. Исследовательница развила мысль Х. Кона о том, что национализм – это реакция этнической группы на более развитое общество и его идеи, желание им подражать¹.

По мнению некоторых исследователей, концепция Л. Гринфельд является неким шагом назад по сравнению с уровнем, достигнутым в национализмоведении ранее². Жесткость категорий в книге Л. Гринфельд находится в противоречии с развитием современных теорий национализма. Видоизменение национализма с течением времени даже в одной стране, дифференциация его форм в разных социальных средах, соперничающие версии членства в нации, борьба различных политических сил за право своего истолкования сути собственной нации – все эти темы автором затронуты не были.

Подводя итог, очевидно, что на протяжении всей истории изучения нации и национализма исследователи пытались решить и спорили по следующим вопросам: первый вопрос – вопрос о времени и обстоятельствах возникновения наций. «Примордиалистская» точка зрения, рассматривавшая нации как продукт долгого исторического развития человеческих общностей, противостояла позиции «модернистов», интерпретировавших нации как совершенно новый феномен, складывающийся в результате особых условий, возникших в связи с формированием общества современного типа. В 1980-х гг. специалисты пришли к определенному консенсусу: нации стали рассматриваться как явление, возникшее сравнительно недавно (в эпоху, открытую Французской революцией); вместе с тем признается, что во многих случаях им предшествовали иные исторические общности, которые, тем не менее, приобрели новое качество в результате процессов, связанных с модернизацией. С преобладанием «модернистского» подхода в достигнутом консенсусе сопряжено также то обстоятельство, что в последнее время нации

¹ Ibid. – P. 195.

² Малахов, В.С. Национализм как предмет политико-философского исследования: дис...доктора полит. наук. 20.00.01. / В.С. Малахов. – М., 2005. – С. 118.

все чаще стали интерпретироваться как продукт национализма (а не его результат) – мысль Э. Геллнера, «нации являются следствием национализма, а не наоборот»¹. В этом утверждении с Э. Геллнером можно согласиться, т.к. в большинстве случаев нация начинается как явление, порожаемое элитой. Тем не менее, чтобы стать эффективным политическим средством, эта идея должна распространиться на массовом уровне².

Другим серьезным водоразделом в литературе о нациях и национализме является важный момент понимания их в качестве объективных или же субъективно-объективных явлений. Не только примордиалисты, но и некоторые модернисты понимают нации и национализм как объективно существующую реальность, формирующуюся и/или существующую независимо от воли людей, вследствие объективных факторов. Следовательно, национализм – если оценивать его негативно – это нечто вроде стихийного бедствия, которое трудно контролировать. В таком случае остается только ждать, когда сложатся условия для его постепенного исчезновения. Начало иной интерпретации положила книга Б. Андерсона «Воображаемые сообщества»: в отличие от родоначальников модернистского подхода К. Дойча и Э. Геллнера, он рассматривает формирование идеи нации не как автоматическое следствие социально-экономических изменений, а как тесно с ними связанный, но все же особый процесс возникновения новых смыслов, образов и ценностей; он описал формирование нации как процесс конструирования «воображаемых сообществ». Соответственно, оказалось, что нации и национализм можно – и, по-видимому, нужно – рассматривать в качестве субъективно-объективного явления, в сотворении которого все мы принимаем участие; в качестве процесса, направление которого может меняться.

И последний вопрос, который необходимо рассмотреть, часто встречающийся в исследованиях по национализму, – это его типология. В

¹ Геллнер, Э. Нации и национализм. – С. 48.

² Eriksen, Th.H. Ethnicity and Nationalism. – P.105.

литературе существует множество классификаций, основанных, как правило, на бинарной схеме противопоставления «старого» и «нового», «западного» и «восточного», «этнического» и «гражданского», «территориального» и «лингвистического», «этноцентрического» («партикуляристского») и «полицентрического» («универсалистского») вариантов этой идеологии. Эта схема основана на том факте, что национализм имеет разные характеристики в зависимости от исторических обстоятельств, при которых он зарождался. Эта схема Х. Кона, о которой уже шла речь во втором параграфе, с теми или иными вариациями повторяется разными исследователями: Дж. Пламенац говорит о национализме «западного» и «восточного» типа (подчеркивая условность географических названий)¹, По словам Х. Сетон-Ватсона, что существует национализм «старых» и «новых» наций. Старые нации – «это те, которые обрели национальную идентичность и национальное самосознание до того, как была сформирована доктрина национализма, новые же – это те, у которых одновременно происходит два процесса: формирование национального сознания и создания политических движений»², Л. Нэмир выделяет «территориальный» и «лингвистический» национализм³. Первый тип национализма соответствует национализму «старых» наций Сетон-Ватсона, второй появляется в 1848 г. и характерен для «новых» наций.

На взгляд автора данной работы, недостатком всех этих схем является стремление привязать тот или иной тип национализма к определенному типу общества. Как показывает опыт последнего десятилетия, «старые» нации не гарантированы от «этнического возрождения» национальных меньшинств и связанных с этим проблем, и наоборот. Таким образом, связь обстоятельств, в которых национализм возникает и развивается, и его характеристик является более тонкой и сложной.

¹ Plamenatz, J. Two types of Nationalism / J. Plamenatz // Kamenka E. (ed.) Nationalism. The Nature and Evolution of an Idea. – L.: Edard Arnolds. 1973. – P.44.

² Seton-Watson, H Nations and States. An Enquiry into the Origins of Nations and the Politics of Nationalism / H. Seton-Watson. – L., 1977. – P.6-7.

³ Namier, L.B. Nationality and Liberty / L.B. Namier // European Political Hystory, 1815-1870. – P.130-154.

В ряду классификаций национализма довольно часто воспроизводится деление его на «гражданский» и «этнический», связанное с теми представлениями о нации, которые разделяет тот или иной национализм. Обычно подчеркивается, что первый тип национализма в большей степени совместим с либеральными ценностями, нежели второй. На мой взгляд, притом, что такая классификация может быть продуктивна в некотором отношении, ее не следует абсолютизировать. Как отмечает А. Миллер, «утверждая, что один национализм «гражданский», а другой «этнический», инкорпорирующий или исключаящий, мы должны сознавать, что речь идет о тенденции, которая доминирует в том или ином националистическом дискурсе в определенное время. В действительности все тенденции, как правило, присутствуют в каждом националистическом дискурсе. Вопрос состоит в том, какие обстоятельства делают ту или иную тенденцию доминирующей»¹. Вместе с тем необходимо подчеркнуть и то обстоятельство, что, вопреки трактовке Ю. Хабермаса, национализм «гражданского» типа опирается не только на «патриотизм конституции»², но и на другие механизмы, обеспечивающие чувство национальной общности. Поэтому сводить его содержание к гражданской солидарности и лояльности было бы упрощением. Пользуясь этой классификацией, необходимо помнить о ее условности.

¹ Миллер, А.И. Национализм как теоретическая проблема / А.И. Миллер // Полис. – 1995. – № 6. – С. 56.

² Малинова, О.И. Либеральный национализм / О.И. Малинова. – М., 2000. – С. 16.

Глава II. Феномены «нация» и «национализм» в отечественной историографической традиции с середины XIX в. до конца 80-х гг. XX в.

2.1 «Нация» и «национализм» в общественно-политической мысли России середины XIX – начала XX вв.

Термин «национализм» укореняется в русском языке в 1880 — 1890-х гг., и с этого времени активно используется в политической публицистике¹. Сам национальный вопрос в России в конце XIX – начале XX вв. состоял из двух взаимосвязанных аспектов. Первый – это осознание места России в мире, ее исторической миссии, ее цивилизационной «самоидентификации», и второй аспект, связанный с осмыслением отношений между народами, населяющими многонациональную империю, с особенностями процессов формирования национального самосознания в этом сложном политическом и культурном контексте². В конечном итоге, это был вопрос о сохранении целостности России и формировании в ней единой «гражданской» многоэтнической нации наподобие американской - или ее распада и реализации права на самоопределение входящих в ее состав народов. Как мы видим, спустя столетие мы все еще стоим перед решением этих проблем.

Западники и славянофилы. Что касается первого аспекта, то дискуссии на эту тему были начаты еще западниками и славянофилами, и продолжены в начале XX в. рассуждениями о «русской идее». В сущности, позиции участников этих дискуссий в большей или меньшей степени отражали процесс формирования особого типа культурного национализма, свойственного странам «догоняющей» модернизации. Такой национализм возникает как реакция на

¹ Сергеев, С.М. Русский национализм и империализм начала XX века / С.М. Сергеев. // Нация и империя в русской мысли XX века. – М., 2004. – С.11.

² Малинова, О.Ю. Либеральный национализм. [Электронный ресурс] / О.Ю. Малинова. – Режим доступа: <http://www.e-lib.rss.cz> (дата обращения 05.10.2004)

приобщение к прогрессу по стандартам ранее чуждой цивилизации, на неизбежность подражания чужой культуре и вместе с тем на осознание собственной «отсталости» по меркам этой цивилизации. Национализм этого рода полон противоречий: он не может не воспринимать «чужую» концепцию прогресса, и одновременно проявляет враждебность к предполагаемым ею моделям для подражания; он осознает «отсталость» своей культуры - и в то же время защищает ее как знак собственной идентичности¹.

В середине XIX в. понятие «нация» и производные от него: «национальное», «национальность», «национализм» не являлись ключевыми в обсуждениях о месте России в мире, т.к. по-разному определялись теми исследователями, кто участвовал в дискуссии². Единственное исключение составляет статья В.Г. Белинского «Россия до Петра Великого», в которой разводятся понятия «национальность» и «народность»³, однако предложенная в ней интерпретация не оказала видимого влияния на использование этих терминов другими авторами.

Западники и славянофилы не стремились обсуждать нацию как легитимную основу политического сообщества, они спорили о характере русской национальной идентичности, об ее соотношении с европейскими культурами. Определение понятия «нация» и способы принадлежности к ней не входили в сферу их интересов. Для них, как позже «для В. Соловьева, национальный вопрос был «вопросом не о существовании, а о *достойном* существовании»⁴.

В середине XIX в. осмысление «идеи нации» русской общественно-политической мыслью происходило в русле европейских тенденций и одновременно с Европой. Хотя символ нации по-разному интерпретировался представителями либеральной и консервативной мысли, оба лагеря

¹ Plamenatz, J. Two types of Nationalism. – P.34-35.

² Малинова, О.И. Образы Запада и модели русской идентичности в дискуссиях середины XIX века / О.И. Малинова // Космополис. – 2005. – №2 (12). – С. 40.

³ Белинский, В.Г. Россия до Петра Великого / В.Г. Белинский // Полн. собр. соч. Т.5. – М., 1953-1959. – С. 144.

⁴ Соловьев, В.С. Национальный вопрос в России. Предисловие ко второму изданию / Соловьев, В.С. Сочинения в 2 т. / В.С. Соловьев. – М.: Правда, 1989. – Т.1. – С.260.

формулировали свои убеждения в контексте современных им европейских веяний. Отправной точкой западнической интерпретации «идеи нации» послужило представление о том, что каждый народ обладает особым национальным духом, который воплощает некий аспект общей идеи, выражаемой всем человечеством. Поэтому западники стремились представить Россию страной, которая обладает такой же «национальной физиономией», как и каждая отдельно взятая страна Европы. Интенсивный культурный обмен, по их мнению, не отменяет национальных различий. Отмечая тенденцию к сближению народов, Белинский писал, что «из этого отнюдь не следует, чтобы просвещение сглаживало народности и делало все народы похожими один на другой, как две капли воды. Напротив, наше время есть по преимуществу время сильного развития национальностей. Француз хочет быть французом и требует от немца, чтобы тот был немцем, и только на этом основании и интересуется им. В таких точно отношениях находятся теперь друг к другу все европейские народы. А между тем они нещадно заимствуют друг у друга, нисколько не боясь повредить своей национальности»¹. В интерпретации западников, Европа — это не царство единственного господствующего начала, а ансамбль разных культур, в который может войти и Россия с ее особенностями.

Отсюда вытекали важные различия между западнической и славянофильской моделями национальной идентичности: если первая отказывалась predetermined содержание национальной культуры, оставляя его открытым для творческого развития, то вторая видела идеал «национальной подлинности» в народе, предполагая, что задача образованной элиты на современном этапе — постичь истинные начала русскости, сохраненные народом. Такая постановка вопроса отражала некоторые особенности консервативного мышления: стремление апеллировать к народу как хранителю традиций, приоритет «непосредственности» чувственно-

¹ Белинский, В.Г. Взгляд на русскую литературу 1846 года / В.Г. Белинский // Полн. собр. соч. – М., 1953-1959. – Т.10. – С. 30.

интуитивного познания в противоположность рационально-логическому, ведущему к односторонности.

Различие в стилях мышления западников и славянофилов, интерпретации ими природы социальных связей и характера общественного развития отчетливо проявилось в отношении к трехзвенной связке «индивид — нация — человечество», которую использовали в своих рассуждениях многие европейские мыслители и философы XIX в., в том числе И.Г. Гердер. Нация здесь рассматривается как составная часть единого целого, а каждое последующее звено предопределено предыдущим.

В понимании западников в этой трехзвенной связке главным творческим началом является индивид. По словам Кавелина, «...когда мы говорим, что народ действует, мыслит, чувствует, мы выражаемся отвлеченно: собственно, действуют, чувствуют, мыслят единицы, лица, его составляющие. Таким образом, личность, сознающая сама по себе свое бесконечное, безусловное достоинство, — есть необходимое условие всякого духовного развития народа»¹. Высвобождение личности из состояния «естественной непосредственности» (данный термин предложен Белинским), то есть, последовательная ее эмансипация, рассматривалась западниками в качестве условия прогресса и одновременно его показателя. Только личное начало, по их мнению, способствовало движению вперед, народ же в этой концепции выступал как «сила охранительная, консервативная», трудно поддающаяся нововведениям.

Совсем другое понимание трехзвенной связки «личность — нация — человечество» в славянофильской модели. Внимание здесь сосредоточено на народе, который рассматривался в качестве главного субъекта истории. В представлении славянофилов индивиды являются не творческим началом и движущей силой прогресса, а органом сознания, чутко отражающим то, что зреет в обществе. Нация для них — не совокупность отдельных личностей, а живое целое. Рассуждая о перипетиях британской истории, А.С. Хомяков в 1848 г.

¹ Кавелин, К.Д. Наш умственный строй. Статьи по философии русской истории и культуры / К.Д. Кавелин. — М., 1989. — С. 22.

писал, что залогом успешного развития общества является единство самобытного жизненного начала, «присущего всему составу» и «сознательного и рассудочного» начала, присущего личностям. Последнее есть «сила никогда ничего не создающая и не стремящаяся что-нибудь создать, но постоянно присущая труду общего развития, не позволяющая ему перейти в слепоту мертвенного инстинкта»¹.

Данные идеи оказали значительное влияние на процесс формирования националистического дискурса в России. К началу XX в. можно говорить о большей популярности консервативной точки зрения, представленной славянофилами на национальный вопрос, отстаивавших идею развития общества из его собственных самобытных начал, что в их понимании исключало целенаправленные инновации и ограничивало культурные заимствования.

Консервативные течения. Эти тенденции в полной мере реализовались в первый же год XX в. Уже в 1901 г. появились различные направления националистических настроений: создано Русское собрание — первоячейки будущих «черносотенных» организаций, ядром которого стали поздние славянофилы и приверженцы государственных идей М.Н. Каткова, и радикальные (первые статьи бывшего либерального народника М.О. Меньшикова в «Новом времени»).

Традиционалистский национализм продолжал пребывать в качестве третьего члена заветной триады, что, например, находило отражение в программных документах Союза русского народа, в коих ценности, отстаиваемые «союзниками» перечислялись в следующем порядке: «1.Святая православная вера; 2.Исконно русское неограниченное царское самодержавие и 3.Русская народность»². Какие бы чувства не обуревали «черносотенцев», на интеллектуальном уровне «нация» никогда не имела для них самоценного характера. В конечном счете, для искреннего и последовательного традиционалиста, понятие «православный» важнее понятия «русский».

¹ Хомяков, А.С. Избранные письма и статьи / А.С. Хомяков. – М.: Городец, 2004. – С.127.

² Цит по: Кирьянов, Ю.И. Правые партии в России. 1911-1917 / Ю.И. Кирьянов. – М., 2001. – С.300.

«Нововременцы» (А.С. Суворин, В.В. Розанов, П.П. Перцов) и идеологи Всероссийского национального союза типа П.И. Ковалевского, М.О. Меньшикова, представители радикального направления национализма, в тех или иных вариациях развивали социобиологическое направление примордиалистского подхода к национальной проблеме.

В качестве примера радикального крыла националистических воззрений, представлявших оба аспекта национального вопроса в среде думающей интеллигенции начала XX в., представим взгляды профессора Петра Ивановича Ковалевского, труд которого «Русский национализм и национальное воспитание в России», написанный в 1912 г., был переиздан совсем недавно в 2006 г., что не может не говорить об актуальности осмысления этих проблем сегодня. П.И. Ковалевский рассматривает нацию как явление общности языка, веры и судьбы, которая на Руси, по его мнению, появилась к концу XI в. Русский же национализм как спасительное средство воссоединения национальности и гражданственности, средство становления современной политической нации, в котором патриотизм должен уступить место русскому национализму, а местнический «национализм» нерусских коренных народов России – перерасти в российский патриотизм¹. «Россия для русских» - это формула Александра III² в трудах профессора Ковалевского раскрывается и обосновывается. По его мнению, во главе государства должен стоять Русский народ во всех его трех разветвлениях (великороссы, малороссы и белорусы). «Те из инородцев, - говорит П.И. Ковалевский, - которые имеют культурное право на самостоятельное существование, в такой только мере могут стать равноправными, в какой они станут русскими. Народности с низкой культурой должны смешаться с русскими и тогда они получают все права русских граждан»³. Помимо российского государства, активную роль в реализации

¹ Ковалевский, П.И. Русский национализм и национальное воспитание в России / П.И. Ковалевский. – М.: Книжный мир. 2006. – С.9-10.

² Боханов, А. Александр III Царь-миротворец / А. Боханов // Русский общенациональный журнал. – 2007. - № 4. – С. 65.

³ Ковалевский, П.И. Русский национализм. – С.162.

лозунга «Россия для русских», по мнению П.И. Ковалевского, должен был сыграть сам русский народ, которому для реализации этой цели предстояло консолидироваться и осознать свои государственно-правовые приоритеты, а также отличия своих национальных интересов от инородческих, то есть стать «хозяевами дома своего»¹.

Однако уже в начале XX в., с ростом революционного движения и развитием народного представительства второй аспект национального вопроса - о самоопределении народов Российской империи и сохранении ее единства превратился в весьма острую и насущную проблему. Будучи империей, применявшей на протяжении XIX в. как дискриминационные, так и национализирующие практики, российское государство сохраняло существенные различия между русскими и нерусскими, которые проявлялись в дифференцированном отношении к различным нерусским и неправославным народам, а также сословиям. С появлением более открытого политического пространства, в период между двумя революциями - 1905 и 1917 гг., «национальный вопрос» стал крайне актуальной проблемой как для правительства, так и для оппозиции.

По мере развития различных этнических национализмов в консервативной русской среде и среди нерусских народов, правительство проявляло все возрастающее внимание к национальным проблемам².

Государство было готово к тому, чтобы использовать наличные ресурсы для обращения в православие и обучения русскому языку, но также и к осознанию того, что большинство населения империи никогда не было и не будет истинно русским. Религиозные различия признавались действительно существующими и должны были поддерживаться, в то время как с национализмом и сепаратизмом предполагалось бороться. Хотя религия оставалась главным критерием отделения русских от нерусских, в последние

¹ Там же. – С.175.

² Суни, Р.Г. Империя как она есть: имперский подход в истории России, «национальная» идентичность и теории империи / Р.Г. Суни // Национализм в мировой истории. – М.: Наука, 2007. – С.72.

годы царизма язык и национальность стали крайне востребованными обозначениями различий. «Вся ошибка нашей многодесятилетней политики - это то, что мы до сих пор не осознаем, что со времени Петра Великого и Екатерины Великой нет России, а есть Российская Империя. Когда около 35% населения - инородцы, а русские разделяются на великороссов, малороссов и белоруссов, то невозможно в XIX и XX вв. вести политику, игнорируя этот исторический капитальной важности факт, игнорируя национальные свойства других национальностей, вошедших в Российскую империю, - их религию, их язык и проч. Девиз такой империи не может быть: «Обращу всех в истинно русских». Этот идеал не может создать общего идеала всех подданных русского императора, не может сплотить все население, создать одну политическую душу»¹, писал С.Ю. Витте в начале XX в.

Царизму не удалось создать нацию в пределах всей империи или хотя бы привить национальное чувство коренному русскому населению. Царская Россия прекрасно справилась с задачей строительства государства и создания империи, однако потерпела неудачу в образовании полиэтнической «российской нации» в рамках этой империи. Российская власть время от времени вставала на путь нациестроительства, но эта государственная практика всегда вступала в конфликт со структурами и дискурсом империи. Имперское начало стремилось к ограничению, если не к подрыву национального в той же мере, в какой национальное разрушало стабильность и легитимность государства. В то время как Московское государство и имперская Россия сумели интегрировать центральные регионы империи (часто называемые «внутренними губерниями») в единую национальность, в отношениях между русской центральной областью и нерусскими перифериями сохранились и даже усилились различия в силу неоднородной управленческой политики, компактного проживания местных этнических групп и русской колонизации.

¹ Витте, С.Ю. Избранные воспоминания, 1849-1911. / С.Ю. Витте. – М., 1991. – С.586.

По ходу «собирания» земель в некоторых регионах царский режим сумел создать лояльных подданных путем трансформации культурной идентичности, но его политика была непоследовательной и разнохарактерной в высшей степени. Он не смог ни создать эффективную национальную идентичность, ни построить (или хотя бы как следует попытаться) этническую нацию даже среди русских. Местечковость, религиозная идентичность и распространенное восприятие России более в связи с образом царя и государства, чем в качестве единого народа осложнили конструирование межклассовых и межкультурных национальных отношений в рамках империи. Можно сказать, что царское правительство даже не смогло превратить крестьян в русских¹. В отличие от Франции в России не существовало программы образования и сплочения миллионов людей вокруг идеи нации. Царская Россия представляет опыт неполного нациестроительства. Россия была сложносоставным государством, которое характеризовалось неравными отношениями между «русской» метрополией, представлявшей хотя и полиэтническую, но культурно русифицированную правящую элиту, и нерусскими частями населения. Несмотря на все бессистемные усилия правящих органов в направлении национализации населения, интеграция и включение населения в единое «воображаемое сообщество», русской нации мешали запрограммированные традиции дискриминации и неравных отношений между метрополией и периферией, сопротивление нерусских культур ассимиляции и национализм нерусских народов. Хотя распад Российской империи произошел не в результате действия периферийных национализмов, а из-за растущего ослабления и дезинтеграции центра, к 1917 г. имперская легитимность была в значительной степени ослаблена. Элиты отказали монархии в поддержке, и в целом произошло отчуждение режима от интеллигенции и рабочих, стратегически сконцентрированных в крупнейших городах. Политика

¹ Szporluk, R. Russia, Ukraine and the Breakup of the Soviet Union / R. Szporluk. – Stanford: Hoover Institution Press, 2000. – P. 48.

индустриализации и ограниченных реформ после 1905 г. создала в имперском обществе новые политические группы, стремящиеся к представительству собственных интересов на политическом уровне, которое царь отказывался предоставить. В новом мире, где цивилизация отождествлялась с нацией, конституционализмом, экономическим развитием (которое царизм задерживал), а среди некоторых групп - с социализмом и революцией, политическая структура царизма (самодержавие) все в большей степени воспринималась как препятствие на пути дальнейшего развития.

Либеральные идеи. Здесь бы хотелось обратиться к воззрениям либерального лагеря общественной мысли русской интеллигенции в начале XX в., чьим идеям, к сожалению, не суждено было сбыться, хотя на тот момент, по нашему мнению, они составляли альтернативу самодержавию в решении национального вопроса.

Родоначальником либеральных идей по национальному вопросу является основатель «русской школы» философии Владимир Сергеевич Соловьев.

В 1880-х гг. на страницах литературных и философских журналов **В.С. Соловьев** решительно критиковал позицию славянофилов и их последователей. Позднее он перепечатал свои полемические статьи в одной книге, которую озаглавил «Национальный вопрос в России»¹. В 1890-х гг. Соловьев развил свои мысли об этических принципах подхода к решению национального вопроса в главе, включенной в его главный труд в области нравственной философии - «Оправдание добра»². Хотя точка зрения Соловьева вызвала на тот момент ожесточенные споры, нам представляется, христианскому философу удалось сформулировать и обосновать ряд очень важных аспектов либерального подхода к феномену «нация» и его этической оценки, оказав тем самым определенное влияние на развитие русской, - и не только русской, - общественной мысли.

¹Соловьев, В.С. Национальный вопрос в России. Предисловие ко второму изданию // Соловьев, В.С. Сочинения в 2 т. / В.С. Соловьев. – М.: Правда, 1989.

²Соловьев, В.С. Оправдание добра. Нравственная философия // Соловьев, В.С. Сочинения в 2 т. / В.С. Соловьев. – М.: Мысль, 1990.

Соловьев, подобно Гердеру и Мадзини, разделял представление о нациях как частях человечества, каждой из которых по воле Бога предназначена особая миссия: «Народность, или национальность, - писал он, - есть положительная сила, и каждый народ по особому характеру своему назначен для особого служения. Различные народности суть различные органы в целом теле человечества, - для христианина это есть очевидная истина»¹.

«На той степени развития, какой достигло человечество, - подчеркивал Соловьев, - принадлежность данного лица к известной народности закрепляется его собственным актом самосознания и воли. И, таким образом, народность есть внутренняя, неотделимая принадлежность этого лица, то, что для него в высокой степени дорого и близко. И как же возможно нравственное отношение к этому лицу, если не признать существование того, что для него так значительно? »².

Из этого можно сделать вывод о том, что Соловьев сформулировал и обосновал очень важный принцип, согласно которому национальность человека заслуживает уважения и признания как внутренняя неотъемлемая характеристика индивида, усилиями его воли осознаваемая и принимаемая; она должна быть этически значимой для общества, потому что она важна для индивида. Тем самым опровергался «космополитический» подход, сторонники которого призывают игнорировать факт национальной принадлежности людей, относиться к ним просто как к людям. Но равным образом Соловьев считал противоречащим морали «националистический» подход, предлагающий ставить на первый план интересы своего народа, пусть даже ценой ущерба для других. Признавая этическое значение за национальным чувством, русский философ считал истинные его проявления несовместимыми как с нетерпимостью и враждой к чужим нациям, так и со слепым возвеличиванием мнимых достоинств своей собственной.

¹Соловьев, В.С. Нравственность и политика. Исторические обязанности России // Соловьев, В.С. Национальный вопрос. – С.269.

²Там же. – С.377-378.

Судя по всему, в представлении философа единая и неделимая Россия, существование которой является «вопросом решенным» - это многонациональная общность, объединенная государством и обладающая собственной судьбой; он не предполагает абсолютного тождества государства и нации (в смысле единства языка и культуры). Поэтому попытки обеспечить такое тождество искусственно Соловьев отвергал: «Беда в том, - писал он, - что подобные опыты, ничуть не достигая своей невозможной цели, лишь понапрасну растрavляют национальный антагонизм и решительно мешают незаметному, но действительному сближению с Россией чужих элементов... Наш народ дорожит государственным единством и не допустил бы его нарушения, - подчеркивал он. - Но он никогда не смешивает государственного единства с национальным»¹. Полагая странной саму постановку вопроса о распаде России на несколько национальных государств, философ исходил из возможности и даже необходимости интеграции «национальных окраин», однако на ненасильственной основе, в результате естественного и постепенного процесса.

Сформулированные Соловьевым принципы этического отношения к «национальному вопросу», существенные для обоих его аспектов, отмеченных в начале, получили развитие во взглядах следующего поколения русских либералов, в частности П.Б. Струве и П.Н. Милюкова.

П.Б.Струве – человек с непростой биографией, начавший свой путь с увлечения марксизмом, стоявший у истоков «Союза освобождения», сыгравший немалую роль в деятельности кадетской партии и позднее с нею разошедшийся, участник гражданской войны и непримиримый противник большевистского режима в эмиграции, Струве на протяжении всей своей жизни сохранял верность однажды выбранным принципам². Основу его политической веры составляла идея свободы как определяющего положительного начала

¹ Соловьев, В.С. Что требуется от русской партии // Соловьев, В.С. Национальный вопрос. – С.329.

² Селезнева, Л.В. Судьба России и вариант Струве / Л.В. Селезнева // Консерватизм и либерализм: созвучия и диссонансы (К 125-летию со дня рождения П.Б.Струве). – Пермь, 1996. – С.22.

общественного развития, а стержнем ее являлся «воинствующий» патриотизм, который разительным образом отличал П.Б. Струве от его соратников по либеральному флангу.

Р. Пайпс считает, что патриотизм и национализм как основа мировоззрения Струве сложились еще в юношеском возрасте, под влиянием И. Аксакова. Он пишет: «Национализм составлял самую основу сознания Струве. Прежде чем быть всем остальным - либералом, социал-демократом или тем, что он сам называл либеральным консерватором, - он был монархистом, славянофилом и панславистом. Великая, жизнеспособная, культурная русская нация была для него, начиная с самых ранних моментов развития его политического сознания, объективным принципом политической деятельности»¹.

В его концепции либерального национализма величие нации не мыслилось возможным без равноправия граждан, без правового закрепления основных прав и свобод личности.

Для того, чтобы понять дальнейшую эволюцию взглядов Струве, следует более подробно остановиться на его понимании природы нации и ее взаимосвязи с государством. В отличие от многих западных либералов, подчеркивавших «политическую» составляющую нации, ее значение в качестве единицы, претендующей на демократическое самоуправление, Струве главное содержание этого понятия видел в культурной плоскости. «В основе нации, - писал он, - всегда лежит культурная общность в прошлом, настоящем и будущем, общее культурное наследие, общая культурная работа, общие культурные чаяния», - и ссылаясь на Исократу, утверждавшего: «Эллинами называются скорее те, кто участвуют в нашей культуре, чем те, кто имеют общее с нами происхождение»². И в концепции Струве материальные признаки нации не имеют решающего значения, они рассматриваются как основа, на

¹Pipes, R. Peter B. Struve: The Sources of his Liberal Russian Nationalism / R. Pipes // Timberlake Ch. (ed.), Essays on Russian Liberalism. [Columbia]: University of Missouri Press, 1972. – P. 67.

²Струве, П.Б. Отрывки о государстве // Струве, П.Б. Patriotica. Политика, культура, религия, социализм / П.Б. Струве. – М.: Республика, 1997. – С.67.

которой возникает главное, что создает нацию - духовное единство. В 1918 г. он писал: «Принципиально, по существу, понятие нации есть такая же категория, как и понятие класса. Принадлежность к нации прежде всего определяется каким-либо объективным признаком, по большей части языком. Но для образования и бытия нации решающее значение имеет та выражающаяся в национальном сознании объединяющая настроенность, которая создает из группы лиц одного происхождения, одной веры, одного языка и т.п. некое духовное единство. Нация конституируется и создается национальным сознанием»¹.

Исходя из этого, для индивида принадлежность к той или иной нации также определяется не столько его этническим происхождением, сколько чувством духовного родства, ощущением себя членом этой, а не иной нации. Для П.Б. Струве, которому, к его великой досаде, нередко приходилось сталкиваться с полемическими выпадами оппонентов, подчеркивающих нерусское происхождение автора концепции национального русского либерализма, это было особенно важно. Он вынужден был снова и снова доказывать, что национальность - «это духовные притяжения и отталкивания, и для того, чтобы осознать их, не нужно прибегать ни к антропометрическим приборам, ни к генеалогическим разысканиям. Они живут и трепещут в душе»².

Однако в целом, озабоченный проблемой национального и либерального возрождения русской, «имперской» нации, Струве главный акцент делал на культурной, а не на политической составляющей понятия «нация»: единство России, с его точки зрения, определяется доминирующим положением русской культуры, и угрозы гегемонии этой культуры, как мы увидим в дальнейшем, представлялись ему более опасными, чем даже возможная федерализация государственного устройства.

¹Струве, П.Б. Исторический смысл русской революции и национальные задачи // Струве, П.Б. Вехи. Из глубины / П.Б. Струве. – М.: Правда, 1991. – С.473.

²Струве, П.Б. Интеллигенция и национальное лицо // Струве, П.Б. *Patriotica*. – С.372.

Ратуя за «национальный русский либерализм», Струве выступал решительным противником официального национализма, его охранительной политики, унижительной для русской нации. Причем критика его была основана на «националистических» посылках: бюрократический национализм плох, по его мнению, именно потому, что он ведет к ущемлению интересов русской нации. «Отгораживаясь от других национальностей и охраняя себя от них государственным щитом, - писал Струве, - русская национальность не укрепляет, а ослабляет себя... Дух и политика торжествующего теперь замкнутого национализма стремятся пресечь и затруднить процесс ассимиляционного роста, которым создавалась и до сих пор еще создается русская национальность и русская культура»¹. Результатом охранительного национализма является то, что он «создает и выращивает силы сопротивления себе», делая неизбежным будущий сепаратизм. Идеалом же, по мнению Струве, должен служить «свободный, творческий и потому открытый и в подлинном и лучшем смысле завоевательный» национализм, который продемонстрировали англичане в Северной Америке и Британской Индии. Струве был убежден, что, за исключением Польши и Финляндии, «этот идеал... осуществим для всей остальной Империи, ибо на все пространстве Российской империи, кроме Финляндии и Польши, приобщение к русской культуре означает подъем на высшую ступень»².

Таким образом, Струве настаивал, прежде всего, на доминирующей роли русской культуры в России, роли, которую она несомненно может обеспечить себе в свободной конкуренции. Он считал недопустимым и вредным навязывать превосходство этой культуры за счет дискриминации прав людей, к ней не принадлежащих. Нерусское население «национальных окраин» России должно иметь равные с этническими русскими права, ибо только отказ от насильственного национализма может обеспечить то, что казалось Струве

¹ Струве, П.Б. Два национализма // Там же. – С.170.

² Там же. – С.171.

главным для расцвета русской нации и государства - свободную и органичную гегемонию русской культуры.

Струве пытался соединить идею развития сознания формирующейся русской нации с задачей утверждения свободы личности, ценности права, с развитием начал политического самоуправления в государстве, с равноправием граждан независимо от национальности и вероисповедания. Его концепция нации, в которой акцент делается на личность как творческое начало, созидающее богатство национального духа, в принципе, могла стать основой *либеральной* теории национализма. Однако в начале XX в. *интегративная* теория наций и национализма, рассматривающая права наций с универсальной точки зрения прогресса и допускающая возможность и даже неизбежность ассимиляции небольших и менее развитых национальностей - при условии недискриминации и равенства гражданских прав, - уже не была достаточной. *Либеральная* теория национализма должна была предусматривать необходимость защиты культурных и социальных прав национальных меньшинств.

П.Б. Струве, в свою очередь выделял национализм творческий и охранительный. Охранительный национализм, по Струве, заключается во всемерном ограждении определенного народа государством от конкуренции со стороны других стран и народов, создании ему искусственных привилегий и административном ограничении национальных меньшинств (таким был великодержавный национализм правящих кругов Российской империи, современных прибалтийских националистов, и т.д.); Творческий национализм, не боящийся конкуренции, состоит в создании наиболее благоприятных условий для экономического, политического и культурного развития своего народа, при открытом его соперничестве с другими странами и народами¹.

Ученый и политический деятель, признанный лидер кадетской партии **П.Н. Миллюков** не разделял страстей «воинствующего патриотизма» П.Б.

¹ Струве, П.Б. Историческая сущность Русской революции и национальные цели // Струве, П.Б. Очерки о русской революции / П.Б. Струве. – М., 1990. – С.242.

Струве. В его подходе к «национальному вопросу» преобладал трезвый анализ историка и социолога. Эта тема составляла предмет его давнишнего и неизменного интереса: начиная с лекции 1893г. о разложении славянофильства, в своем научном творчестве Милюков настойчиво возвращался к проблеме развития национального самосознания в России, подробно рассмотренной в третьем томе его «Очерков по истории русской культуры»¹. Талантливому историку был интересен сам процесс рождения и развития «национальных организмов»; отсюда и тема курса о переходе от падения римской империи к средним векам, выбранная им для чтения в Софийском Высшем Училище в 1897 г., и многочисленные поездки на Балканы, где он мог наблюдать воочию процесс зарождения национального движения. В качестве политика Милюков также постоянно обращался к этой теме: ему неоднократно приходилось выступать в Государственной Думе по вопросам, связанным с правами национальностей; национальный вопрос был предметом постоянных споров и внутри кадетской партии. Вернувшись к научному творчеству в эмиграции, П.Н. Милюков в 1925 г. опубликовал книгу, обобщавшую его многолетнюю работу над этой темой - «Национальный вопрос: (Происхождение национальности и национальные вопросы в России)»², в которой он предлагал научный взгляд на данную проблему, уже в качестве не только историка, но и социолога.

Рассматривая основные признаки национальности - язык, религию, территорию, нравы, обычаи, - Милюков приходил к выводу, что «все это сравнительно недавнего происхождения, все это подвижно и может отделяться друг от друга»³. Так, язык при благоприятных условиях может исчезнуть за два-три поколения, что, по словам Милюкова, можно наблюдать на Балканах; религия является важным фактором, лишь пока она служит символом

¹ Милюков, П.Н. Очерки по истории русской культуры. Часть третья. Национализм и общественное мнение. / П.Н. Милюков. - С.-Петербург, 1901.

² Милюков, П.Н. Национальный вопрос: (происхождение национальности и национальные вопросы в России) / П.Н. Милюков. - Б.м., 1925. - С.86.

³ Там же. - С. 88.

национальной обособленности; территория имеет важное значение в процессе формирования национальности, однако уже сложившаяся национальность может сохраняться и утратив связь с первоначальным местом жительства (евреи, цыгане). «Ни одна из черт, которыми обыкновенно определяется национальность..., - заключал Милюков, - не оказывается, сама по себе, неотъемлемым и необходимым признаком национальности... Но то или другое сочетание признаков необходимо, чтобы была налицо национальность... Каждый признак - язык, территория, религия и т.д. - необходим тогда и постольку, когда он становится средством общения между людьми или результатом их длительного взаимодействия, - коллективным продуктом их постоянного общения... Будучи продуктом живого общения и совместной деятельности данной группы людей, национальность существует лишь пока продолжается общение. Она выявляется, когда общение достигает известной длительности и напряженности. Национальность, следовательно, существует только в процессе. Она не вечна и не неподвижна»¹. Главным содержанием этого процесса является развитие национального самосознания.

Милюков различал два этапа в развитии нации: длительный период, когда она «создается» - и сравнительно более короткий, когда она «сознается». Первый из этих этапов есть плод долгого процесса, отчасти недоступного для изучения; он носит *стихийный* характер. Для Милюкова-историка особый интерес представлял именно второй этап, который он называет *волюнтаристическим*. Согласно его концепции, «национальное самосознание... может выработаться лишь в том обществе, которое создало специальные органы, выражающие мысль и волю нации и хранящие в ряде поколений социальную память»². В разные периоды эти «органы» различны; процесс развития национального самосознания охватывает общество подобно концентрическим кругам, он происходит «сверху вниз». На разных этапах его осуществляют вожди племен, рыцарство, городская буржуазия и, наконец,

¹ Милюков, П.Н. Национальный вопрос. – С.57.

² Там же. – С.63-64.

городская интеллигенция; важную роль в нем сыграл религиозный протестантизм, появление печатного слова и литературного языка.

Важной вехой в развитии самосознания народов Европы была эпоха Французской революции, когда «национальная идея начинает развиваться в теснейшей связи с идеей революционной». Хотя, отмечает Миллюков, эта эпоха представляла национальность исключительно с правовой точки зрения, но «принцип новой национальности был формально провозглашен с трибуны революционных собраний французской революции и разнесен по Европе генералами Франции». В начале XIX в. развитие принципа национальности было продолжено романтиками, которые трактовали национальность как продукт прошлого. Национальность впервые проявляет свой революционный характер в освободительных движениях в Германии, Италии, Чехии, на Балканах, в Латинской Америке; те же процессы происходят и у славянских народов¹. Таким образом, развитие наций и национальных движений подчинено общим закономерностям, которые проявляют себя и в российской истории.

Миллюков считал, что если стихийный процесс «создания» национальностей объективен и не подлежит оценке, то волюнтаристический процесс «сознания» национальностей неизбежно рождает двойное отношение. «Та же причина, которая составляет *силу* этого волюнтаристического процесса, - писал он, - составляет и его отрицательную сторону, *гипертрофию* национального чувства, выражающуюся в ряде отклонений и извращений здорового процесса. Причина эта... заключается в распространении национального сознания *сверху*, из интеллигентного высшего слоя, который и дает материал для подражания низам. В целом ряде случаев, гипертрофия национального чувства может оказаться не полезной, а вредной для той самой национальности, которая заболевает этой болезнью». Последняя может проявиться в стремлении к захватам во внешней политике, в консервативном желании сохранить формы прошлого как истинно национальные вопреки

¹ Миллюков, П.Н. Национальный вопрос. – С.80-89.

требованиям жизни, в различных ситуациях, в которых «чувство национальной гордости или национальной обиды оттесняет на второй план другие чувства и потребности современного нормального человека»¹. Эти отрицательные стороны процесса национального самосознания Милюков называл «национализмом» и считал, что они заслуживают однозначно негативного отношения, вне зависимости от того, какая нация страдает этой «болезнью» - «господствующая» или «угнетенная». Вообще термин «национализм» Милюков употреблял в двух смыслах. С одной стороны, для обозначения шовинизма и гипертрофии национального чувства. С другой стороны, в его концепции «национализм» рассматривался как момент развития национального самосознания, осуществляющегося в противоположности органических и критических периодов. В этом значении данный термин употреблен в названии третьего тома «Очерков»: «Национализм и общественное мнение».

Милюков настаивал, что «бурные чувства надо укрощать, иначе мы рискуем остаться с нашим национальным лицом по ту сторону культуры»². Стремление выпячивать свое национальное «я» казалось ему болезненным проявлением национализма, эстетским искательством, опасной болезнью, поразившей часть русской интеллигенции.

Национальный вопрос занимал важное место в рассуждениях русских либералов, неизменно оставаясь предметом острейших споров. П.Н. Милюков внес существенную лепту в разработку соответствующих разделов программ сначала Союза Освобождения, а затем и кадетской партии. Обе организации поддерживали лозунг права народов на самоопределение, не имея при этом в виду политическое отделение. Позиция либералов в национальном вопросе опиралась на представление о непреложности единства Российской империи как многонационального государства. Однако, не разделяя сепаратистские устремления представителей «национальных окраин», Милюков и его товарищи по партии решительно выступали против официального

¹ Там же. – С. 150-151.

² Милюков, П.Н. «Отгалкивание» или «притяжение»? // Милюков, П.Н. По векам / П.Н. Милюков. – С.77.

национализма и политики дискриминации в отношении «инородцев» в стенах Государственной Думы и на страницах печати. Милюкову как лидеру кадетов неоднократно приходилось с парламентской трибуны критиковать точку зрения правых националистов, особенно упрочивших свои позиции в Третьей Думе.

П.Н. Милюков не рассматривал образование «государственной нации» как процесс унификации, стирания культурных различий. Скорее, речь шла о формировании общего самосознания граждан единого, но полиэтничного и многокультурного государства. В архиве Милюкова сохранились наброски лекции о национальном вопросе. Он видел два возможных варианта его решения: «1) «национальное государство» - национальность и нация совпадают, т.е. государство опирается на единый социальный союз граждан; 2) «государство национальностей» - государственная организация, опирающаяся на национальные союзы на одинаковых правах (Австро-Венгрия)». Далее Милюков указывал на два возможных пути объединения национальностей в одном государстве: ассимиляцию и свободное сожительство. Первый путь представлялся ему невозможным. Поэтому идея «государственной нации», по мнению Милюкова, вполне может осуществиться только в «государстве национальностей»¹. В отличие от своих оппонентов справа, Милюков рассматривал нацию как результат развития ее самосознания, а не как некий физический субстрат. По-видимому, в его представлении «выковывание государственной нации» означало постепенное сближение народов, населяющих единое государство, при условии, что они будут иметь равный правовой статус и что русский язык как язык, обеспечивающий их взаимопонимание и работу во имя общих целей, будет принят добровольно (как английский язык в Соединенных Штатах Америки).

Суть позиции Милюкова может быть охарактеризована как либерально-империалистическая. Проблема заключалась в том, что залогом *либерального*

¹ Цит. по: Шелохаев, В.В. Либеральная модель переустройства России. / В.В. Шелохаев. – М.: Росспэн, 1996. – С.76.

империализма должно было служить преобразование политического и правового строя, которое не было завершено. В силу этого поддержка более радикальных требований «национальностей» откладывалась до лучших времен, а возможности влиять на текущую политику властей в национальном вопросе либералы не имели.

В начале XX в., как и в его конце, Россия переживала очень ответственный этап «национального строительства». Либеральная мысль в ярых спорах пыталась найти решение непростых проблем, поставленных ростом национального самосознания народов, входивших в состав России, развитием народного представительства, обострением вечной проблемы «цивилизационной принадлежности» на новом витке модернизации, усложнением международной обстановки. Русские либералы, поддерживая принцип самоопределения наций, не рассматривали его в смысле государственного отделения. Все они считали непреложным сохранение территориальной целостности России, однако вместе с тем они предлагали национальную политику, опирающуюся на принципы равноправия граждан и культурного самоопределения национальностей. Можно спорить о том, были ли эти принципы достаточными для того, чтобы снять остроту «национального вопроса» в начале XX в. Но несомненно одно: рассмотренные нами теории представляли собой существенную альтернативу политике самодержавия.

2.2 Советская национальная политика и ее роль в формировании взглядов на феномены «нация» и «национализм»

В рамках данного параграфа будет рассмотрена эволюция взглядов на феномены «нация» и «национализм» в контексте советской национальной политики, т.к. в этот достаточно непростой для нашей страны период закрепились основные характеристики этих понятий, что отражается и на современной российской исследовательской и политической ситуации.

Истоки советской национальной политики. Советская национальная политика базировалась на теоретических постулатах «марксистско-ленинской теории наций». Наследие марксизма было принято большевиками в той мере, в какой Россия вступала в борьбу за социализм, проблемы национализма приобретали новые и весьма обостренные формы и выражения в политике и идеологии коммунистов. Во-первых, Российская империя представляла собой пестрый конгломерат народов со своими национальными проблемами, интересами, идеологией, и объединить их силы в борьбе с самодержавием и в последующем свержении власти буржуазии без решительной борьбы с их национализмом было невозможно. Интернационализм, считал В.И. Ленин, в России приобретал особо важное значение. Во-вторых, с установлением Советской власти в России и поражением капитализма, проблемы интернационализма получают еще большую актуальность: теперь выдвигается лозунг как генеральный лозунг всего мирового революционного процесса: «Пролетарии всех стран и угнетенные народы, объединяйтесь!».

В советский период весь комплекс управленческой деятельности и пропаганды в этнической сфере именовался «ленинская национальная политика» (до XX съезда КПСС - ленинско-сталинская национальная политика). Теоретический подход, разработанный большевиками в предреволюционные и первые послереволюционные годы, во многом

определил характер внутренней политики советского государства на весь период их власти.

Первоначально в среде российских социал-демократов т.н. национальный вопрос считался второстепенным и сводился к лозунгу о праве наций на самоопределение. Еще в 1898, в соответствии с резолюцией конгресса Второго Интернационала, на I съезде РСДРП была принята резолюция о праве наций на самоопределение. То же было подтверждено на II съезде в 1903 г¹. Лишь в 1912 г. Ленин начинает уделять проблеме значительное внимание. В России к тому времени активное развитие получили этнонациональные движения, происходили общественные дебаты по национальному вопросу. Для самой РСДРП обнаружилась опасность партийного дробления на национальные группировки, подобно тому, как это происходило с социал-демократическими организациями Западной Европы. Когда Еврейский рабочий союз (Бунд), пользовавшийся в партии определенной самостоятельностью, и грузинские меньшевики, попытались заставить российскую партию одобрить лозунг австрийских марксистов о «культурно-национальной автономии», была выработана формула: «нет» - «культурно-национальной автономии», «да» - праву нации на самоопределение вплоть до отделения². По поводу «культурно-национальной автономии» сказано, что она представляет собой замаскированный национализм, и применительно к России единственно правильным шагом является территориальная («областная») автономия для Польши, Финляндии, Украины, Литвы, Кавказа при одновременном предоставлении национальным меньшинствам права пользоваться родным языком, иметь свои школы и т.п.³.

Декларация прав народов России. Центральным местом большевистской национальной политики после прихода их к власти стала «Декларация прав народов России», принятая Советом народных комиссаров

¹ Второй съезд РСДРП, июль — август 1903 г. Протоколы. — М., 1959.

² Ленин, В.И. Тезисы по национальному вопросу.(1913) // Ленин, В.И. Полн. собр. соч. — Т.23. — С.314-320.

³ Там же. — С. 322.

2(15) ноября 1917 г.¹. В.И. Ленин в своей работе 1916 г. «Социалистическая революция и право народов на самоопределение» продекларировал право на свободное политическое отделение для всех национальностей без оговорок. В этой же работе он разделил типы национальных движений, характеризуя Российскую империю как одну из территорий, где «двадцатый век развил буржуазно-демократические национальные движения и обострил национальную борьбу»². Но в партии по национальному вопросу происходили разногласия, значительная группа под руководством Ю. Пятакова, Н. Бухарина и К. Радека утверждала, что продолжение существования наций в социалистическом обществе и признание национальных прав недопустимо, это только отвлекает от классовой борьбы, т.к. нация – это не только пролетариат, но и буржуазия. Самоопределение пойдет на руку буржуазным националистам. Достаточно напряженные споры между этой группой и В.И. Лениным на VIII съезде партии в марте 1919 г. привели к компромиссной резолюции³, которая представляла новую идею в праве наций на самоопределение: желание нации по этому вопросу стало зависеть от уровня исторического развития нации. Ленин заявил, что нации существуют в природе и что «не признавать того, что есть, нельзя: оно само заставит себя признать»⁴.

Сталин в это время считал, что «нация может устроиться по своему желанию. Она имеет право устроить свою жизнь на началах автономии. Она имеет право вступить с другими нациями в федеративные отношения. Она имеет право совершенно отделиться. Нация суверенна, и все нации равноправны»⁵. Нации были реальностью, все реально существующие нации были суверенны, и все суверенные нации имели право на политическое самоопределение на «своей собственной» территории. Нации без территорий реальностью не были; все территориальные границы делились на

¹ Декреты Советской власти. – Т.1. – М., 1957. – С. 39-41.

² Ленин, В.И. Полн. собр. соч. / Ленин В.И. – М., 1955-1957. – Т. 27. – С. 252, 260.

³ Восьмой съезд РКП(б). Март 1919 года. Протоколы. - М.: Госполитиздат, 1959. – С.108.

⁴ Там же. – С. 55-56.

⁵ Сталин, И.В. Марксизм и национальный вопрос / И.В. Сталин. – М., 1950. – С.51.

искусственные и естественные («сообразно "симпатиям" населения»); а естественным результатом симпатий населения было, по словам Ленина, «возможно большее единство национального состава населения»¹. Если для этого требовалось создание бесчисленных «автономных национальных округов», то мировой пролетариат будет состоять из бесчисленных «автономных национальных округов» — сколь угодно малых и сколь угодно непролетарских².

Первоначально большевики не имели четкого представления об организации многонационального советского государства. Принципы ленинской политики обеспечили некий каркас: национальные меньшинства, которые угнетались царизмом, могут быть уверены, что такого отношения к ним больше не будет. Они должны создать собственные местные институты и быть ответственными за культурные вопросы, кроме того, они должны получить такие же языковые и образовательные права, как и русские, там, где это необходимо, по мнению центра. В.И. Ленин был согласен с необходимостью некой национальной автономии, различные формы которой предлагались европейскими марксистами с начала XX в.³ Но даже в этой закрепленной форме ни одной нации не давалось возможности провозгласить самоопределение.

Подход к изучению наций. Основная масса большевиков не могла дать четкого ответа на этот вопрос, кто и на каких основаниях принадлежит к нациям, в существовании которых они не сомневались. В поисках ответа большевики обратились к экспертам: этнологам, ориенталистам, статистикам. Именно специалисты-ученые ввели новые научные концепции, благодаря которым впервые стало возможным определение и описание наций. Они разработали критерии, позволившие переписать этническую карту империи и

¹ Ленин, В.И. Вопросы национальной политики и пролетарского интернационализма / В.И. Ленин. – М., 1965. – С.32-33.

² Там же. – С.26, 33-34.

³ Smith, J. Soviet Nationality Policies from Lenin to Gorbachev / J. Smith // Трагедия великой державы: национальный вопрос и распад Советского Союза. – М., 2005. – С.515.

переструктурировать ее в союз наций¹. В 1926 г., во время первой советской переписи, стала очевидной вся польза научного знания экспертов. Тогда шли поиски критериев определения национальности подданных и включения их в состав той или иной нации. Именно поэтому самописание населения не могло удовлетворить большевиков – они нуждались в более четком представлении о национальной принадлежности тех, кем они собирались управлять. Соответственно, стояла задача согласования самописания народов с представлениями стоящих у власти большевиков. В 1926 г. переписчики получили указание самостоятельно устанавливать национальность опрашиваемых, если последние не могли однозначно определить свою национальную принадлежность. С этой целью эксперты разработали каталог критериев, позволявший распределять людей по национальностям².

На архивных материалах была написана монография Ф. Хёрш о роли этнографической науки в конструировании советских национальностей через переписи населения и другие государственные процедуры³. Многие авторы рассматривали, каким образом дореволюционный призыв большевиков к национальному самоопределению после прихода их к власти трансформировался в проект соединения антиимперской политики и сохранения территории государства, населенного множеством различных этнических и языковых групп⁴. Это нашло свое выражение в воплощении

¹ Напр. Золотарев, Д.А. Этнический состав населения Северо-Западной области и Карельской АССР / Д.А. Золотарев. – Л., 1926; Сафаров, Г. Колониальная революция и опыт Туркестана / Г. Сафаров. – М., 1921; Самурский, Н. Дагестан / Н. Самурский. – М.-Л., 1925.

² Hirsch, F. The Soviet Union as a Work-in-Progress; Ethnographers and the Category Nationality in the 1926, 1937, and 1939 Censuses / F. Hirsch // *Slavic Review*. – 1997. – Vol. 56. – No. 2. – Pp. 251-279.

³ Hirsch, F. *Empire of Nations: Ethnographic Knowledge and the Making of the Soviet Union* / F. Hirsch. – Ithaca, 2005.

⁴ Усманов, Н.В. Национальная политика большевиков в автономной Башкирии (конец 20-х-30-е годы XX века) / Н.В. Усманов // *Трагедия великой державы: национальный вопрос и распад Советского Союза*. – М., 2005. – С.300-316; Анттикоски, Э. Стратегии карельского языкового планирования в 1920-е – 1930-е гг. / Э. Анттикоски // *В семье единой: национальная политика партии большевиков и её осуществление на Северо-Западе России в 1920 – 1950-е годы*. – Петрозаводск, 1998. – С. 207-222; Левкоев, А.А. Национально-языковая политика финского руководства советской Карелии (1920 – 1935) / А.А. Левкоев //: *Препринт / РАН Кар. науч. центр. Ин-т яз., лит. и истории*. – Петрозаводск, 1992. (Науч. докл.); Варнавский, П. Границы советской бурятской нации: “национально-культурное строительство” в Бурятии в 1926-1929 гг. в проектах национальной интеллигенции и национал-большевиков / П. Варнавский // *Ab Imperio*. – 2003. – № 1. – С. 149-176; Baron, N. *The Language Question and National Conflict in Soviet Karelia in the 1920's* / N. Baron // *Ab Imperio*. – 2002. – № 2. – Pp. 349-360;

национальной идеи в организации административно-территориальной структуры государства. Для этого потребовалось получить от советских этнографов и местных элит необходимую этнографическую информацию, без которой невозможно было бы создать новый Советский Союз на основе территориально-этнического принципа. Этнографы вдохновлялись западноевропейским опытом организации управления своих колониальных владений¹, разрабатывали принципы фиксации этнических групп в переписях населения, работали в правительственных комиссиях по территориальному размежеванию внутренних границ республик и других этнотерриториальных образований, осуществляли экспедиции по изучению народов и уровня их развития, создавали этнографические выставки и музеи о народах СССР. Они выступали защитниками «национального самоопределения» народов и возглавляли кампании против нацистских расовых теорий.

Теперь в распоряжении большевиков имелись нации, которые можно было идентифицировать по языку, религии, обычаям и нравам. Культура отдельно взятого человека становится признаком его происхождения. Поскольку режим стремился поднять «отсталые» народы на уровень «развитых», крестьянам, кочевникам и мусульманам на окраинах империи были предоставлены привилегии, которые не распространялись на русских и на городское население². Отныне в национализированной большевиками империи не было ни одного человека без национальности. Крестьяне и рабочие принадлежали к различным нациям, разговаривали на разных языках и пользовались различными правами. Классы получили национальную прописку независимо от того, признавали ли рабочие и крестьяне свое национальное

Языковая политика в Республике Татарстан. Документы и материалы (20-30 гг.) / Под ред. Ф. М. Султанова и др. – Казань, 1998.

¹ Богораз(-Тан), В.Г. О первобытных племенах / В.Г. Богораз(-Тан) // Жизнь национальностей. – 1922. – №1. – С. 130; Его же. Об изучении и охране окраинных народов / В.Г. Богораз(-Тан) // Жизнь национальностей. – 1923. – №3/4. – С.168-177; Штернберг, Л.Я. Современная этнология. Новейшие успехи, научные течения и методы / Л.Я. Штернберг // Этнография. – 1926. – №1/2. – С. 15-22.

² Слезкин, Ю. Арктические зеркала: Россия и малые народы Севера / Ю. Слезкин. – М.: НЛЮ, 2008. – С. 286-287.

происхождение. Можно сказать, что большевики возвели репрезентации культурных различий в ранг государственной идеологии¹.

Нации определили границы – культурные и географические. В середине 1920-х гг. большевики преобразовали империю в государство наций, в котором каждая нация получила собственную территорию и столицу. Между РСФСР, Белоруссией и Украиной, а также другими республиками состоялся передел территорий с учетом этнической структуры населения².

Процесс, который пропагандировался как обретение народами бывшей Российской империи своей государственности (достижение полного самоопределения) имел как положительные, так и отрицательные последствия. Пробуждалось этническое самосознание, гигантский импульс развития получила народная культура, усилился профессиональный и образовательный рост населения этнической периферии. В то же время росли амбиции этноэлит и требования все больших привилегий.

«Коренизация». Противоречивость теоретических постулатов влекла за собой крайнюю непоследовательность «национальной политики». Приоритетом этой политики, определенным в резолюциях 1923 г.³, стало поощрение местных языков и местных элит. На начальном этапе политику определяли как *национализацию*, а в республиках просто говорили об *украинизации*, *узбекизации*. Вскоре эту политику стали называть *коренизацией*, то есть поощрением *коренных* народов в противовес *пришлым*. (Следует оговориться, что И.В. Сталин термином *коренизация* не пользовался, неизменно предпочитая термин *национализация*)⁴ Автономизация, национально-государственное межеевание порождали необходимость возникновения многочисленного бюрократического слоя, нерусского по составу, что положило начало политике

¹ Leder, M. My Life in Stalinist Russia. An American Woman Looks Back / V. Leder. – Bloomington, 2001. – P.61.

² Баберовски, Й. Сталинизм и нация: Советский Союз как многонациональное государство, 1917-1953 / Й. Баберовски // Ab imperio. – 2006. – №1. – С.19.

³ Резолюции XII съезда РКПб по национальному вопросу // ВКПб в резолюциях и решениях. Т.1. – М., 1941. – С. 491-492.

⁴ См. замечания Сталина на XVI съезде партии в 1930 г. XVI съезд всесоюзной коммунистической партии (б.). Стенографический отчет. – М., 1930. – С.54.

коренизации. Суть этой политики состояла в том, чтобы дать ускоренное образование и привлечь к управлению так называемые нацкадры, сформировать интеллигенцию. В азиатской части СССР, где подготовленных к занятию руководящих должностей местных элит не было, акцент вплоть до конца 20-х гг. делался не на коренизации, то есть переводе администрации на местный язык и выдвижении местной элиты, а на ликвидации культурной отсталости, в том числе и на ускоренной подготовке местных кадров. В целом психологическим эффектом такой политики должно было стать восприятие на местах советской власти как родной, близкой, а не внешней, имперской, насаждаемой русскими. Национальные идентичности активно внедрялись и утверждались в различных формах и с помощью разнообразных институтов: фольклора, костюма, музея, театра и оперы, литературы, исторического нарратива. Ключевой задачей была деполитизация национальных идентичностей нерусских народов через подчеркнутое уважение к ним¹. Коренизации широко противостояли местные русские (и некоторые нерусские) коммунисты, эта политика была успешной в утверждении местного национального руководства и в усилении национальной идентичности, которая стала увязываться с территорией, что сформировало основу для будущих постсоветских независимых государств.

Многие элементы советской национальной политики, основанной на этих принципах, проводились в жизнь с самого начала 20-х гг. Но официально эта политика была окончательно сформулирована XII съездом партии в апреле 1923 г. и на специальном совещании ЦК в июне 1923 г.². Оживленные дискуссии по этому вопросу, характерные для предыдущего периода, с тех пор прекратились к декабрю 1932 г., когда ряд ключевых положений этой политики был пересмотрен.

¹ Миллер, А. Империя Романовых и национализм: Эссе по методологии исторического исследования / А. Миллер – М.: Новое литературное обозрение, 2006. – С.210-211.

² 12-й съезд РКП(б) (17-22 апреля 1923 года): Стенографический отчет. – М.: Госполитиздат, 1968. – С. 64-67.

Строительство автономий на территории РСФСР в 1919 - 1921 было поручено специальному правительственному органу – Наркомнацу, возглавляемому Сталиным, который с предреволюционных лет мало изменил свою позицию по национальному вопросу. Новые границы и статус автономий нередко определялись поспешно, путем чисто административных решений. Уже к июню 1923 г. были созданы 2 федеративные республики, 5 союзных, 12 автономных, а также 11 автономных областей. Создавая территориальные единицы по национальному признаку, советская политика отрицала австромарксистский принцип индивидуальной культурной автономии, но также препятствовала ассимиляции дисперсно расселенных этнических групп. Вместо этого национально-территориальная система уже в середине 20-х гг. была распространена «вниз» вплоть до национальных округов, сельских советов и колхозов, в результате чего «возникла грандиозная пирамида национальных советов на тысячах национальных территорий». Только в РСФСР и УССР существовало 270 национальных районов и около 300 национальных сельсоветов¹. Тем не менее, состав населения всех республик, автономий, районов не был моноэтническим, более того, «титульная национальность» нередко составляла меньшинство среди населения. Со временем они были упразднены в силу своей избыточности для обычного гражданского управления и осуществления политико-идеологического контроля, а также невозможности сохранять желаемый этнодемографический профиль местных сообществ.

Советский Союз стал первым в Европе многоэтническим государством, которое в ответ на подъем национализма осуществило масштабную программу утверждения национального сознания среди этнических меньшинств и установило для них многие институциональные формы, характерные для современных наций-государств. В 1920-е гг. большевистское правительство создало десятки тысяч этнотерриториальных образований, осуществило обучение новых этнонациональных элит, разработало письменность и ввело

¹ 12-й съезд РКП(б). – С.693-694.

обучение на десятках малых языков, поддерживало развитие национальных культур.

Примордиальное отношение к нации. Большевики считали, что человек – заложник коллектива, а нации – это сообщества, реальность которых не зависела от того, признавал индивидуум свою принадлежность к ним или нет¹. Безусловно, данные представления о нации повлияли на всю дальнейшую историческую ситуацию в целом. Согласно им, нация формируется исторически и является формой существования современных европейских обществ. У большевиков не было ни малейших сомнений на этот счет, поэтому все советское население должно было разделить общую судьбу, то есть стать членами наций. Однако сталинская нация являла собой нечто большее, чем просто исторический эпизод и временную уступку автономистским устремлениям этнических меньшинств. Она была коллективом, к которому человек принадлежал независимо от своего желания².

И.В. Сталин выпустил получившую в партии большой резонанс серию статей «Национальный вопрос и социал-демократия», изданных в 1914 г. отдельной брошюрой «Национальный вопрос и марксизм», опубликованных позднее в его сочинениях под названием «Марксизм и национальный вопрос». В этой работе И.В. Сталин сформулировал следующее, на долгие годы ставшее в СССР каноническим определение нации: «Нация есть исторически сложившаяся устойчивая общность людей, возникшая на базе общности языка, территории, экономической жизни и психического склада, проявляющегося в общности культуры». При этом И.В. Сталин подчеркивал: «...достаточно отсутствия хотя бы одного из этих признаков, чтобы нация перестала быть нацией, ...только наличие всех признаков, взятых вместе, дает нам нацию»³.

Сопутствующим обстоятельством этому развитию в официальном марксизме было появление официальной теории этногенеза, которая стала

¹Баберовски, Й. Сталинизм и нация. – С.19.

²См. речь Сталина на 10 съезде партии в марте 1921 года: Десятый съезд РКП(б). Март 1921 года. Стенографический отчет. – М., 1963. – С. 213.

³Сталин, И.В. Марксизм и национальный вопрос. – С.6.

основой для большинства исследований в общественных науках и истории. Считалось, что социалистические нации имеют этнические корни, которые надо проследить с ранних времен¹. Последствием стало ужесточение этнических границ и повышение значимости этнической идентичности для советских граждан в их повседневной жизни, в то время как реальное содержание этнических различий уменьшалось.

«Советизация». И.В. Сталин с первых лет своей единоличной власти понемногу начал менять национальную политику. Частично был наложен запрет на политику коренизации с 1932 г., русские начали доминировать в нерусских регионах. К концу десятилетия все национальные лидеры 1920-х гг. были в большинстве случаев заменены на русских. А с 1938 г. в советском государстве изучение русского языка как второго обязательного становится правилом во всех нерусских школах.

Эти изменения часто интерпретировались как свидетельство политики абсолютной русификации². Но национальные культуры продолжали развиваться, конституционный статус республик остался неприкосновенным, и местные национальные процессы и национальные языки продолжили играть главную роль в жизни республик. Т.Мартин, представитель американской советологии, обозначил уклон к примордиальному видению наций в 1930-е гг., которое подчеркивало, что нации являются постоянными и таким образом не могут слиться или быть поглощенными русской нацией³. Акцент в пропаганде ставился на братство народов, в котором русские играют лидирующую роль. Русский язык и русская культура были наиболее очевидными параметрами советского единообразия, потому что русских было больше и потому что «русскость воспринималась как наиболее прозрачная, без особого значения, и

¹ Резолюция Всероссийского Археолого-этнографического совещания // Советская этнография. – 1932. – №3. – С.13.

² Pipes, R. The Formation of the Soviet Union: Communism and Nationalism, 1917-1923 / R. Pipes. – Cambridge, 1997.

³ Martin, T. The Affirmative Action Empire: Nations and Nationalism in the Soviet Union, 1923-1939 / T. Martin. – Ithaca: Cornell University Press, 2001. – P.156.

тем самым равная модернизации...»¹. В языковой политике реформаторы подчеркивали введение русских неологизмов, а не местных, русский алфавит также стал основой для большинства нерусских языков.

Поворот в национальной политике в 1930-е гг. нужно рассматривать в более широком контексте. Это был период огромных изменений для всех народов СССР. Коллективизация сельского хозяйства означала разрушение традиционной крестьянской культуры с ее основными параметрами, ментальностью, темпоритмом развития. Очень остро это сказалось на судьбе таких народов, как казахи, киргизы, туркмены и др. Будучи кочевыми до этого, они вынуждены были осесть. Большое число людей переселялось из деревни в город и из одного региона в другой в целях индустриализации. Последствия этого процесса были в том, что территории, на которых преобладала одна национальность среди всего населения, потеряли своих членов или, наоборот, были подвержены притоку нового населения из других национальностей, прежде всего русских и других славян.

В начале войны угроза распада страны по национальным линиям при завоевании привела к пропаганде в основном сходств, а не различий между нациями. Необходимо также отметить, что в официальной риторике советских властей в этот период национальные проблемы считались несуществующими, национальные идеологии и движения, пытавшиеся эти проблемы обозначить, решительно подавлялись. В этих условиях насильно создававшегося политического вакуума национальный фактор на уровне межличностных отношений играл второстепенную роль.

Новая идентификация наций как примордиальных сущностей приводила к следующим выводам: все члены данной нации разделяют коллективные черты и характеристики, которые могут быть как положительными, так и отрицательными². В напряженной международной обстановке в конце 1930-х гг. эти черты могли заключать в себе тенденцию к ненадежности и

¹ Slezkine, Y. Imperialism as the Highest Stage of Socialism / Y. Slezkine // Russian Review. – 2000. Vol. 59. – P. 231.

² Smith, J. Soviet nationality policies from Lenin to Gorbachev. – P. 519.

предательству в случае войны. Уже во время сталинского Большого террора были проведены соответствующие действия против поляков, немцев, финнов и некоторых других народов в 1937 г. Когда напряжение с Японией возросло, каждого этнического корейца депортировали с огромной территории дальнего Востока. Между 1941 и 1944 годом немцы Поволжья, карачаевцы, калмыки, чеченцы, ингуши, балкарцы и турки-месхетинцы Закавказья были обвинены в предательстве и сосланы со своих земель¹.

С 30-х гг. в национальной политике появляется новая тенденция: создается советское национальное сообщество из стандартизированных, культурно однородных индивидов. СССР должен был стать образцом экономической и культурной территории с однообразным населением для более эффективного управления. Репрессии в отношении этнических меньшинств как врагов были в русле политики исключения тех, кто не может интегрироваться в единую советскую общность. В советской национальной политике было заложено фундаментальное противоречие: стремление к национализации этнических территорий и стремление к ассимиляции разных национальностей в рамках советского народа. Объединение и разобщенность были сознательными, хотя и противоречащими целями, устоявшимися в политике советского государства. По словам Р.Суни, «Государство, ставящее целью преодоления национализма и различий между нациями, на самом деле создавало институты и инициировало процессы, которые ускорили развитие сознательных, светских, политически мобилизованных наций»². С самого начала непоследовательное проведение политики, поощряющей национальное развитие, с одной стороны, и реализующее требование централизованного, идеологически и культурно однородного государства, с другой, вызывало напряжение, приводящее к нестабильности, которая предшествовала падению Советской системы.

¹ Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. – М., 2001. – Т.3. – С. 576-577, 612-615.

² Суни, Р.Г. Империя как она есть: имперский период в истории России, «национальная идентичность и теории империи. – С.43.

Исследования «национального» в СССР проходили в основном под влиянием идеологических постулатов, изложенных в работах В.И. Ленина, И.В. Сталина, документах КПСС. Обществоведческая наука в советское время была направлена на контрпропаганду и идеологическую борьбу с западным обществоведением. В 30-40-е гг. изучение национальных проблем ведется в основном в рамках гражданской истории. На страницах журнала «Вопросы истории» в 60-е гг. XX в. развернулась дискуссия по всему комплексу проблем, связанных с нацией и национальными отношениями¹. В ней приняли участие представители многих наук, в том числе историки, этнографы, философы, по ходу было отмечено, что определение нации, данное И.В. Сталиным, неполно, т.к. одним из важнейших признаков нации является наличие у нее определенной структуры и самосознания (в том числе и самоназвания).

Дискуссия способствовала преодолению ряда упрощений и открыла новые возможности для исследования проблемы наций и межнациональных отношений².

В частности, Т.Ю. Бурмистрова, М.С. Джунусов, П.М. Рогачев, М.А. Свердлин предложили свое определение нации: из определения Т.Ю. Бурмистровой, которая считает, что «нация – социально-этническая общность людей, характеризующаяся единством промышленной экономики, территории, литературного языка, национального характера и культуры.

¹ Вопросы истории. – 1966. – №4, 6, 12; 1967. – №1, 6, 7; 1970. – №8.

² Бромлей, Ю.В. Этнос и этнография / Ю.В. Бромлей. – М., 1973; Бурмистрова, Т.Ю. Теория социалистической нации / Т.Ю. Бурмистрова. – Л.: Из-во ЛГУ, 1970; Глезерман Г.Е. Классы и нации / Г.Е. Глазерман. – М.: Политиздат, 1971; Джунусов, М.С. Нация как социально-этническая общность / М.С. Джунусов // Вопросы истории. – 1966. – № 4. – С.16-30; Калтахчян, С.Т. Ленинизм о сущности нации и пути образования интернациональной общности людей / С.Т. Калтахчян. – М.: Изд-во МГУ, 1969; Калтахчян, Н.М. Ленинская теория нации и ее фальсификаторы / Н.М. Калтахчян, С.Т. Калтахчян. – М., 1973; Ким, М.П. Советский народ - Новая историческая общность людей / М.П. Ким. – М., 1972; Козлов, В.И. О классификации этнических общностей. – Исследования по общей этнографии / В.И. Козлов. – М.: Наука, 1979; Куличенко, М.И. Национальные отношения в СССР и тенденции их развития / М.И. Куличенко. – М.: Мысль, 1972; Морозов, М.А. Нация в социалистическом обществе / М.А. Морозов. – М., 1979; Рогачев, П.М. Нации, народ, человечество / П.М. Рогачев, М.А. Свердлин. – М., 1967; Токарев, С.А. Проблема этнических общностей (К методологическим проблемам этнографии) / С.А. Токарев // Вопросы философии. – 1964. – № 11. – С. 49-53; Чебоксаров, Н.Н. Проблемы типологии этнических общностей в трудах советских ученых / Н.Н. Чебоксаров // Советская этнография. – 1967. – № 4. – С.94-109; Цамерян, И.П. Нации и национальные отношения в развитом социалистическом обществе / И.П. Цамерян. – М., 1979.

Возникнув в условиях перехода общества к капитализму, нация проходит определенные ступени развития, аккумулируя в себе исторический опыт, эволюцию производительных сил, степень революционной сознательности и организованности масс. Как исторически сложившаяся общность людей, нация является преемницей племени и народности, однако все признаки нации качественно иные, чем у донациональных общностей»¹, видно, что советские исследователи рассматривали нацию в примордиальном видении национального.

М.И. Куличенко подчеркивал более органичную связь нации с донациональными общностями: «Нация представляет собой исторически сформировавшуюся устойчивую общность, основу существования и развития которой составляют присущие определенной формации социальные связи, прежде всего единство экономической жизни и различной степени зрелости политическое сплочение, сложившееся в неразрывном единстве с этническими связями, выступающими в виде общности национальной территории, литературного языка, национальных традиций и обычаев, национальной культуры вообще (классово противоречивой при капитализме), причем национальные связи людей существенным образом и в классовом преломлении отражаются также в общественном сознании (национальное сознание) и в общественной психологии (национальная психология)².

С.Т. Калтахчян считает, что прежде чем говорить о признаках нации, необходимо выяснить какие условия сделали возможным и неизбежным возникновение нации. Согласно его позиции, в образовании нации участвует ряд факторов. Одни из них, как, например, общности экономических связей, языка, территории, являются условием формирования нации, а затем и ее признаками, другие, как, в частности, государство, а также особенности культуры, психологии, хотя и не фигурируют в качестве признаков нации, тем

¹ Бурмистрова, Т.Ю. Теория социалистической нации. – С.3.

² Куличенко, М.И. Национальные отношения. – С.29.

не менее, играют большую роль, а государство, когда оно имеется, даже и решающую роль в жизни нации¹.

Заметим, что в 60-70-е годы в советском обществоведении особое место занимали исследования национальных и межнациональных процессов формирования и развития социалистических наций путем преобразования наций капиталистических, а также социалистического развития народностей многонационального СССР, ранее находившихся на стадии докапиталистического уровня общества. Главными направлениями в них стали: формы консолидации и одновременно сближения наций, социалистический интернационализм, формирование общих социальных, политических, идеологических и моральных черт нации и народов страны и многие другие. Как результат, было выдвинуто положение, что в лице советского народа, объединяющего все социалистические нации и народности Советского Союза в интернациональную общность, возникла новая, более высокая форма общественного развития. Впоследствии это положение стало входить во все основополагающие документы КПСС².

Определение, рассматривающее советский народ как новую историческую общность, одновременно и как социально-классовую, и как интернациональную, имело большое число последователей (Э.А. Баграмов, Т.Ю. Бурмистрова, Ю.Ю. Вейнгольд, М.С. Джунусов, С.Т. Калтахчян, М.П. Ким, П.М. Рогачев, М.А. Свердлин, А.И. Холмогоров, И.П. Цамерян и многие другие)³.

¹ Калтахчян, С.Т. Ленинизм о сущности нации и пути образования интернациональной общности людей / С.Т. Калтахчян. – М.: Изд-во МГУ, 1976. – С.152

² См.: К 100-летию со дня рождения В.И. Ленина. Сборник документов и материалов. – М.: Политиздат, 1970; Отчетный доклад ЦК КПСС XXIV съезду Коммунистической партии Советского Союза. – М.: Политиздат, 1971; Конституция (Основной Закон) Союза Советских Социалистических Республик. – М.: Политиздат, 1977.

³ Баграмов, Э.А. Ленинская национальная политика: достижения и перспективы / Э.А. Баграмов. – М.: Мысль, 1977; Бурмистрова, Т.Ю. Теория социалистической нации / Т.Ю. Бурмистрова. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1970; Вейнгольд, Ю.Ю. Некоторые аспекты изучения общности «Советский народ» / Ю.Ю. Вейнгольд // Образование СССР – торжество ленинской национальной политики. – Киев: Изд-во Киев. ун-та, 1972; Джунусов, М.С. Нация как социально-этническая общность / М.С. Джунусов // Вопросы истории. – 1966. – №4. – С.16-30; Калтахчян, С.Т. Указ. соч.; Ким, П.М. Советский народ – новая историческая общность людей / П.М. Ким. – М.: Политиздат, 1972; Рогачев, П.М. Указ. соч.; Холмогоров, А.И. Единый и многонациональный / А.И. Холмогоров. – Рига: Лиссма, 1970; Цамерян, И.П. Национальные отношения в СССР / И.П. Цамерян. – М.: Мысль, 1979.

Однако, в противовес выше названной точке зрения, существовало мнение, что новая историческая общность есть продолжение того ряда общностей, в который входят племя, народность, нация¹.

Последствия крайне идеологизированного подхода к изучению понятий «нация» и «национализм», политики спонсирования этнических идентичностей и последующей советизации, борьбы с местными национализмами, репрессий в отношении целых народов сохранялись не только в Советском Союзе, но и в современной России. Это, во-первых, различные формы национально-территориальных образований. Во-вторых, массовые представления о «национальной собственности» на территорию. В-третьих, образы прошлого и национальные исторические нарративы, которые оказались очень устойчивы, так как внедрялись в массовое сознание параллельно с ликвидацией безграмотности. Очевидно, принципиальное значение имеет и то, что на протяжении семидесяти с лишним лет правления коммунистов, а также после распада СССР изначально шло упорядочивание пространства в соответствии с представлениями о «весе» различных этнических групп. В Конституции было зафиксировано соподчинение национально-территориальных образований и стоящих за ними национальностей. Высшее место в этой структуре заняли 15 союзных республик и 14 «титულных наций» (кроме русских). Одни производились в разряд «наций» и символически наделялись «государством» («национально-территориальным образованием» того или иного уровня), другие объединялись в подобное образование с одной или несколькими группами, третьи не получали своей территории, поэтому в настоящее время в политическом и академическом дискурсе обсуждения национальных проблем часто происходит непонимание, кого относить к нациям, а кого нет.

¹ Ананченко, Н.П. От нации к интернациональной общности людей / Н.П. Ананченко // Вопросы истории. – 1967. – №3. – С. 87; Беркович, Н.А. Советский народ как принципиально новая социальная и интернациональная общность людей // Н.А. Беркович // Образование СССР – торжество ленинской национальной политики. – Пятигорск, 1972. – С. 276; Покшишевский, В.В. География населения / В.В. Покшишевский. – М., 1971. – С. 76.

По существу, только этим нациям было предоставлено формальное право на самоопределение вплоть до политического отделения и образования самостоятельного государства. Союзные республики получали большие (чем автономии) возможности для социально-экономического и культурного развития за счет более значительной доли отчислений в их бюджет, за счет наличия своего Верховного Совета и Совета Министров, своей Академии наук (в РСФСР таковой не было) и других учреждений с престижными и хорошо оплачиваемыми должностями. Эти возможности предназначались прежде всего «титульным» нациям. Автономным республикам и соответствующим им «титульным» нациям предоставлялись меньшие права, национальностям автономных областей и округов — еще меньшие. Таким образом, цели демократической национальной политики — достижение фактического равноправия всех народов (национальностей) и всех граждан страны, вне зависимости от их этнической (национальной) принадлежности — не были достигнуты. Однако при всей противоречивости идеологии, содержания и результатов советской политики в отношении российских национальностей (национальных меньшинств) она имела огромное позитивное значение, причем не только для России, но и для всего мира.

На протяжении длительного времени многие народы, проживающие на территории современной России, считались нациями, хотя в действительности под этим понималась этнокультурная общность. То же касается и национализма, который несет в себе негативные коннотации и получает в целом отрицательные оценки, так как интерпретируется в России преимущественно как этнический национализм.

Противоречием была пронизана вся советская литература о «нациях и национализме». На декларативном уровне — интернационализм и непримиримая оппозиция к «проявлениям национализма», на уровне базисных теоретических представлений — этнонационализм.

Большинство современных взглядов исследователей на советскую политику в области национального проходят в рамках примордиализма — представлении об изначальности этнических категорий, об этничности как извечном свойстве человеческой жизни. Примордиалистский взгляд на этничность, а также на такие производные этого взгляда, как «национальные» самосознание, движения, самоопределение, возрождение и т.п. гораздо лучше соответствовали эссенциалистской сути научного мировидения, которое доминировало в советском общественном сознании и продолжает доминировать до сих пор.

Длительно существовавшие культурно-хозяйственные, языковые, религиозные различия среди населения представляются как фундаментальные, наследуемые и определяющие самосознание индивида и коллективных общностей в рамках отличительных культурных комплексов¹.

Следует отметить, что отечественные научные изыскания и дебаты последних пятнадцати лет в интерпретации этнической тематики советского периода дали существенное приращение знания. Традиционные теоретико-методологические подходы не помешали пополнить эмпирическую составляющую и произвести переоценку уязвимых и идеологизированных советских и постсоветских концепций. Вышедший в 1996 г. коллективный труд по обзору новейших исторических исследований в России содержит статьи по «национальной» тематике, из которых можно почерпнуть необходимые сведения и оценки². После этого вышел еще ряд обзорных или критических работ, которые дополняют картину³, в том числе в серии «Национальные движения в СССР и постсоветском пространстве», выпущенной Центром по изучению межнациональных отношений (ЦИМО)⁴.

¹ Тишков, В.А. Этнический фактор и распад СССР: варианты объяснительных моделей / В.А. Тишков // Трагедия Великой державы: национальный вопрос и распад Советского Союза. — М.: «Социально-политическая мысль», 2005. — С.596.

² Исторические исследования в России. Тенденции последних лет. — М., 1996.

³ Национальная политика России: история и современность. — М., 1997; Зорин, В.Ю. Национальная политика в России. История, проблемы, перспективы / В.Ю. Зорин. — М., 2003.

⁴ Что делать? В поисках идей совершенствования межнациональных отношений в СССР. — М., 1989. — 295с.; Национально-культурные автономии и объединения. Историография. Политика. Практика. Антология в 3 т. —

Однако еще до распада СССР в зарубежной историографии по проблемам советских национальностей и советской «национальной политике» обозначилось направление, которое стало подвергать сомнению взгляд на СССР как на государство, где русификаторская политика подавления национальных меньшинств была своего рода продолжением политики царской России, которую часто определяли как «тюрьму народов». Под воздействием методологии социального конструктивизма стало возникать направление, которое стало рассматривать СССР как своего рода «колыбель наций», имея в виду, что формирование новых национальных идентичностей и социальная консолидация советских наций, особенно в союзных республиках, произошла именно под воздействием советской политики, несмотря на жестокости и репрессии в отношении нерусских народов страны. Следуя концептуально-теоретическим разработкам таких авторов, как Б.Андерсон, Э.Геллнер, Э.Хобсбаум, М.Хрох, ряд известных специалистов по СССР (Р.Брубейкер, Д.Лейтин, Ю.Слезкин, Р.Суни) пришли к выводам, что процесс нациестроительства был своего рода «ироничным итогом советской национальной политики и политики модернизации, похоронившим ленинскую идею слияния народов в рамках советской федерации»¹.

Решающим историографическим фактом в утверждении этого взгляда стала фундаментальная монография, уже упоминаемого нами, гарвардского профессора Т. Мартина «Империя положительного действия»², в которой он подробно, на основании разнообразных источников, прослеживает эволюцию политики советской власти с самого начала 20-х до начала 30-х гг., то есть в то десятилетие, которое включило в себя формирование СССР и период политики, получившей общее название коренизации.

М., 1995; Феномен Удмуртии / Рук-ль авторского коллектива С.К. Смирнова: Под. ред. М.Н. Губогло. – М.-Ижевск, 2002.

¹ Hroch, M. *Social Preconditions of National Revival in Europe* / M. Hroch. – Cambridge, 1985; Kaiser, R.J. *The Geography of Nationalism in Russia and the USSR* / R.J. Kaiser. – Princeton, 1994; Brubaker, R. *Nationalism Reframed: Nationhood and the National Question in the New Europe* / R. Brubaker. – Cambridge, 1996; Laitin, D.D. *Identity in Formation: The Russian-Speaking Populations in the Near Abroad* / D.D. Laitin. – Ithaca, 1998. и др.

² См. Мартин, Т. Империя позитивного действия: Советский Союз как высшая форма империализма? / Т. Мартин // *Ab Imperio*. – 2002. – № 2. – С. 55-87.

Т. Мартин справедливо полагает, что в СССР был осуществлен первый в истории эксперимент политики положительного действия, т.е. политики спонсирования этнических меньшинств, поощрения этнонационализма, за исключением национализма «господствующей нации», под которым имелся в виду «великорусский шовинизм». Такая политика получила довольно точное название политики национализации, т.е. формирования социалистических наций с наделением их своими «национальными территориями», столичными городами, экономической базой, письменными языками, профессиональной культурой и т.п. В целом СССР при внешних формулах «дружбы народов» и интернационализма был мощным национальным государством, где народ с его социальной и идеологической однородностью и советским патриотизмом представлял собой, несомненно, нацию, к сожалению, не признаваемую в данном словообозначении внутри страны и по своей сути в значительной части внешнего мира.

По мнению Мартина, это был масштабный и удивительный исторический эксперимент в управлении многоэтничным государством, который впоследствии был изуродован репрессиями и централизаторской политикой в сфере экономики и идеологии, но который действительно создал «империю наций» — своего рода фундамент для создания новых государственных образований вместо распавшегося СССР. «Советский Союз не был нацией-государством. Никогда даже не было сделано попыток создать советскую национальность или же превратить Советский Союз в русское нацию-государство. Советский народ был прежде всего словесным конструктом, используемым наиболее часто в качестве краткой формулы для страстного патриотизма и готовности всех национально отличительных советских народов защищать Советский Союз от иностранной агрессии. Роль, которую играет доминирующая национальность в традиционных нациях-государствах, в

Советском Союзе должна была выполняться дружбой народов. Эта дружба народов и была в Советском Союзе той самой воображаемой общностью»¹.

Т. Мартин предлагает объяснение причин пересмотра советской национальной политики во второй половине 1930-х гг. «Он пишет, что национальное строительство всегда относилось к «мягкой линии» советской политики, которая получала развитие тогда, когда не противоречила задачам партийной «твердой линии», а именно курсу на индустриализацию и коллективизацию. Следовательно, когда политика «большого скачка» потребовала централизации государства и большей опоры на русский Центр, национальная политика была окончательно квалифицирована как второстепенная»². Большевистское руководство пришло в итоге к пониманию того, что национальное строительство только усиливает национализм и вскоре свернуло политику коренизации.

Для национальной элиты, такой как советская номенклатура, одинаковость значила неизменность и надежность. Ключевой частью попытки создания советской национальной общности, таким образом, стало создание Советского народа, несмотря на Этническую идентичность³.

Пока большевики и их последователи управляли с помощью основных принципов в своем обращении к нерусским национальностям, не было единой последовательной национальной политики за весь советский период. Дело не в том, что принципы постоянно менялись, но то, что они были на разных уровнях по отношению к разным национальностям, создавая картину гораздо более сложную, чем возможно описать здесь, даже подробно. Размер национальности, ее пропорция ко всему населению каждой республики, историческая сила национальной идентичности, существование за пределами СССР

¹ Martin, T. The Affirmative Action Empire. – P. 461.

² Новикова, Л.Г. Советская национальная политика в оценках трех западных историков / Л.Г. Новикова // Отечественная история. – 2006. – №4. – С.143

³ Blitstein, A.P. Nation and Empire in Soviet History, 1917-1953. [Электронный ресурс] / А.Р. Blitstein // Ab Imperio. – 2006. – №1. – Режим доступа: <http://abimperio.net/cgi-in/aishow.pl?state=showa&idart=1546&idlang=1&Code=z690Jab0SxQluRtAHFAYPNedP> (дата обращения 30.04.2007)

представителей этой же национальности или религии, и их близость к Москве или к стратегическим границам были теми факторами, которые обуславливали разницу в отношении. Возможно самым важным из всех, особенно в поздний советский период, была близость республиканских лидеров к ключевым фигурам в Москве и их искусство в выторговывании себе благ характеризовало последние годы.

В конце концов, одной из причин упадка Советского Союза стала попытка применения основной национальной политики к трем балтийским республикам, которые имели отличный исторический опыт от других национальностей. С самого начала была непоследовательность проведения политики, поощряющей национальное развитие с одной стороны, и с другой стороны требования централизованного, идеологически и культурно однородного государства, что вызывало напряжение, приводящее к нестабильности, которая предшествовала падению Советской системы.

На долгие годы сохранилось влияние советской научной мысли и политики на понимание даже в настоящее время феноменов «нация» и «национализм», но постепенно, начиная с «перестройки», происходит небольшой отход от примордиалистского подхода в сторону «неопримордиализма», конструктивизма, инструментализма, что мы рассмотрим в следующей главе.

Гл. III Современная российская исследовательская парадигма «национального»

3.1. Изучение западных концепций национализма российскими исследователями

Распад СССР создал для людей, проживающих на территории бывшего государства, совершенно новую геополитическую и этнополитическую ситуацию, которая требовала радикальной трансформации национального сознания советского типа и перехода к новым формам национальной идентичности. Перед новой российской политической элитой встал вопрос о формировании новой массовой политической идентичности. России досталось от СССР федеративное устройство, при котором сочетаются территориальный и этнический принципы. «К концу 1980-х гг. в СССР насчитывалось 53 «национальных территории», а после его распада в Российской Федерации оказалось более 30 таких территорий»¹.

Настроения на волне растущих националистических движений уже в самой России поставили и перед политиками, и перед исследователями задачу раскрыть самые глубокие корни и основы национализма, показать факторы и условия, которые их рождают и поддерживают. Научные поиски начались уже в начале 90-х гг., а спустя три-четыре года в России были опубликованы несколько крупных коллективных работ с анализом национализма и его своеобразия в России. Российские авторы (Л.М. Дробижева², В.В. Коротева¹,

¹Малахов, В.С. «Национальная политика» как феномен политической речи / В.С. Малахов // Понаехали тут...Очерки о национализме, расизме и культурном плюрализме. – М.: Новое литературное обозрение, 2007. – С.49.

²Дробижева, Л.М. Интеллигенция и национализм: опыт постсоветского пространства / Л.М. Дробижева // Этничность и власть в полиэтничных государствах. – М.; Наука, 1994; Ее же. Социальные проблемы межнациональных отношений / Л.М. Дробижева. – М.: 2003; Дробижева, Л.М. Демократизация и образы национализма в Российской Федерации 90-х годов / Л.М. Дробижева, А.Р. Аклаев, В.В. Коротева, Г.У. Солдатова. – М.: Мысль, 1996.

А.И. Миллер², Г.В. Старовойтова³, З.В. Сикевич⁴ и др.) прежде всего, обратились к опыту исследования национализма своих западных коллег, акцентируя особое внимание на тех положениях и проблемах теории, которые приобрели особую актуальность в России. Этими учеными были сделаны серьезные попытки переосмысления проблем национализма на основе изучения практики национальных движений, националистических выступлений в самой России.

Л.М. Дробижева. Источники и типы национализма. Л.М. Дробижева — участник первого в СССР проекта, посвященного проблемам межнациональных отношений, под руководством Ю.В. Арутюняна - «Оптимизация развития наций в СССР», в последующие годы (с начала 1990-х гг.) сама возглавила три значительных по своим масштабам проекта: «Национальное самосознание, национализм и регулирование конфликтов» (1993-1996 гг.); «Этнические и административные границы: факторы стабильности и конфликтности» (1997-1998 гг.); «Социальное неравенство этнических групп и проблемы интеграции в Российской Федерации» (1999-2001 гг.)⁵. Эти проекты осуществлялись в различных областях, в том числе Башкортостане, Татарстане, Саха (Якутия), Магаданской и Оренбургской областях. По итогам многолетней работы были опубликованы сборники, коллективные монографии, статьи, где Л.М. Дробижева выступала как автор, редактор и составитель⁶.

С точки зрения Л.М. Дробижевой, само понятие национализма с начала «перестройки» дважды изменило свое значение. Первоначально, на волне

¹ Коротеева, В.В. Экономические интересы и национализм / В.В. Коротеева. – М., 2000; Ее же. Теории национализма в зарубежных социальных науках / В.В. Коротеева. – М.: РГГУ, 1999; Ее же. Существуют ли общепринятые истины о национализме? / В.В. Коротеева // Pro et Contra. – 1997. – Т. 2. – № 3. – С. 185-203.

² Миллер, А.И. О дискурсивной природе национализма / А.И. Миллер // Pro et Contra. – 1997. – Т. 2. – № 4; Его же. Украина как национализирующееся государство / А.И. Миллер // Pro et Contra. – 1997. – Т.2. – №2. – С. 85-98.

³ Старовойтова, Г.В. Национальное самоопределение: подходы и изучение случаев / Г.В. Старовойтова. – СПб., 1999.

⁴ Сикевич, З.В. Национальное самосознание русских / З.В. Сикевич. – М., 1996; Ее же. «Образ» прошлого и настоящего в символическом сознании россиян / З.В. Сикевич // Социологические исследования. – 1999. - №1. – С. 87-93.

⁵ Дробижева, Л.М. Социальные проблемы межнациональных отношений в постсоветской России / Л.М. Дробижева. – М.: Центр общечеловеческих ценностей, 2003. – С.3.

⁶ Ценности и символы этнического самосознания. – М., 1994; Конфликтная этничность и этнические конфликты. – М., 1995; Социальная и культурная дистанции. Опыт многонациональной России. – М., 1998. и др.

пересмотра всего прошлого и на волне национальных движений, которые рассматривались как проявление свободы, российские ученые и политики «почти» отказались от оценочно-обвинительного значения этого понятия, представлений о национализме как системе политических идей об исключительности, установок на превосходство своей этнической общности над другими, о нежелании смешиваться с другими народами, то есть, нетерпимости, а также действиях, направленных на дискриминацию¹.

В 90-х гг. XX в. после выхода книг Э. Геллнера и Б. Андерсона в России изменился вектор рассмотрения проблем национального. В этом духе Л.М. Дробижева пишет: под национализмом понимается доктрина, согласно которой люди для достижения свободы и самореализации самоидентифицируются с этнической общностью, а раскрытие потенциала народа возможно лишь в собственном национальном государстве. Приверженность интересам такого государства признается доминирующей лояльностью. Верность идеям национального, этнического возрождения становится мобилизирующей силой общественных движений, направленных на достижение собственной государственности².

Практика развития национальных отношений в России дала новый материал для более глубокого понимания сущности и источников национализма. Уже в 1998 г. Л.М. Дробижева отмечает, что сутью национализма является то, что это политическое движение, которое стремится к удержанию или завоеванию политической власти, и одновременно это политика, которая оправдывает подобные действия, провозглашая доктрину приоритета ценностей и интересов нации»³. При этом она заключает, что несоответствие реальной практике национализма декларациям не избавляет ученых от необходимости объективного анализа его сути. А для этого важно анализировать источники и основы национализма. Ставя вопрос так, Л.М.

¹ Национальное самосознание и национализм в Российской Федерации начала 1990-х годов. – М., 1994. – С.16.

² Дробижева, Л. Демократизация и образы национализма в Российской Федерации 90-х годов. – С.9.

³ Арутюнян, Ю.В. Этносоциология / Ю.В. Арутюнян, Л.М. Дробижева, А.А. Сусоколов. – М.: Аспект Пресс, 1999. – С.41.

Дробижева подчеркивает, что суть национализма не только в идеях и соответствующей им политике, но также и в системе ориентации индивида, вследствие чего питающими национализм источниками могут быть как реальные события, так и переживания людей и трактовка этих событий.

Л.М. Дробижева выделяет источники национализма в условиях многонациональных государств имперского типа, среди которых - стремление народов получить максимальную независимость и их *протест* против национального неравноправия. Однако, такие движения к самостоятельности могут возникнуть и во вполне демократических странах — шотландцы и уэльсцы в Англии, корсиканцы во Франции, квебекцы в Канаде и т.д., и такие устремления могут также быть источниками национализма. Как отмечает Л.М. Дробижева, согласно социологическому закону «возвышающихся социальных ожиданий», потребности народов возрастают вместе с возрастанием активности в модернизации, урбанизации, интеллектуализации. Неудовлетворенность в их реализации также становится источником национализма. Нередко в качестве такого источника выступает и реакция на возможность утраты уже достигнутого уровня автономии внутри многонационального государства¹. Экономические интересы (алмазы Якутии), территориальные споры (осетины и ингуши) способны вызвать мощную волну национализма.

Л.М. Дробижева выделяет источники национализма в условиях многонациональных государств имперского типа, среди которых - *протест* против национального неравноправия и стремление народов получить как можно больше независимости. Однако такие движения к самостоятельности могут возникнуть и во вполне демократических странах — шотландцы и уэльсцы в Англии, корсиканцы во Франции, квебекцы в Канаде и т.д., и такие устремления могут также быть источниками национализма. В социологии, отмечает Л.М. Дробижева, известен закон «возвышающихся социальных ожиданий». Чем активнее включаются народы в процессы урбанизации,

¹ Там же. – С. 43.

интеллектуализации, модернизации в целом, тем шире становится диапазон их потребностей. Неудовлетворенность в их реализации также становится источником национализма. Нередко в качестве такого источника выступает и реакция на возможность утраты уже достигнутого уровня автономии внутри многонационального государства¹. Экономические интересы (алмазы Якутии), территориальные споры (осетины и ингуши) способны вызвать мощную волну национализма.

Источником национализма может служить и *социальная почва* — конкуренция за рабочие места, особенно в престижных сферах деятельности. Особо высокий экономический статус некоторых диаспорных групп, даже по сравнению с доминирующим в обществе народом, тоже может стать источником националистических ориентации. Так, высокое представительство и русских, и евреев в бизнес-элите Эстонии и Латвии поддерживает национализоляционистские ориентации по отношению к русским и России; такие же настроения известны по отношению к китайцам в странах Юго-Восточной Азии, к японцам в некоторых странах мира.

Важными источниками национализма могут послужить, по мнению исследователя, *конкретные ситуации*, в которые попадают социальные группы. Известно, что в случаях осложнения экономического положения или усиления социальной напряженности в стране всегда ищут виновных — ситуация поиска «козла отпущения», как говорится в социологии, отмечает исследователь. Таким «козлом отпущения» обычно оказываются те группы, которые в силу конкретных обстоятельств меньше страдают от трудностей и в глазах обывателя становятся виновником этих трудностей. На постсоветском пространстве именно из этого источника питался погром турок-месхетинцев, антисемитские настроения, погромы, притеснения, даже в Москве, «лиц кавказкой национальности»². Л.М. Дробижева указывает и на другие

¹ Арутюнян, Ю.В. Этносоциология. – С. 43.

² Там же. – С. 54.

социально-психологические источники национализма — общие для многих стран и сугубо российские, или постсоветские.

Дробижева была одним из первых российских исследователей, предложивших в ходе анализа национальных процессов на постсоветском пространстве свою типологию национализма, в рамках которой выделили пять типов национализма:

1. *Классический национализм*, который выражает стремление к полной и абсолютной независимости (пример: вариант Чеченской Республики — Ичкерии). По мнению исследователя, в СССР этот тип национализма был реализован в республиках Грузии, Прибалтики, на Украине, в Армении, в Молдове. К этой же группе исследователь относит Казахстан, Азербайджан и республики Средней Азии, с оговоркой, что они не боролись за полную самостоятельность, а получили ее самопроизвольно, после распада СССР, но, находясь в составе СССР, стремились к конфедеративному устройству, поэтому их национализм можно отнести ко второму типу.

2. *Паритетный национализм* с выраженным стремлением к максимально полному суверенитету, который, однако, в силу различных условий (внешних и внутренних) ограничен вследствие необходимости передачи части полномочий федеральному Центру (Л.М.Дробижева выделила в качестве примера на тот период времени Татарстан, Башкортостан, Туву).

3. *Национализм экономический*, в случае которого доминирующей в действиях и декларациях является желание экономической самостоятельности, и эту самостоятельность элита рассматривает как путь к максимально возможному полному суверенитету (на отдельных этапах — в Татарстане, а также в Саха (Якутии)).

4. *Национализм защитный*, доминирующими являются идеи защиты языка, культуры, демографического воспроизводства, территории и т.п. (например, это ингушский и осетинский национализм, а также этнокультурный национализм в Карелии и Коми).

По мнению исследователя, существуют основания для выделения 5-го типа национализма — *модернизационного*. При данном типе национализма доминируют «идеи инновационного прорыва». В качестве примера можно привести российских реформаторов, которые считали, что в случае реформирования России «сами все к ним потянутся». Иногда этот тип национализма прослеживается в Татарстане¹.

По мнению автора диссертации, данная типология не лишена недостатков. Основной из них в том, что в данной типологии проявляется смешение двух критериев, а именно: критерия *определения типа, по субъекту национализма* (например, классический этнопriorитетный) и критерия стратегического проявления национализма (все остальные указанные типы).

Решение данного противоречия нам видится в построении концептуальной модели, которая, с одной стороны, разводила бы эти два критерия, но с другой стороны, фиксировала взаимосвязь и сопряженность стратегических проявлений разных типов национализма по отношению к государству и по отношению друг к другу.

За основу можно взять классификацию, данную Дж.Бройи², который выделяет реформаторский (официальный), имеющий целью придать более национальный характер уже существующему государству. Так в нашей стране в период распада Советского Союза этот вид национализма был достаточно слаб, поэтому этнонационализмы в регионах были достаточно сильны, но в последнее десятилетие и особенно с приходом к власти В.В. Путина официальный национализм показал достаточно четкий мобилизационный потенциал, который наглядно себя проявляет в более независимой и агрессивной внешней политике, жестком давлении на проявления сепаратного национализма (силовые меры в Чечне, реформа Совета Федерации, учреждение семи Федеральных округов, отмена избираемости глав субъектов Российской Федерации и другие сдвиги в сторону унитаризма), поддержке на государственном уровне Русской Православной Церкви,

¹ Дробижева, Л.М. Демократизация и образы национализма. – С. 58.

² Бройи, Дж. Национализм и государство / Дж. Бройи. – М., 1992.

национального спорта, определенных патриотических политических движений (например, «Родина») и других мобилизационных форм национальной идентичности.

Следующий тип национализма – сепаратный, направленный на отделение от государства. В нашей стране он проявился в полной мере в 90-е годы XX века, когда такие настроения проявились сразу в нескольких республиках: Чечне, Башкортостане, Туве, Татарстане. Активизация сепаратного национализма неразрывно связана с тенденциями государственной децентрализации. В отечественной истории это выразилось распадом СССР и ослаблением федеральной власти в Российской Федерации. В настоящее же время с усилением федерального центра, можно говорить, что региональная элита уже не настаивает на государственном суверенитете своего региона, но борется за экономическую самостоятельность в рамках федерации и сохранение своей культурно - этнической автономии в образовательной и интеллектуальной среде. Следовательно сепаратный тип национализма может трансформироваться в экономический и культурный, в зависимости от того, какие проблемы стоят в центре борьбы. В свою очередь, внутри культурного национализма иногда можно выделить лингвистический и религиозный подтипы.

Также необходимо, по нашему мнению, выделить радикальный национализм, отличающийся экстремизмом, воинственностью, экспансионизмом, реакционностью. Это - ультраправое движение, основоположником которого был Шарль Моррас (он дал такому национализму название - интегральный). Моррас видел в этом национализме разновидность религии и призывал к мистическому культу земли и умерших, что будто бы накладывало особые обязательства на живых. Интегральный национализм стремился полностью подчинить волю индивида одной идее - идее нации, которую превращал в Абсолют и требовал либо насильственной ассимиляции, либо этнических чисток. Интегральные националисты исходили из идей

социального дарвинизма и опирались на понятие борьбы за существование, будто бы определявшей взаимоотношения между отдельными нациями¹. Именно этими идеями питались фашизм в Италии и национал-социализм в Германии. В настоящее время можно с уверенностью сказать, радикальный национализм, к сожалению, представлен в российском обществе, причем иногда при попустительстве властей, о чем подробнее будет изложено в третьем параграфе данной главы.

В.В. Коротева. Исследование западных концепций национализма. В продолжение российских исследовательских изысканий, необходимо отметить тех авторов, которые начали в 90-х гг., изучив западные концепции, работать на отечественном материале, дополнять концепции национализма новыми фактами и выводами.

В.В. Коротева принадлежит к числу тех российских авторов, которые в начале 90-х гг., отбросив советскую концепцию национализма, начали внимательно и заинтересованно изучать зарубежную научную литературу о национализме. Она, как и другие авторы, рассматривала западную литературу через призму задач российского общества и собственных представлений. По ее мнению, необходимо было достичь такого определения национализма, с которым согласились бы как его сторонники, так и противники. Если ряд партий называет себя националистическими (например, Баскская националистическая партия), значит у них есть позитивное представление о том, что такое национализм. Вместо априорной оценки национализма необходимо добиться содержательного анализа его сути. И В.В. Коротева предлагает принять точку зрения английского ученого Дж. Бройи, который свел свою доктрину национализма к трем пунктам: 1) существует такая общность, как нация, имеющие свои особые качества; 2) ценности и интересы этой нации

¹ Национализм в мировой истории / под ред. В.А. Тишкова, В.А. Шнирельмана; Ин-т этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН. – М.: Наука, 2007. – С.6.

обладают приоритетным значением; 3) нация должна быть как можно более независимой¹.

Именно с этих позиций в России в середине 90-х гг. были написаны несколько крупных коллективных работ по проблемам национализма в России. В целом утверждается, что национализм – это политическое движение, которое стремится к удержанию или завоеванию политической власти, и которое оправдывает свои действия по достижению данных целей с помощью данной доктрины². Приняв такой общий подход, теперь, по мнению В.В. Коротеевой, можно говорить о национализмах, об их конкретных проявлениях, связях с культурой, политикой, с чувствами и т.д.

В.В. Коротеева, как и другие авторы, ставит в качестве главного и основного вопроса: что из западного понимания национализма нужно России и что российская наука может и должна принять? Она выделяет те аспекты и проблемы национализма, которые особенно, как она считает, актуальны для России. Первая такая крупная проблема: «нации этнические и нации гражданские». С точки зрения В.В. Коротеевой, такое деление нации на «гражданскую» и «этническую» имеет смысл и потому, что оно как бы утверждает, с одной стороны, составную общность, образованную входящими в нее индивидами, с другой — как унитарную, как своего рода коллективный индивид. В первом случае предполагается моральное и политическое первенство индивида, суверенная общность в принципе равных членов. Свою свободу такая нация выводит из основных свобод составляющих ее индивидов, а ее достоинство отражает естественное достоинство человеческой личности. Достоинство и свобода воплощаются в политических институтах, и потому принципы, положенные в основу индивидуалистского национализма, есть не что иное, как принципы либеральной демократии. Если же на нацию смотрят, как на коллективный индивид, ей начинают приписывать моральное

¹ Бройи, Дж. Подходы к исследованию национализма. – С.203.

² Дробижева, Л.М. Демократизация и образы национализма. – С. 18.

превосходство над отдельными людьми, наделять ее собственной волей, интересами и целями, независимыми от человеческих желаний, надежд и приоритетными по отношению к ним¹.

В своем исследовании «Теории национализма в зарубежных социальных науках»². В.В. Коротева привела следующую дефиницию «Национализм – совокупность идеологий и политических движений, использующих в качестве символа понятие нация»³, что очень близко автору данного исследования, хотя с классификацией западных теорий национализма на экономические, политические и культурологическую Б. Андерсона не согласна, о чем шла речь в Главе I.

А.И. Миллер и «националистический» дискурс. А.И. Миллер заинтересовался проблемами нации и национализма в 90-е гг., как и предыдущие авторы, после изучения трудов зарубежных ученых. Позже сфера его интересов переместилась в основном на изучение национализма в Российской империи⁴, анализе российской политики по созданию нации⁵. Ученый пришел к выводу, что «феномен национализма по своей структуре и функциям заметно шире и многообразнее, чем политическое движение или идеология, и понятие «дискурс» лучше всего подходит для его описания»⁶. Дискурс, как определял его французский социолог Мишель Фуко, — это отложившийся и закрепленный в языке способ упорядочения действительности и видения мира и выражается в разнообразных (не только вербальных)

¹ Коротева, В.В. Существуют ли общепринятые истины о национализме. – С. 188.

² Коротева, В.В. Теории национализма в зарубежных социальных науках / В.В. Коротева. – М.: РГГУ, 1999. – 140с.

³ Там же. – С.138.

⁴ Миллер, А.И. Империя Романовых и национализм: Эссе по методологии исторического исследования / А.И. Миллер. – М.: НЛЮ, 2006; Его же. «Украинский вопрос» в политике властей и русском общественном мнении (вторая половина XIX века). / А.И. Миллер – СПб., 2000; Его же. Национализм и империя. / А.И. Миллер – М., 2005.

⁵ Миллер, А.И. Национализм как теоретическая проблема (Предварительные итоги) / А.И. Миллер // Национализм и формирование наций (теории - модели - концепции). – М., 1994. – С. 1-12; Его же. Национализм как теоретическая проблема: ориентация в новой исследовательской парадигме / А.И. Миллер // Политические исследования. – 1995. – №6. – С. 55-60; Его же. Национализм как теоретическая проблема исторической науки / А.И. Миллер // Историческая наука на пороге XXI века: итоги и перспективы. – Харьков, 1995. – С.48-52; Его же. О дискурсивной природе национализмов / А.И. Миллер // Pro et Contra. – 1997. – Т. 2. – №4. – С. 141-151; Его же. Письмо в редакцию / А.И. Миллер // Pro et Contra. – 1998. – Т. 3. – №3. – С. 136-138; Его же. Национализм и формирование нации. Теоретические исследования 80-90-х годов / А.И. Миллер // Политическая наука. Нация и национализм. – М., 1999. – С. 5-18.

⁶ Миллер, А.И. Нация как рамка политической жизни / А.И. Миллер // Наследие империй и будущее России / Под. ред. А.И. Миллера. – М., НЛЮ. – С. 494.

практиках, а следовательно, не только отражает мир, но стремится конструировать, «сотворять» его¹. Националистический дискурс означает как воображение нации с политических позиций с использованием феноменов «преданности» и «принадлежности» так и институциональное использование воображения. Подход с позиций националистического дискурса особо выделяет эмоциональный фактор в развитии национализма, стереотипизацию врага, миф угрозы извне в формировании национальной идентичности, а также стремление национализма подчинить себе все альтернативные формы социальных связей.

По мнению А. Миллера, наиболее полно описал формирование националистического дискурса Б. Андерсон, который интерпретировал формирование идеи нации и развитие национализма не как следствие или функцию социально-экономических изменений, а как развивавшийся в тесной взаимосвязи с ними, но и обладавший особой, независимой логикой процесс возникновения новых смыслов, идей, образов и систем ценностей². Как мы помним, по Б. Андерсону, нация приходит на смену сакральным образом существующей сущности — религиозной и династической. Чтобы вообразить нацию, должно принципиально измениться понимание таких универсальных категорий, как время, пространство. В этом свете, считает А.И. Миллер, по своей структуре и функциям феномен национализма шире и многообразнее политического движения или идеологии, как определяет его В.В. Коротева³.

Считая, что понятие «дискурс» лучше всего подходит для описания национализма, А. Миллер приводит в качестве хорошего примера статью американского исследователя Кэтрин Вердери 1993 г., посвященную символической природе нации (рассмотрение ее исследовательской позиции смотрите в Главе I диссертации)⁴. Особенность этого символа заключается в том, что он пробуждает целый спектр эмоций, накопившихся за долгое время

¹ Фуко, М. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разн. лет / М. Фуко / Пер. с фр. — М.: Касталь, 1996. — С.47-54.

² Миллер, А.И. О дискурсивной природе национализма. — С.143.

³ Там же. — С.146.

⁴ Вердери, К. Куда идут «нация» и «национализм»? — С.297.

его употребления, и, как всякий символ, неоднозначен. Считая, что понятие «дискурс» лучше всего подходит для описания национализма, А. Миллер приводит в качестве хорошего примера статью американского исследователя К. Вердери 1993 г., посвященную символической природе нации (рассмотрение ее исследовательской позиции смотрите в Главе I диссертации)¹. Особенность этого символа заключается в том, что он пробуждает целый спектр эмоций, накопившихся за долгое время его употребления, и, как всякий символ, неоднозначен. Вердери говорит о нации как о «базовом операторе в системе социальной классификации», «элементе политического и символично-идеологического порядка, а также социального взаимодействия и чувствования». На этой основе она определяет национализм как «политическое использование символа нации через дискурс и политическую активность, а также как эмоции, заставляющие людей реагировать на использование этого символа»². И хотя А. Миллер дальше рассуждает о национализме с позиций «инструментализма» и роли национальных элит, использующих в своих корпоративных целях символ нации, он высказывает интересную мысль: национализм не стоит в одном ряду с идеологиями типа либеральной или социалистической и не сводим к одному из существующих в обществе политических движений. В подавляющем большинстве случаев все политические акторы, хотя бы они того или нет, вынуждены *вступить в борьбу* за право утвердить в обществе собственное толкование нации и тем самым становятся участниками националистического дискурса. «Они борются за этот идеологический и мобилизационный ресурс, доказывают, что они лучше, чем их соперники, понимают «национальные интересы» и способны их реализовать, дабы достичь собственных политических целей, прежде всего участия во власти и принятия властных решений»³.

¹ Вердери, К. Куда идут «нация» и «национализм»? – С.297.

² Миллер, А.И. О дискурсивной природе национализма. – С.145.

³ Миллер, А.И. Нация как рамка политической жизни. – С. 495.

Эти соображения верны не только в отношении политиков, считает А. Миллер, но и ученых. Он приводит слова американского исследователя Т. Бреннана, утверждающего, что «все возрастающее число исследований о национализме отражает его неотъемлемое, почти атмосферное присутствие в нашем мышлении»¹. Приводя еще несколько примеров, А. Миллер заключает, что размышления над характером собственной включенности в националистический дискурс должны стать для исследователя национализма своего рода регулярной генетической практикой. При этом ученый должен иметь в виду, что в рамках широко понятого националистического дискурса взаимодействуют и соревнуются друг с другом самые разнообразные по степени агрессивности, ксенофобности или терпимости *интерпретации* нации, национализма и национальных интересов.

Вопрос состоит в том, какие из этих интерпретаций в тот или иной момент, в том или ином обществе, в тех или иных социальных слоях становятся доминирующими и почему².

Националистический дискурс у А.Миллера, по мнению автора данной работы, - это, по сути, всякий политический дискурс в той мере, в какой участники последнего употребляют термины «нация» и «национальный интерес». Тем самым объем понятия «национализм» становится безразмерным, а содержание - размытым. Националистами оказываются и либералы, и социал-демократы и кто угодно еще, т.е. все политики, в лексиконе которых присутствуют понятия «национальный интерес», «национальная безопасность» и т.д. Между тем политические деятели ненационалистического спектра вкладывают в термин «национальный интерес» совсем не то значение, что националисты.

Также А.И. Миллер признает необходимость ситуационного подхода к изучению национализмов. Ни один национализм, отмечает он, не развивается

¹ Там же. – С.146.

² Там же. – С.146.

вне противостояния другому, а иногда и другим национализмам, стремящимся утвердить свои иерархии идентичностей и ценностей.

М.О. Мнацаканян. Интегральная теория «нации». В рамках российского национализмоведения в качестве примера эволюционно-исторического течения примордиализма можно выделить «интегральную теорию» нации М.О. Мнацаканяна, что позволит нам сравнить современную картину исследований в России.

Суть теории М.О. Мнацаканяна в том, что нацию он видит как интегральную целостность, единство объективного и субъективного, материального, культурного, идеологического и психологического, экономического и политического. И, по его мнению, единство это образуется за счет символов-проводников, которые олицетворяют важнейшие вехи в судьбе народа, символизируют общенациональный триумф или трагедию. Так, исследователь приводит в пример, для армян такими символами являются слова «Армения» и «армяне», язык, национальный алфавит, Арарат, эпос «Давид Сасунский», национальный геноцид¹. Национальная связь, осуществляемая при помощи символов-проводников, и есть интегральность природы нации, а нация – это, по мнению М.О.Мнацаканяна, культурно-психологическая общность, возникшая в процессе становления современного капитализма на этнической территории – родине, символы языка, культуры, этнические святыни и историческая память для которых являются основами их национального самосознания и самоидентификации². Как мы видим, многое в интегральной теории нации взято из Э. Смита, который также много внимания уделял национальным мифам, спланивающим нацию, и также видел в основе нации историчность и этничность³, которая, по мнению исследователей, доминирует

¹Мнацаканян, М.О. Нации и национализм. Социология и психология национальной жизни / М.О. Мнацаканян. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2004. – С.72-73.

²Мнацаканян, М.О. Нации и национализм. – С.75.

³Мнацаканян, М.О.Национализм и глобализм. Национальная жизнь в современном мире / М.О. Мнацаканян. – М.: Анкил, 2008. – С.69.

во всех аспектах. Помимо этничности, национальной общности М.О. Мнацаканян приписывает атрибутивность – идентичность предписана аскриптивно, с рождением, устойчивость и энергичность. «Человек может открыто отказаться от национально-этнической идентичности, объявить себя равнодушным к вопросам национальным, но в структуре его личности, особенно в психологии и характере, в глубоких пластах сознания всегда есть устойчивые, неустранимые черты и свойства той общности, к которой принадлежали его родители, предки. Нет на земле ни одного человека, который не принадлежал бы к уже существующим национально-этническим общностям»¹. И естественно вывод из таких построений, что «национализм в главном и существенном – это идея, представления и чувства исключительности собственной национальной общности – национального эгоизма; превосходство ценностей, культуры и интересов своей нации; сила, генерирующая конфликты, войны между национальными группами, нациями и государствами»², основным свойством национализма является ксенофобия³, с чем автор диссертации категорически не согласна. Конечно, если предполагать, что этничность в человеке заложена с рождения, в глубоких пластах подсознания, то вся жизнь человека пронизана этническим эгоизмом.

Критически относясь к примордиалистам биологического направления вроде Л.Н. Гумилева, основным теоретическим противником М.О. Мнацаканян считает «представителей и поклонников инструментализма и релятивизма», и как раз за то, что они «распространяют небылицы о том, что якобы этническая элита и интеллектуалы задним числом – уже в XIX – XX веках создают мифы о предках, чуть ли не фабрикуют историю в корыстных целях»⁴.

Несмотря на то, что М.О. Мнацаканян говорит, что он разработал новую, принципиально иную теорию нации и национализма, многое взято из

¹ Мнацаканян, М.О. Нации и национализм. – С.79.

² Мнацаканян, М.О. Национализм и глобализм. – С.11.

³ Там же. – С.266.

⁴ Мнацаканян, М.О. Нации и национализм. – С. 339-340.

предыдущих исследований многих поколений национализмоведов. Тем более в нашей стране, примордиальная точка зрения на национальное является доминирующей. Так работы современных исследователей проблем национального М.Н. Руткевича¹, С.Е. Рыбакова², В.И. Козлова³ написаны с данных методологических позиций.

Одним из последовательных сторонников рассмотрения нации и этничности как изначальной данности является **Р.Г. Абдулатипов**. Р.Г. Абдулатипов - чрезвычайный и Полномочный Посол Российской Федерации в Республике Таджикистан, доктор философских наук, профессор, действительный и почетный член ряда Академий и университетов, в том числе зарубежных, руководитель кафедры национальных отношений и федерализма Российской Академии государственной службы при Президенте Российской Федерации, Председатель Совета Ассамблеи народов России и т.д.⁴.

В своей книге «Национальный вопрос и государственное устройство России»⁵ Р.Г. Абдулатипов говорит об эволюции общности по этническому признаку. «Нация–этнос – это исторически сформировавшийся коллектив людей со своей специфической средой обитания, территориального, культурно–языкового, хозяйственно–бытового устройства, психологического, нравственного характера, которые обуславливают соответствующий тип самосознания, идентичности, солидарности и мобилизованности»⁶. Этнос, народ, нация - понятия одинаковые для Р.Г. Абдулатипова – это «родовой,

¹Руткевич, М.Н. Теория нации: философские вопросы / М.Н. Руткевич // Вопросы философии. – 1999. – №5. – С. 19–33.

²Рыбаков, С.Е. Анатомия этнической деструктивности / С.Е. Рыбаков // Вестник МГУ. Сер. 18. – 2001. – №3. – С. 26–53; Его же. Национализм и нация / С.Е. Рыбаков // Этнографическое обозрение. – 1999. – №4. – С. 3–17.

³Козлов, В.И. Национализм и этнический нигилизм / В.И. Козлов // Свободная мысль. – 1996. – №6. – С. 98–108.

⁴Биография Р.Г. Абдулатипова. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://abdulatipov.ru/index.htm> (дата обращения 25.04.2008)

⁵Абдулатипов, Р.Г. Национальный вопрос и государственное устройство России / Р.Г. Абдулатипов. – М.: Слав. диалог. – 2000. – 655с.

⁶Абдулатипов, Р.Г. Нация и национализм: добро и зло в национальном вопросе / Р.Г. Абдулатипов. – М.: Слав. диалог, 1998. – С.164.

социальный, культурный зов корней»¹. По его мнению, каждый рассматривает феномен «нация» с позиции своей идеологии. Этническое и национальное в этом случае временно даже не расходятся. Но этнос–нация постоянно исторически стремится к своему политическому утверждению.

Абдулатипов, как и ученые-примордиалисты до него, считает, что для нации–этнуса наиболее важной детерминантой является «объективированное прошлое» как сконцентрированный культурно–социальный опыт, который и определяет подлинное бытие этнуса в мире. Нация–этнос – это специфическая жизнедеятельность данной социально–культурной общности, длительный исторический период. Это общность судьбы, культуры, языка, психологии и нравов.

Но «нация» не только и не столько политический проект, а в большей степени *проект историко–культурной самобытности*. И нация–этнос, способная обрести государственное оформление вместе с другими нациями–этносами в единое государство–нацию показывает даже более высокую степень своей способности к организации через интеграцию².

Как видим, Р.Г.Абдулатипов определяет «нацию» через понятие «этничность», беря в основу традиционное определение нации, поэтому национализм для него, также как и для М.О. Мнацаканяна, и других ученых, рассматривающих нацию равной этносу, «крайне опасное явление, поражающее этнический организм и своей, и других наций; как социальный феномен, идеологию и политику, использующие национальные идеи одной нации в целях ущемления прав и свобод других наций»³.

В тех или иных авторских вариантах этносоциальная трактовка наций и негативная оценка национализма, который, по сути, рассматривается как «преувеличенная, иррациональная оценка значимости своего народа,

¹ Там же. – С. 165.

² Абдулатипов, Р.Г. Национальный вопрос и государственное устройство России. – С. 458.

³ Абдулатипов, Р.Г. Национальная идея и национализм / Р.Г. Абдулатипов // Этнополитический вестник. – 1995. - №3. – С.5.

этнический эксклюзивизм и стремление к этническому доминированию»¹, является наиболее распространенной, хотя и уязвимой для критики. Ведь если четких критериев для различения «нации» и «этноса» (этнической общности, национальности) нет, то в любом полиэтничном государстве, каким был СССР и каковым остается современная Россия, любой этнос или народность может объявить себя «нацией» и реализовать свое право на государственное самоопределение вплоть до выхода из состава федерации.

В следующем параграфе мы рассмотрим противоположную концепцию, которая только начинает набирать своих сторонников в российских исследовательских кругах. Речь идет о социальном конструктивизме.

¹ Дробижева, Л.М. Социальные проблемы межнациональных отношений. – С.223.

3.2. Социальный конструктивизм в России

Конструктивизм появился впервые, как уже было показано, в западной культурной антропологии, и в значительной мере его можно объяснить как реакцию на итоги Второй мировой войны, прежде всего на идеологию крайнего биологического и культурного национализма, воплотившуюся в программе национал-социализма и в его чудовищной практике. По мнению исследователя данной проблематики А.Г. Здравомыслова, теоретические обоснования националистического экстремизма коренятся в наиболее последовательных примордиалистских концепциях и установках, используемых для оправдания идей национального превосходства, исключительности, мессианства, национальной самоизоляции¹.

На российском материале конструктивизм как метод исследования начал разрабатываться в 90-е гг. XX в., к настоящему времени в России у этого методологического течения последователей гораздо меньше, чем противников. Для исследователей-конструктивистов «нация» и «национализм» понимаются как исторические феномены, которые возникли при определенных социальных (экономических, политических и др.) обстоятельствах в результате практических и интеллектуальных усилий людей, осознавших потребность в новых формах общественного бытия. Еще одной особенностью социального конструктивизма как метода является проведение той мысли, что социальная реальность неотделима от ее понятийных определений, т.е. от тех категорий, которыми пользуются агенты социального действия.

Небольшое количество исследователей в настоящее время в России понимает нацию в политическом смысле, как совокупность граждан одного государства. Для многих русскоязычных авторов нация – явно или неявно –

¹ Здравомыслов, А.Г. Национальный вопрос и демократизация российского политического пространства / А.Г. Здравомыслов // Куда пришла Россия?..Итоги социальной трансформации. – М.: МВШСЭН, 2003. – С.206.

есть этническая общность. Московский культуролог В. Махнач так и говорит: «нация есть этнос и ничего, кроме этноса»¹. У других авторов это не столь очевидно, но редукция национального к этническому – характерная черта отечественного обществоведения². И вообще в российском общественно-политическом дискурсе, а также на уровне массового сознания «национальный вопрос» принято считать деликатной сферой, куда входят и проблемы этнических меньшинств и межэтнических отношений, на этом фоне представители конструктивизма в России находятся в явном меньшинстве, вызывая на себя критику большинства ученого и не только сообщества.

Директор Института этнологии и антропологии, академик В.А. Тишков и его единомышленники перевели обсуждение проблемы нации в политическую плоскость. Являясь представителем социально-конструктивистского подхода, можно сказать его представителем на поле теоретических разработок этнологии и культурной антропологии, В.А. Тишков сам себя называет сторонником «методологического индивидуализма и противником исключительного статуса теоретических метасхем»³. Прежде чем перейти к изложению взглядов ученого, немного о нем самом.

Валерий Александрович Тишков на протяжении 35 лет после окончания им в 1964 году исторического факультета МГУ имени М.В.Ломоносова занимается проблемами истории и этнологии. Сначала это были исследования по истории США и Канады и обе его диссертации (кандидатская в 1969 г. и докторская в 1978 г.) были посвящены истории национального вопроса, движения за реформы и самоуправление в колониальной Канаде, а затем истории, культуре и современному положению североамериканских индейцев. С конца 1980-х гг. интересы В.А.Тишкова сосредоточились на отечественной проблематике, особенно на проблемах этничности, национализма и

¹ Махнач, В.Л. Нация и национализм. [Электронный ресурс] / В.Л. Махнач – Режим доступа: <http://www.mahnach.by.ru/lections/ikvp/12.htm>(дата обращения 09.04.2006)

² Вдовин, А.И. Этнополитика и формирование новой государственности в России / А.И. Вдовин // Кентавр. – 1994. – №1. – С.3-11.

³ Тишков, В.А. Реквием по этносу / В.А. Тишков. – М.: Наука, 2003. – С. 10.

конфликтов, а также национальной политике в СССР и в постсоветских государствах. На эту тему написаны многие его работы¹.

Помимо исследовательской, В.А.Тишков занимался и продолжает заниматься преподавательской и научно-организационной работой, с 1989 г. работает директором Института этнологии и антропологии РАН. Кроме того, В.А. Тишков является президентом общественной Академии педагогических и социальных наук (г. Москва) и вице-президентом Международного союза антропологических и этнологических наук².

В 1992 г. с февраля по октябрь В.А. Тишков. входил в Правительство Российской Федерации в качестве Председателя Государственного комитета по национальной политике, но в письме Президенту от 30 сентября он попросил освободить его от занимаемой должности «в связи с рядом важных обстоятельств». В интервью «Независимой газете» Тишков говорит о том, что он в личном плане был не готов для того, чтобы активно войти в большую политику и решить две проблемы: утвердить себя как политика и министра и в то же время создать новое министерство с материальным и кадровым обеспечением. Он отмечает среди причин его ухода разлад между им как специалистом, который «в какой-то мере понимает национальные проблемы», и им – представителем исполнительной власти, а также то, что напротив графы «национальная политика» в российском бюджете стоит ноль³.

Работая в Правительстве Российской Федерации, В.А. Тишков написал проект концепции государственной национальной политики, против которого выступили его ближайшие партнеры по этой сфере государственного управления из числа советников президента и руководства Верховным Советом. Г.В. Старовойтова считала, что в концепции скрывается попытка «упразднить

¹ Монографии: Тишков, В.А. Реквием по этносу: Исследования по социально-культурной антропологии / В.А. Тишков. – М.: Наука, 2003; Его же. Этнология и политика. Научная публицистика / В.А. Тишков. – М.: Наука, 2001; Его же. Очерки теории и политики этничности в России / В.А. Тишков. – М., 1997 и т.д. Статьи: Тишков В.А. Забыть о нации / В.А. Тишков // Вопросы философии. – 1998. – №9. – С. 3-26; Его же. Нация — это метафора / В.А. Тишков // Дружба народов – 2000. – № 7 . и т.д.

² [Электронный ресурс]. / В.А. Тишков. – Режим доступа: <http://www.valerytishkov.ru/cntnt/publikacii3.html>(дата обращения 09.10.2009).

³ Тишков, В.А. Прощание с пятым пунктом / В.А. Тишков // Независимая газета. – 1997. – 22 октября.

республики». Р.Г. Абдулатипов обратился через «Независимую газету» с открытым письмом к Б.Н. Ельцину, обвинив «безнациональных ученых» и Госкомнац в попытке заменить нации на некое «согражданство». Позднее оба признали необходимость утверждения в стране понятия многоэтнической гражданской нации наряду с безраздельно господствовавшим понятием культурной нации или этнонации¹.

Суть метода социального конструктивизма, применяемого В.А. Тишковым, заключается в том, что общественная реальность мыслится как неотделимая от тех категорий, в которых ее осваивают агенты социального и политического действия. Социальная действительность творится, конструируется человеческими представлениями. От того, в каких терминах участники социального действия осмысливают общественную действительность, зависит сам характер этой действительности, считает В.А. Тишков. И, разумеется, то направление, в котором те или иные акторы будут ее преобразовывать.

В.А. Тишков проводит мысль Э. Геллнера о том, что национализм порождает нации², и то, что это вполне можно отнести и к России. Нация, считает, исследователь, это не только социальный организм с объективным набором признаков и даже не только восприятие. Это ситуативная рационализация, причем обращенная как в прошлое, так и в будущее³. А национализм ученый определяет через понятие «национальная идентичность», что, по его мнению, общеразделяемое представление граждан о своей стране, ее народе, чувство принадлежности к ним. Следовательно, национализм – процесс воспроизводства и сохранения национальной идентичности в мировоззренческой сфере, а в политике отстаивание интересов страны и народа.

¹ Тишков В.А. Этнология и политика / В.А. Тишков. – М.: Наука, 2001. – С.7.

² Геллнер, Э. Нации и национализм. – С. 11.

³ Тишков, В.А. Что есть Россия и российский народ / В.А. Тишков // Наследие империй и будущее России / Под ред. А.И. Миллера. – М.: Фонд «Либеральная миссия»; НЛО, 2008. – С.462.

К дороссийскому национализму ученый причисляет дебаты между представителями государственной и научной элиты России, а позднее среди националистически настроенной интеллигенции и политических активистов из нерусских народов на территории российской имперской периферии. Подобные идеи, по его мнению, появились еще в конце XVIII в., речь идет о дебатах в Российской академии наук о происхождении российского народа. И уже во времена М.В. Ломоносова, когда складываются версии о решающем немецком или скандинавском (норманнском) влиянии на данный процесс, говорит В.А. Тишков, начинают утверждаться понятия «*российский народ*» и «*россияне*»¹.

По мнению В.А. Тишкова, обычному человеку (да и многим профессионалам, усвоившим сталинское определение наций) трудно продвигаться от концепта этнонации к концепту гражданской нации. «Многим политикам, ученым и этническим лидерам кажется, что признание второго означает отрицание первого»². Поэтому в России и во всех постсоветских странах, говорит ученый, сохраняется понимание нации как этнической общности. Только в России принят концепт многонациональности: все этнические общности есть народы или нации, а вместе они составляют многонациональный народ, а этническая и языковая сложность постсоветских наций отвергается, а граждане не принадлежащие к титульной этничности переводятся в категорию национальных меньшинств без членства в нации, что радикально отличается от европейского концепта меньшинств, чему в пример ученый приводит финляндскую нацию, куда входят этнические шведы, саамы и местные русские³.

Практика жесткого деления населения на «народы» и «национальности», прочно укоренившаяся у нас с советских времен, навязчивый подсчет количества «наций» и «народов», живущих в определенном месте или работающих на одном заводе, проводимый не только через переписи населения,

¹ Тишков, В.А. Что есть Россия и российский народ / В.А. Тишков // Наследие империй и будущее России / Под ред. А.И. Миллера. – М.: Фонд «Либеральная миссия»; НЛО, 2008. – С.475.

² Там же. – С. 468.

³ Там же. – С. 469.

но и через кадровые и жековские анкеты — все это имеет больше отношения к функционированию политической системы, чем к реальным этническим идентификациям и самоидентификациям. Более того, так называемая «национальная структура» населения (этнический состав последнего, уточняет автор) представляет собой часто не что иное, как единственное средство для обоснования этнократического правления и политической мобилизации граждан¹.

Позиция В.А. Тишкова, рассматривающая нацию как согражданство подверглась резкой критике рядом известных российских ученых (Р.Г. Абдулатипов, М. Руткевич, Ж. Тощенко и др.), настаивавших на традиционном для советской науки «этнифицирующем» понимании нации. Нерусские элиты и политические активисты усмотрели во введении политического понятия нации угрозу растворения «этносов» в русском «суперэтнoсе»², а русские националисты указали на опасность размывания русской этнической идентичности в аморфной общности³. Р.Г. Абдулатипов во многих своих работах, посвященных нации, национализму, этническим отношениям, приводит фразу В.А. Тишкова «забыть о нациях» как подрывную, которая лишь «будоражит и взрывает этносы, усиливает недоверие и подозрительность между ними»⁴. По нашему мнению, авторы, критикующие В.А. Тишкова, и во всех своих статьях, приводящие именно эту фразу для критики, либо не до конца дочитывают ее, которая звучит: «забыть о *нациях* во имя *народов, государств и культур*»⁵, либо не вникают в смысл. В.А. Тишков предлагает исключить из словоупотребления дефиницию «нация», если она только не

¹ Тишков, В.А. Реквием по этносу. – С. 287-288.

² Абдулатипов, Р.Г. Сущность нации-этноса: ответ сторонникам безнациональности / Р.Г. Абдулатипов. – М., 1999; Его же. Россия на пороге XXI века. Состояние и перспективы федеративного устройства / Р.Г. Абдулатипов. – М.: Славянский диалог, 1996. – С.232-233.

³ См.: Баграмов, Э.А. Нация как согражданство? К оценке новой государственной концепции / Э.А. Баграмов // Независимая газета. – 1994. – 15 марта; Его же. Национальные идеи в евразийском контексте / Э.А. Баграмов // Россия в XX веке. Проблемы национальных отношений / Отв. ред. А.Н. Сахаров и В.А. Михайлов. – М.: Наука, 1997. – С. 64-88; Козлов, В.И. Национализм и этнический нигилизм / В.И. Козлов // Свободная мысль. – 1996. – № 6.

⁴ Абдулатипов, Р.Г. О федеративной и национальной политике Российской Федерации на современном этапе (1994г.) / Р.Г. Абдулатипов // Этнополитология. – СПб.: Питер, 2004. – С.58.

⁵ Тишков, В.А. Забыть о нации. – С. 56.

предполагает «согражданство», в случаях понимания нации в качестве этноса, по его мнению, это ведет к желанию быть нацией всем этносам, чтобы впоследствии обладать государством, что, считает исследователь, конфликтогенно и очень опасно. Вот, что он пишет по этому поводу: «Сегодня два типа общностей — государства и народы — оспаривают исключительное право называть себя нациями. Метафора «нация» обрела очень мощный эмоциональный и политический смысл. Если ты — нация, значит, имеешь право на государственность, на особый статус, можешь быть субъектом международного права. В последнее время эти коллизии особенно обострились»¹.

Своей деятельностью в Общественной палате РФ В.А. Тишков также всячески продвигает идею нации-согражданства. Так на заседании подкомиссии «Россия в глобальном миропорядке (геополитические, институциональные и ценностные аспекты 14 июня 2006 года, ученый представил доклад «Российская нация как состоявшийся проект», в котором говорит о несоответствии нашей традиции — языковой, политической, академической — общемировому контексту. Во всем мире «нациями» называют государственные образования, то есть согражданства, а мы называем — этнические, культурные общности»².

И это, по мнению В.А. Тишкова, вносит большую путаницу. В мире в основном нациями называют государственные образования, то есть согражданства. Существует Организация Объединенных Наций, которая уже своим названием делает нацию синонимом государства, хотя в языках некоторых стран-членов ООН до сих пор такого понятия вообще нет. В России иногда пользуются этой терминологией, говоря о национальных интересах России, о здоровье нации, о лидере нации, имея в виду под нацией — Россию, российский народ, российское согражданство, но большинством

¹ Там же. – С.58.

² Тишков, В.А. Российская нация как состоявшийся проект / В.А. Тишков // Доклад на заседании подкомиссии «Россия в глобальном миропорядке (геополитические, институциональные и ценностные аспекты)». – М. -14 июня 2006. Общественная палата РФ, конференц-зал

исследователей и обывателей отвергается понятие «русской нации» или существует тезис формирования русской нации как проекта в будущем. Например, А.И. Миллер считает, что В.А. Тишков в своих рассуждениях забегает вперед, т.к. «в России нация-государство как идентификация граждан и система образов, а также набор определенных практик, механизмов и институтов пока далеко до конца не сформирована»¹.

По мнению же В.А. Тишкова, эти фундаментальные и давно ожидаемые утверждения о том, что русская нация существует, нуждаются в осмысленной поддержке со стороны просвещенной части общества, ибо представляют собой не просто доктринальную новацию, но и серьезный вызов для научного сообщества, политической бюрократии и всех, кто формулирует и формирует представления граждан.

С понятием нации по общности культуры В.А. Тишков категорически не согласен, по его мнению, данный подход порождает этнонационализм. «Этнический национализм очень конфликтогенен. Построить на нем прочное государство в принципе невозможно. Создать государство Казахстан на основе казахской нации — нельзя. Казахстан можно построить только на основе казахстанской нации, которая включала бы в себя всех, кто живет на территории Казахстана и считает себя казахстанцем. Иначе будут постоянные конфликты между официально признанными нациями и этническими группами, претендующими на это звание»².

С понятием этнической нации тесно связали понятия *государственности* и *самоопределения*. И иногда представители некоторых этнических групп, по мнению В.А. Тишкова, делают мыслительный вывод (а потом и политические лозунги), что если казахи, русские, украинцы, татары не имеют своей «национальной государственности», то они — лишь «полу-нации».

¹ Миллер, А.И. Наследие империй: инвентаризация / А.И. Миллер // Наследие империй и будущее России. – С. 21.

² Тишков, В.А. Нация – это метафора. – С.11.

Во всех своих выступлениях, статьях, интервью В.А. Тишков не устает повторять, что самой современной является конструктивистская интерпретация национализма, которая трактует нации как «воображаемые общности». Российская действительность, по его убеждению, дает блестящий материал для ее иллюстрации. Здесь понятие нации выступает как некий социальный конструкт, члены которого, не зная друг друга лично, тем не менее, рассматривают себя как общность с единой судьбой и надеждами. Обычно люди имеют самые разные представления о своей этнической общности. Среди русских, например, существует масса вариантов того, что значит быть русским: для одних это язык и высокая культура, для других — православная религия и традиция соборности, для третьих — любовь к ландшафту и русской зиме, для четвертых — загадочная коллективная душа и особая миссия, для пятых — держава и историческое величие; наконец, это может быть просто «русская физиономия» и фамилия, оканчивающаяся на «ов». И так среди всех народов, если в какой-то исторический момент группа не обретает некий общий символ-демиург. Так, для армян это геноцид начала XX века, для евреев – холокост, для чеченцев – депортация и война за свободу¹. И хотя такая общность представляет собой воображаемую конструкцию, зачастую она становится жесткой реальностью и придает импульс коллективному действию. Это хорошо видно в современной России, говорит Тишков, где люди через этничность обретают утраченное чувство личной и коллективной самооценности, а лидеры нередко добиваются политических целей через обращение к этническим чувствам².

Пока мы не начнем наряду с понятием «народы России» утверждать понятие «российский народ», ничего путного не получится. Речь идет не о том, чтобы переделать татар или бурят в россиян, и, тем более, в русских. Задача ответственных экспертов — терпеливо и настойчиво объяснять, что «российскость» как идентичность и российский народ-нация — не результат

¹ Тишков, В.А. О культурном многообразии / В.А. Тишков // Этнографическое обозрение. – 2005. – №1. – С.5.

² Там же. – С.9.

внутренней унификации, а естественное наложение более широкой историко-культурной и социально-политической идентичности на множество внутренних этнокультурных различий, которые существуют среди населения страны¹.

Необходимо отметить, что в последнее время В.А. Тишков смягчил свою позицию в отношении правомерности существования понятия «этнонация». Шквал критики, обрушившийся на него, дал ясно понять, как трудно утверждается и входит в сознание языковая ренационализация от этноса к демосу. Вполне понятно, что этнические группы (народы) России в лице своих лидеров и интеллектуальных элит не желают расставаться с названием себя нациями. По этой причине они с настороженностью воспринимают название нацией всего российского народа (а не захотят ли потом нас всех упразднить?). В.А. Тишков предлагает формулу для России - объединяющий вариант, который реально уже существует в стране. «Нациями были и остаются все российские народы, обладающие таким статусным самообозначением. Русские, татары, чуваша, буряты, якуты, чеченцы, аварцы и многие другие из всего списка российских национальностей имеют основания считать себя нациями и таковыми являются. Прежде всего, в этническом и в культурном смыслах, но не только в этом. У российских этнонаций (национальностей) есть внутреннее политико-государственное самоопределение как в форме самой Российской Федерации, так и в форме этнотерриториальных образований (республики и автономные округа) и национально-культурных автономий для нерусских народов. У них есть своя историческая традиция, которая не всегда и не во все периоды ограничивается рамками общероссийской истории. У них есть свои диаспоральные сообщества за российскими пределами. У них есть своя идентичность, которую они также называют национальным сознанием. Среди них есть нации, язык и культура которых стали референтными культурами для всей страны. Это, прежде всего, русская этнонация и русский язык. Ведущая роль этого народа, его языка и культуры признается повсеместно, на всех

¹ Тишков, В.А. Отрицание России / В.А. Тишков // Отечественные записки. – 2005. – №1.

уровнях и по всей России. Отдельные ультранационалистические активисты и даже группы из числа меньшинств не могут подвергнуть сомнению эту общую ситуацию, а, наоборот, служат ее подтверждением»¹. Так, ученый говорит, что в российскую гражданскую нацию входят этнонации, таким образом, «Россия – это нация наций»². Здесь уместно привести недавнее высказывание Р.Г. Абдулатипова: «Я думаю, нужно серьезнейшим образом пересмотреть вопросы национальной политики в демократическом государстве. Я рассматриваю два принципа: первый — учет и паритет интересов всех национальностей независимо от их численности, второй — партнерство их между собой. Никто не отрицает нацию как этнос. Но мы должны одновременно знать, что для нормального современного человека это понятие дополняется и другим - нация как государство»³. Мнения ученых, долгое время оспаривавших взгляды друг друга на страницах печатных изданий, в итоге пришли к общему месту. По мнению автора данной диссертации, причина в том, что очень остро начал заявлять о себе этнический национализм, в том числе стороны русских радикалов. Оба исследователя пропагандируют здоровый гражданский конструктивный национализм со всесторонней поддержкой развития и самобытности культурного национализма этнонаций.

Автору данного исследования близка эта позиция о нации-согражданстве при поддержке и сохранении того многообразия культур и народов, которые существуют в нашей стране. Нация формируется во взаимодействии как с этносом или этносами, так и с государством, и именно это взаимодействие становится реальностью. Также близка позиция о том, что человек свою культурную идентичность должен выбирать сам, она на протяжении жизни может меняться, либо быть двойной или даже тройной. Поэтому тот вклад, который внес Тишков, в то, что была отменена графа «национальность» в

¹ Тишков, В.А. И русский, и российский [Электронный ресурс] / В.А. Тишков // Вестник Российской нации. – №2(4). – 2009. – Режим доступа: <http://www.rosnation.ru/index.php?D=37>(дата обращения 21.12.2009).

² Тишков, В.А. Россия – это нация наций. В поисках формулы [Электронный ресурс] / В.А. Тишков. – Режим доступа: http://www.valerytishkov.ru/cntnt/novye_publicacii/rossiya__e1.html.(дата обращения 28.11.2009)

³ Абдулатипов, Р.Г. Создание российской нации. (Проект для XXI века) / Р.Г. Абдулатипов. – Российская газета. – 2008. – 28 августа.

паспорте, по нашему мнению, огромен для преодоления дискриминационных процессов в России. Хотя естественно проблем немало, и поэтому деятельность, которую ведет Тишков в своем институте по этнологическому мониторингу¹, заслуживает только положительных отзывов. Тем не менее, следует признать, что традиции примордиального взгляда на этничность, а также на нации и национализм, в нашей стране очень сильны. Сегодня многие, включая политиков, депутатов, руководителей разных уровней, откровенно заигрывают с этническим национализмом. Совсем недавно вышел учебник В.Б. Авдеева, А.Н. Севастьянова «Раса и этнос»², в котором эти авторы открыто призывают к русскому национализму. По их мнению, в стране должен быть один государствообразующий этнос, самоопределившийся на всей ее территории. Суверенитет народа (этноса) приходит в этом случае на смену суверенитету монарха. Искусственное создание политической нации по франко-американскому типу (в нашем случае – нации «россиян») не предполагается, да оно и невозможно в условиях России. «Лояльность русскому народу» – вот новый тест, обязательный для всех жителей нашей страны, коренных или пришлых – не важно. Мы не можем не развивать русский национализм: в противном случае мы останемся беззащитными перед лицом агрессивного национализма нацменов, который уже есть свершившийся факт»³. И В.А. Тишков, и Р.Г. Абдулатипов резко высказались в адрес авторов этого учебника⁴, который способен только провоцировать негативные, радикальные силы этнических националистов.

Одним из последователей В.А. Тишкова и социального конструктивизма и активного исследователя проблем нации и национализма является доктор политических наук, ведущий сотрудник Института философии РАН, профессор

¹См. Амелин, В.В. О сети этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов. [Электронный ресурс] / В.В. Амелин. – Режим доступа: http://www.valerytishkov.ru/cntnt/nauchnaya/_set_etnolo1/o_seti_etn.html(дата обращения 07.08.2007)

² Авдеев, В.Б. Раса и этнос / В.Б. Авдеев, А.Н. Севастьянов. – М.: Книжный мир, 2007.

³ Севастьянов, А.Н. Русское национальное государство: «край для своих» или «лавка смешных ужасов»? / А.Н. Севастьянов // Политический класс. – 2008. – № 41. – Май.

⁴ Тишков, В.А. И русский и российский; Абдулатипов, Р.Г. Этот укус смертелен! Мой ответ националистам! (Полемика с Александром Севастьяновым) / Р.Г. Абдулатипов // НГ-Сценарии. – 2000. – 9 февраля.

Московской высшей школы социальных и экономических наук - **В.С. Малахов**. Ученый является автором и научным редактором таких книг как «Мультикультурализм и трансформация постсоветских обществ»¹ (совместно с В.А. Тишковым), «Национализм как политическая идеология»², «Государство в условиях глобализации»³, «Скромное обаяние расизма»⁴ и другие статьи⁵.

Национализм ни в коем случае не следует отождествлять с шовинизмом и ксенофобией с самого начала во введении своей книги «Национализм как политическая идеология» предупреждает автор, феномен настолько деликатен и неоднозначен, принадлежит к числу слов, по поводу значения которых идет острая борьба⁶.

Предмет исследования В.С. Малахова — национализм как политическая идеология. Выбор этого ракурса обусловлен тем, что, по мнению Малахова, ядро проблематики национализма лежит за пределами как теоретической, так и эмоционально-психологической плоскостей. Будучи одной из основных идеологий, национализм неоднократно составлял успешную конкуренцию либерализму и социализму. Более того, сегодня, когда эти идеологии переживают явный кризис, национализм возрождается к новой жизни. Ярким свидетельством этого может служить тот факт, что именно в соответствии с базисным принципом национализма — принципом совпадения культурно-

¹ Мультикультурализм и трансформация постсоветских обществ. / Под ред. В.С.Малахова и В.А.Тишкова. – М.: Институт этнологии и антропологии РАН, 2002.

² Малахов, В.С. Национализм как политическая идеология / В.С. Малахов. – М.:КДУ, 2005. – 320с.

³ Малахов, В.С. Государство в условиях глобализации / В.С. Малахов. – М.: КДУ, 2007. – 256с.

⁴ Малахов, В.С. Скромное обаяние расизма / В.С. Малахов. – М.: Дом интеллектуальной книги, 2001. – 176с.
Малахов, В.С. Ловушка антирасизма. [Электронный ресурс]. / В.С. Малахов // Русский журнал.– Режим доступа: <http://www.russ.ru>. – 2000. – 5 декабря; Его же. Лекарство от этноцентризма / В.С. Малахов. // Ex libris НГ. Литературное приложение к «Независимой газете» – 2000. – 2 ноября; Его же. Ностальгия по идентичности / В.С. Малахов // Логос: философско-литературный журнал. – 1999. – № 3. – С. 8-12; Его же. О националистическом дискурсе / В.С. Малахов. // Pro et Contra. – 1999. – Том.4. – № 1. – С.129-132; Его же. Вызов национальному государству / В.С. Малахов. // Pro et Contra. – 1998. – Т.3. – №2. – С.141-154; Его же. Нация и культурный плюрализм / В.С. Малахов. // Независимая газета (НГ-Сценарии). – 1997. – 14 июня; Существует ли демократический национализм? [Электронный ресурс]. // Русский журнал. – Режим доступа: <http://www.russ.ru:8080/journal/peresmot/98-02-12/malah.htm>. (дата обращения 12.02.2002.)

⁶ Малахов, В.С. Скромное обаяние расизма. – С.88.

национальных и государственно-политических границ — в конце XX в. была вновь перекроена карта мира¹.

В.С. Малахов предполагает, что национализм имеет два основных вектора. Один из них указывает в сторону обретения общественного единства. Это национализм, исходящий от государства. Второй — направлен против государства. Это национализм, исходящий от культурно-этнических групп, стремящихся к политическому суверенитету. Вот почему национализм испанский, индийский, турецкий и грузинский наталкивается на противодействие каталонского, сикхского, курдского и абхазского национализма.

Таким образом, национализм — идеология, легитимирующая (оправдывающая и обосновывающая) усилия по *интеграции* или *дезинтеграции государств*. Последние, неслучайно, называются *национальными государствами*. Однако этим функции национализма не исчерпываются. Национализм далеко не всегда непосредственно связан с действиями по укреплению или подрыву национальных государств. Он подпитывается чувствами и ожиданиями людей, которые ищут решение острых проблем собственного существования в национальной солидарности — в консолидации на основе общей истории, языка или культуры. Таким образом, национализм — это идеология политизированной *идентичности*².

В.С. Малахов придерживается мнения, что национализма как такового не существует. Существуют различные идеологические ответы на различные политические вызовы. Эти ответы с большей или меньшей степенью условности могут быть объединены под рубрику «национализм», что очень напоминает определение, данное В.В. Коротеевой, еще одним российским исследователем национализма: «Национализм — совокупность идеологий и политических движений, использующих в качестве символа понятие нация»³.

¹ Малахов, В.С. Национализм как политическая идеология. — С.12.

² Малахов, В.С. О националистическом дискурсе. — С.129-132.

³ Коротеева, В. В. Теории национализма в зарубежных социальных науках.— С. 132.

Если национализм – это идеология, то это не только теоретический феномен, но и руководство к политическому действию. Основная функция идеологии – коллективная мобилизация, направление активности масс в ту или иную сторону.

Национализм, так же, как и его конкуренты и союзники (социализм, либерализм, консерватизм), по мнению профессора В.С. Малахова, не является строго определенной совокупностью теоретических положений, а представляет собой политико-идеологическую конфигурацию, содержание которой в значительной степени определяется социально-историческими обстоятельствами.

Содержание националистической идеологии определяется выполняемыми ею функциями. А функции, которые она выполняет, определяются, во-первых, особенностями социально-исторической ситуации и, во-вторых, спецификой тех политических сил, которые в данной ситуации действуют от имени «нации». Если в данном обществе в конкретный момент на повестке дня стоит радикальное реформирование общественного строя (например, преобразование полуфеодальной Турции в современное национальное государство), то политические акторы, апеллирующие к интересам нации, будут идентифицироваться как представители «прогрессивного национализма». В ситуации конфликта между рабочим движением, требующим социалистических преобразований, с одной стороны, и государством, этому противостоящим, с другой стороны, носителем националистической идеологии будут правящие круги. Понятно, что их национализм будет носить консервативно-охранительный, «реакционный» характер.

Итак, по В.С. Малахову, нация — специфический объект лояльности, который формируется лишь при определенных условиях. До наступления Современности, или Модерна, такая лояльность или носила точечный характер, или вовсе отсутствовала. В эпоху Модерна национальная лояльность

сталкивается с серьезной конкуренцией со стороны классовой, конфессиональной, субкультурной и другими формами лояльности. В настоящее время, которое некоторые авторы называют постсовременностью, или постмодерном, конкуренция со стороны вненациональных форм лояльности приобретает новое измерение.

Исходя из позиции российских исследователей конструктивистов, мы можем дать следующее операциональное определение национализма. Национализм — политическая идеология, рассматривающая нацию в качестве единственного источника суверенитета, преимущественного объекта лояльности и предельного основания легитимности власти.

Очертания общности, которая провозглашается суверенной, размыты. Этнический и языковой состав, вероисповедание, культурные традиции и прочие характеристики людей, объединяемых в целостность, именуемую «народом», или «нацией», не являются чем-то изначально определенным. Конкретное содержание той общности, к которой апеллируют как к высшему источнику власти и авторитета, не есть нечто данное и само собой разумеющееся. Не дано изначально, кто входит и кто не входит в нацию — какие группы образуют корпус нации, а какие должны быть из него исключены¹.

Метафора политического тела нации таит в себе опасность смешения двух разных процессов — конституирования политического сообщества (т. е. процесса формирования *идентичности*) и выбора формы *авторитета*, в соответствии с которой данное сообщество будет управляться. Это смешение и ведет к национализму.

Теоретическая возможность национализма коренится именно здесь: в неразведении двух составляющих проблемы: идентичности и суверенитета. Одним вопросом является состав общности, те факторы, исторические и культурные, которые делают некоторое множество людей общностью

¹ Малахов, В.С. Нация и культурный плюрализм / В.С. Малахов // Независимая газета (НГ-Сценарии). – 1997. – 14 июня.

(идентичность). Совсем другой вопрос касается формы власти и авторитета, согласно которым эта общность должна управляться (суверенитет).

Апелляция к «народу», или «нации», в условиях демократии не означает ничего иного, кроме апелляции к абстрактной инстанции суверенности. У этой инстанции нет строго определенных культурных черт. Нация, к которой адресуется либеральная демократия, есть прежде всего народ как определенным образом организованное и самоуправляемое политическое тело. Возможность национализма появляется там, где это политическое тело начинают истолковывать в качестве культурного тела, т.е. там, где открытая изменениям политическая идентичность понимается как законченная и самодостаточная культурная идентичность.

Политическую идеологию вообще и идеологию национализма, в частности, следует понимать не просто как некоторую систему взглядов, говорит исследователь, но прежде всего как *социальную практику*. Такой подход позволяет перенести центр тяжести изучения идеологии национализма с ее содержания на *функции*, выполняемые ею в том или ином социально-историческом, политико-экономическом или социокультурном контексте.

По мнению автора диссертационного исследования, ученые-конструктивисты делают немалые попытки, чтобы переломить устоявшуюся точку зрения на «нацию» и «национализм». И хотя, если сравнить количество с исследованиями примордиалистского толка, то работ, написанных в духе конструктивизма немного. По утверждению В.А. Тишкова, «вселенский спор» вызвали несколько работ С.В. Соколовского¹, и две статьи самого Тишкова о феномене этничности и национализма, сейчас и исследования В.С. Малахова. Почти все авторы в настоящее время, работающие над проблемами национализма и нации, упоминают в своих исследованиях эти теории, часто в

¹ Соколовский, С.В. Парадигмы этнологического знания / С.В. Соколовский // Этнографическое обозрение. – 1994. – №2. – С. 3-17; Его же. Эссенциализм в российском конституционном праве (на примере терминологии, используемой в конституциях республик в составе РФ) / С.В. Соколовский // Русский национализм: Социальный и культурный контекст / Сост. М. Ларюэль. – М.:НЛЮ, 2008. – С. 184-234.

критическом ключе¹. Тем не менее, это способствует, распространению конструктивистских идей, интересу к ним, вследствие чего исследователи обращаются к зарубежным классикам конструктивизма, и начинают работать в рамках этой теории на российском материале.

¹ Козлов, В.И. Национализм и этнический нигилизм / В.И. Козлов // Свободная мысль. – 1996. – №6. – С. 98-108; Семенов, Ю.И. О моем «пути в первобытность» / Ю.И. Семенов // Академик Ю.В. Бромлей и отечественная этнология. 1960-1990-е годы. / Отв. ред. С.Я. Козлов. – М., 2003. – С. 164-211; Пименов, В.В. Понятие «этнос» в теоретической концепции Ю.В. Бромлея / В.В. Пименов // Академик Ю.В. Бромлей и отечественная этнология. 1960-1990-е годы. / Отв. ред. С.Я. Козлов. – М., 2003. – С. 17-56.

3.3 Исследования российских национальных реалий современными отечественными учеными

Современное российское общество находится на этапе трансформации. Распад многонациональных государств, таких, как СССР, сопровождается «кризисом идентичности»: люди с трудом привыкают к новым государствам, к новым границам, к новой общественной идентификации, их образ «мы» деформируется. В современной России этот кризис проявляется еще сильнее, поскольку за постсоветский период конкурирующие политические идеологемы — идея коммунизма и идея демократии — были в значительной мере дискредитированы. Утратили былую привлекательность зарубежные образцы для подражания, по отношению к которым десятилетиями (если не веками) формулировались лозунги «Догоним и перегоним». Затянувшийся кризис привел к тому, что в массовом сознании возросло значение традиционных образов идентичности, а в среде интеллектуалов возник интерес к обсуждению неких «особых» моделей национально-государственного устройства. Российское общество переживает как раз этап, на котором конкуренция между различными политическими силами, отстаивающими свою трактовку понятия «нация», приобретает особую остроту и таит в себе существенный конфликтогенный потенциал. Современные дебаты о нации и национализме в России протекают в форме противостояния множества разных проектов «нациестроительства», не ориентированных на поиск компромисса, что нужно отметить является устойчивой чертой российской ситуации исследования этого непростого вопроса. Также сложности вызывает наследие прежних социальных институтов — советская национальная политика с ее спонсированием этничности и национально-территориальным делением страны, уже сложившиеся смыслы, инерция в использовании слов (в русском языке понятие «национализм» имеет негативную окраску, оно связывается с

национальным эгоизмом, «возвеличиванием одной нации в ущерб другим», ксенофобией).

Современные российские течения изучения «национального».

Постоянная общественная дискуссия по проблемам нации - один из способов воспроизводства национальной идентификации, а также достижения и воспроизводства консенсуса основных политических сил по базовым вопросам в данной сфере. С недавнего времени в России начал выходить журнал «Вестник Российской нации», на страницах которого ведущие специалисты в области национальных, федеративных отношений ведут дискуссию о проблемах, существующих на сегодняшний день в России в сфере «национального»¹.

Особенность дискуссии о нации в современной России состоит в том, что ее предметом является одновременно слишком много ключевых вопросов. Во-первых, как формировать нацию в России: на гражданских или этнических принципах. Во-вторых, кого включать в эту нацию.

В течение 1990-х годов на российском интеллектуальном поле сложилась несколько течений, по-разному интерпретирующих эти вопросы.

Первое течение – либеральное, трактующее нацию по преимуществу как гражданскую категорию. Представителем этого подхода является уже упоминавшийся В.А. Тишков, который считает, что гражданская нация в России уже существует, в данном российском проекте «есть место для русского и нерусского, для православного и мусульманина без утраты собственной идентичности и групповой целостности каждым из них»². Последователи В.А. Тишкова – академик Н. Моисеев, философы В.М. Межуев, П. Щедровицкий и

¹ Султыгов, А.-Х. К вопросу о формировании российской нации в первой половине XIX в. [Электронный ресурс] / А.-Х. Султыгов // Вестник Российской нации. – Режим доступа: <http://rosnation.ru/index.php?D=37&goto=213> (дата обращения 12.12.2009); Михайлов, В.А. К дискуссии о проблеме российской идентичности [Электронный ресурс] / В.А. Михайлов, Н.В. Михайлова // Вестник Российской нации. – Режим доступа: <http://rosnation.ru/index.php?D=37&goto=227> (дата обращения 12.12.2009); Фадеичева, М.А. Концептуальные основания политики РФ в сфере регулирования межэтнических отношений [Электронный ресурс] / М.А. Фадеичева // Вестник Российской нации. – Режим доступа: <http://rosnation.ru/index.php?D=37&goto=173> (дата обращения 27.11.2009).

² Тишков, В.А. Что есть Россия и российский народ / В.А. Тишков // Наследие империй и будущее России. – С. 490.

некоторые другие заметные фигуры¹. При этом, например, историк А.С. Кустарев, считает, что «государственно-гражданская общность – это когда консолидированное множество индивидов в пределах одного государства признают его легитимность, участвуют в политических процессах, платят налоги и не стремятся к эмиграции при первой возможности»², следовательно, понимание нации как согражданства не означает сведение национальной общности к формально-юридической.

Представленной точке зрения противостоят несколько групп исследователей и политических деятелей. Первая группа – ученые, также настаивающие на понимании нации в гражданских терминах, но не признающих в настоящее время существование российской нации. А.И. Миллер говорит о следующих проблемах, не позволяющих это сделать. Во-первых, он, как и другой исследователь Э. Паин³, считает, что в России недостаточно сформированы демократия и гражданское общество⁴, и также, по его мнению, невозможно определить на каких основаниях будут включены в российскую нацию те русские люди, которые жили в СССР, а сейчас оказались в других государствах. А.И. Миллер упоминает и тот факт, что отношение многих людей к понятию «российский» негативно, и это связано с подозрением, что «российскость» является субститутутом «советскости»⁵. Отсутствие общественного консенсуса в отношении понятия «российская нация» заставляет эту группу исследователей утверждать, что и о существовании самой российской нации пока рано говорить, это проект будущего.

Следующая группа исследователей настаивают на определении Российского государства как «многонационального», где нужно и можно

¹ Моисеев, Н. Время определить национальные идеи / Н. Моисеев // Россия на новом рубеже. – М.: Горбачев-фонд, Изд-во «Апрель-1985», 1995. – С. 13-58; Межуев, В.М. Нация и государство / В.М. Межуев. // Россия на новом рубеже. - М.: Горбачев-фонд, Изд-во «Апрель-1985», 1995. – С. 133-153; Щедровицкий, П. Русский мир: прогрессивная империя и культурный империализм / П. Щедровицкий // Сообщение. – 1999. – № 1.

² Кустарев, А.С. Нация: кризис проекта и понятия / А.С. Кустарев // Pro et Contra. – 2007. – Т.11. - №3.- С.70.

³ Паин, Э. Россия между империей и нацией / Э. Паин // Pro et Contra. – 2007. – Т.11. - №3.- С.42-59.

⁴ Миллер, А.И. Нация как рамка политической жизни / А.И. Миллер // Наследие империй и будущее России. – С. 510.

⁵ Миллер, А.И. Нация как рамка. – С.513.

адаптировать политические практики «мультикультурализма»¹ и аккультурации². Сюда можно отнести Р.Г. Абдулатипова, С.А. Арутюнова, Л.М. Дробижеву, М.Н. Губогло, В.В. Амелина³.

Третья группа исследователей и политических акторов основывает свое представление о нации в современной России на том, что этнических русских 82% от всего населения России, а это значит, что они могут построить национальное государство в этническом смысле слова «нация». Данная идеология либо полностью игнорирует полиэтничность российского населения, либо отстаивает тезис о доминантной роли русского этноса в Российской Федерации и тогда рассматривает нацию как иерархию этносов во главе с русским этносом.

К данной позиции можно причислить представителей различных направлений: от либеральных националистов таких, как руководитель фонда «Политика» В. Никонов, и последователей романтического этноцентриста А.И. Солженицына до расистов (глава «Центра по комплексному изучению русской нации» Е. Троицкий)⁴.

Автор данного исследования также выделяет представителей радикального имперского национализма. Империалисты понимают нацию как полиэтничную имперскую общность, интегрированную на основе русской

¹ Арутюнов, С.А. Федерализм, этничность и политика аффирмативных действий // Профессионалы за сотрудничество. – М., 1998. Вып. 2. – С. 15-25; Дробижева, Л.М. Этнические аспекты изучения социальной дифференциации // Социальное неравенство этнических групп: представления и реальность / Авт. проекта и отв. ред. Л.М. Дробижева. – М.: Academia, 2002. – С. 9; Хабриева, Т.Я. Национально-культурная автономия в Российской Федерации. – М.: Юридический дом «Юстицин-форм», 2003; Щедрина, О.В. Возможна ли мультикультурная модель интеграции мигрантов в России? // СОЦИС: Социологические исследования. – 2004. – № 4. – С. 67-75.

² Миллер, А.И. Нация как система координат политической жизни [Электронный ресурс] / А.И. Миллер. – Режим доступа: <http://www.rosnation.ru/index.php?D=37&goto=225> (дата обращения 28.11.2009)

³ Абдулатипов, Р.Г. О федеративной и национальной политике Российского государства. – М.: Славянский диалог, 1995; Арутюнов, С.А. НКА не может стать альтернативой территориальной автономии // Национально-культурная автономия: проблемы и суждения. – М., 1998; Губогло, М.Н. Может ли двуглавый орел летать с одним крылом? Размышления о законодательстве в сфере межгосударственных отношений. – М.: РАН, ЦИМО, 2000; Дробижева, Л.М. (ред). Национальное сознание и национализм в Российской Федерации начала 1990-х годов. – М., 1994; Ее же. Возможность либерального национализма // Реальность этнических мифов / Под ред. А. Малашенко и М.Б. Олкотт; Московский центр Карнеги. – М.: Гендальф, 2000. – С. 77-91; Амелин, В.В. Вызовы мобилизованной этничности. Конфликты в истории советской и постсоветской государственности. – М.: Институт этнологии и антропологии РАН, 1997.

⁴ См.: Солженицын, А.И. «Русский вопрос» в конце XX века // Новый мир. – 1994. – № 7. – С. 135-176; Троицкий, Е. (сост.) Русская нация: историческое прошлое и проблемы возрождения. – М.: АКИРН, 1995.

культуры и включающую в себя помимо прочих украинский и белорусский этносы, которые не рассматриваются в отрыве от русского и не признаются самостоятельными. В основном представителями этой позиции являются политики и публицисты не готовые смириться с отпадением от России окраин, которые она удерживала как во времена Романовых, так и при коммунистах. Территория бывшего СССР есть часть территории исторической России, по их мнению, и должна быть полностью или частично восстановлена. Ярыми сторонниками идеи тождественности «нации» и «имперского государства» выступают А.Н. Савельев (А. Кольев)¹, А.Н. Севастьянов², М. Юрьев³. В рамках этой доктрины прослеживаются следующие положения: 1) убежденность в превосходстве русских над другими народами, составляющими империю; 2) горделивое сознание того, что русские – имперообразующий этнос; 3) представление об органичном единстве русских, тождестве по крови; 4) изоляционизм, антизападничество. Использование идеологом «враг», «вражеское окружение». Естественно имперский национализм, присутствующий в российской политической системе, тормозит модернизационное развитие страны, т.к. иногда проявляется и во властных структурах – идеями Д. Рогозина, попытками российского руководства сохранить контроль над пространством бывшего СССР. Изнаночная сторона этих представлений всегда ксенофобия – защитно-консервативная реакция основной массы населения на универсализацию стандартов жизни⁴.

В результате в рамках таких исследований и общественно-политической ситуации, сложившейся в России в 1990-2000-е гг., национальная идентичность систематически отождествляется этнической, и очень часто политическое и гражданское измерение национальной идентичности вытесняется культурным, языковым, религиозным и т.д. Решение вопроса, по мнению автора

¹ Кольев, А. Нация и государство. Теория консервативной реконструкции / А. Кольев. – М., 2005; Савельев, А.Н. Время русской нации / А.Н. Савельев. – М.: Русский дом, 2007.

² Севастьянов, А.Н. Этнос и нация / А.Н. Севастьянов. – М.: Книжный мир, 2008; См. также Авдеев, В.Б. Раса и этнос / В.Б. Авдеев, А.Н. Севастьянов. – М., 2007.

³ Юрьев, М. Третья империя. Россия, которая должна быть / М. Юрьев. – СПб.: Лимбус-Пресс, 2007.

⁴ Гудков, Л. Своеобразие русского национализма / Л. Гудков, Б. Дубин // Pro et Contra. – 2005. – Т.9. - №2.- С.6-24.

диссертации, следует искать все-таки в утверждении, прежде всего, государственной позиции приоритета гражданского понимания нации. Россия – это, прежде всего, многообразие, в этой связи формула, предложенная В.А. Тишковым: «Россия – это нация наций» может лечь в основу понимания сущности этой проблемы. Первое слово – «нация» – означает надэтническую (гражданскую) идентичность. Второе слово – «наций» – конституирует этнонациональную (этническую) идентичность. Таким образом, конструкция «Россия – нация наций» не отменяет идентичности и целостности этнонаций (этносов), ни русской, ни удмуртской, ни чувашской, ни какой-либо другой. Необходимо укрепление гражданского общества, в котором права человека и права этнонаций (этносов) будут гармонично взаимодействовать как неконфликтные элементы одной системы. Российская нация вобрала в себя все лучшее из предшествующего тысячелетнего опыта России и СССР, зиждущегося на политике взаимообогащения и сохранения этнического многообразия, диалоге культур и этнокультурной солидарности, межэтнической лояльности, на единстве политической воли всех народов России, что необходимо развивать с помощью конкретных государственных и политических мер.

Этнонациональные отношения – социально-политическая сфера, требующая управления, своеобразного этнополитического менеджмента, который, как и любая управленческая деятельность, носит перманентный характер. С 1996 г., когда была принята Концепция государственной национальной политики Российской Федерации¹, многое изменилось в этнополитической ситуации в Российской Федерации, да и категориальный аппарат Концепции нельзя оценить как безупречный в научном отношении. В 2005 г. были предприняты попытки выработки новой концепции, к составлению которой имела отношение Межведомственная комиссия по

¹ Концепция государственной национальной политики Российской Федерации : Материалы парламент. слушаний, 19 марта 1996 г. / Федер. Собр.-парламент Рос. Федерации, Гос. Дума; [Сост. В. Ю. Зорин и др.]. – М.: ГД: Известия, 1996.

внесению корректив в Концепцию государственной национальной политики¹. Проект новой Концепции широко обсуждался, в частности, в рамках Всероссийской конференции «Государственная национальная политика: проблемы и перспективы», проходившей в мае 2005 г. в Екатеринбурге. Серьезные критические замечания по ее содержанию привели к тому, что она так и не была принята. Однако необходимость определения и реализации направлений современной этнополитики осталась. Трудность в том, что в настоящее время не существует ни Министерства, занимающегося конкретно этими вопросами, ни статьи в бюджете, финансирующую федеральную национальную политику. В этих условиях чрезвычайно важное значение имеют гражданские инициативы. Ярким примером гражданского действия является создание в апреле 2007 г. Общероссийского союза общественных объединений «Российская нация», в совет которого вошли видные государственно-политические и общественные деятели, включая руководителей всех крупнейших федеральных национально-культурных общественных объединений. ОСОО «Российская нация» выступил учредителем и издателем уже упоминавшегося журнала «Вестник Российской нации», первый номер которого вышел осенью 2008 г. В этом программном номере заявлена миссия журнала: быть манифестом российской нации, общенациональной дискуссионной площадкой по актуальным вопросам внутренней и внешней политики России. Отмечено: «Самостоятельным направлением издания станет освещение тематики нациестроительства как специального направления гражданско-государственного действия в сфере идеологии, в том числе мирового опыта утверждения гражданской идентичности, исторических этапов формирования российской нации, осмысление общности духовно-нравственных ценностей россиян, этнокультурного и конфессионального многообразия, тематики межэтнических и межконфессиональных отношений, профилактики ксенофобии и экстремизма на этнической и религиозной почве,

¹ Приказ Минрегиона России от 03.03.2005 г. №24 в соответствии с поручением Правительства Российской Федерации от 31 декабря 2004 г. №МФ-П11-6984

государственной этнокультурной политики и государственно-конфессиональных отношений, российского федерализма, культурных критериев государственного суверенитета»¹. Автор выражает надежду, что власть будет больше обращать внимание на эти важные для каждого гражданина РФ вещи, т.к. формирование и развитие российской нации представляется не только ценностью-целью здорового демократического государства, но и ценностью-средством для достижения этим государством национальных проектов в будущем.

А.Ф. Зорин. Русский национализм. Все большее значение приобретают исследования национализма на российских реалиях. Только за последние десять лет написано множество кандидатских и докторских диссертаций по этой теме в России специалистами разных областей научного знания², что говорит об актуальности данной проблематики на отечественном материале. На взгляд автора диссертации, заслуживает внимание работа к.и.н. А.Ф. Зорина «Русский национализм как социально-политический феномен постсоветского периода»³, в которой он также говорит о том, что в условиях отсутствия национальной идентичности, активизируется спрос на националистическую продукцию. Именно поэтому, наряду с другими причинами, русские националистические силы сегодня имеют наиболее благоприятные условия развития как в идеологическом, так и в политическом смысле. К современным социально - политическим факторам развития русского национализма А.Ф.Зорин относит: 1) кризис либерализма, с одной стороны, и сохраняющийся в обществе скепсис по отношению к коммунизму, с другой стороны, что создает объективные социально - политические условия для популярности

¹ Вестник Российской нации. – 2008. - №1.

² Ипполитова, А.Г. Семантика национализма в культуре современной России / А.Г. Ипполитова. – СПб.: Нестор, 2006; Мухаметшина, Н.С. Трансформации национализма и "символьная элита" : Российский опыт / Н.С. Мухаметшина. – Самара: Самар. ун-т, 2003; Савинова, Н.В. Российский национализм и немецкие погромы в России в годы Первой мировой войны : 1914-1917 гг.– дис...кандидата исторических наук: 07.00.02. // Н.В. Савинова. – СПб. гос. ун-т, 2008; Топорков, В.А. Национализм в постсоветской России : социально-философский анализ : дис ... кандидата философ. наук : 09.00.11 / Топорков В.А. – Твер. гос. ун-т, 2007.

³ Зорин, А.Ф. Русский национализм как социально-политический феномен постсоветского периода: дис... кандидата политических наук: 23.00.02. / А.Ф. Зорин. – М.: РГБ, 2007.

идей русского национализма; 2) естественная убыль российского населения и неэффективность миграционной политики, неадекватность и провокационность освещения миграционных и демографических проблем российскими СМИ, которые формирует в отдельных регионах России конфликтогенный потенциал социально-политического характера; 3) легализация националистической риторики в СМИ и речах политических элит, объясняемая как тактическими задачами власти, так и стратегическими задачами укрепления государственности; 4) неблагоприятная внешнеполитическая конъюнктура (расширение НАТО, разногласия с США и Европейским Союзом, территориальные споры с Китаем, Японией, странами Балтии, периодические обострения отношений с Украиной, Грузией, Молдовой, Белоруссией, странами Балтии) стимулируют антизападные и националистические настроения в российском обществе. Это дополняется ростом исламофобии, кавказофобии и общими ксенофобными настроениями¹.

На современном этапе идеология русского национализма получает все большее распространение и поддержку среди российского населения. Наибольшую тревогу вызывает то обстоятельство, что значительное количество населения начинает проявлять симпатии к наиболее радикальным типам националистической идеологии. Это приводит не только к увеличению количества акций прямого насилия, совершаемого на почве националистической ненависти, но и к качественной трансформации радикальных политических организаций в рамках российского политического поля. Главные базовые тенденции развития современного русского национализма сводятся к инкорпорации социальных лозунгов в идеологию современного русского национализма; интеграции политических организаций русского национализма; создания националистических организаций нового, сетевого типа; формирования русского националистического движения как относительно независимого субъекта

¹ Там же. – С.146-148.

российского политического процесса; включения элементов русского национализма в идеологические постулаты и принципы политической практики современной правящей политической элиты России.

Вышеуказанные качественные особенности современного русского национализма создают совершенно очевидную возможность, в случае неблагоприятного для России поворота международных отношений и нарастания внутреннего кризиса, идеологической трансформации властвующей политической элиты России от разных форм социального либерализма и консерватизма к исключительно радикальной форме авторитарного национализма.

В конце данного параграфа, необходимо обратиться к статистическим данным, которые собираются не среди ученых и интеллектуалов, а среди простых людей, являющихся гражданами России, на которых опосредованно и влияют все те разработки и исследования по нации и национализму, которые сначала обсуждаются в академических кругах, потом выносятся в СМИ, разъясняются людям политиками и публицистами.

По нашему мнению, очень важно обратиться к исследованию, проведенному социологами «Левада-Центра», которые каждый месяц на улицах задают вопрос: «Как вы относитесь к идее «Россия — для русских»? В 2006 г. в ходе всероссийского опроса 50% ответили, что ее «давно пора» и «неплохо бы» осуществить. В октябре 2008 г. (последние данные) таких было уже 57%.

Наиболее «агрессивными» оказались респонденты в возрасте 25–39 лет: в этой возрастной группе 62% исповедуют этот лозунг. Причем уровень образования практически не имеет значения: «Если раньше националистические идеи поддерживали в основном малообразованные слои населения, сельская молодежь, то сейчас эти настроения проникли в студенческую среду», — говорит директор «Левада-Центра» Л.Гудков¹. По

¹ [Электронный ресурс] / Журнал «Newtimes». — 2009. №10 (106). — 16 марта. — Режим доступа: <http://newtimes.ru/articles/detail/2876/> (дата обращения 09.04.2009).

уровню доходов активнее всего нацистов поддерживают как люди достаточно состоятельные (те, кто отметил, что могут себе позволить покупку недвижимости), так и те, кому не хватает денег даже на продукты; люди со средним и ниже среднего достатком относятся к националпатриотической риторике значительно сдержаннее. Резко против лозунга «Россия — для русских» — люди старше 55 лет. (См. График №1 в Приложении).

Причинами роста ксенофобских настроений являются непродуманная миграционная политика, коррупция правоохранительных органов, призванных не допускать в страну нелегальных иммигрантов, а также социально-экономическая ситуация в стране играет значительную роль в появлении этнонационализма.

Но вот что любопытно: когда социологи стали, что называется, «входить в детали» и спросили: «Чувствуете ли вы в настоящее время враждебность по отношению к себе со стороны людей других национальностей?» — лишь 3% ответили: «Очень часто» и еще 9% — «Довольно часто». Абсолютное большинство (84%) сказал, что редко или никогда не чувствует враждебности со стороны «чужих». Радикальные группировки не вызывают особой симпатии, говорит Гудков. Что касается роста националистических настроений, то они во многом провоцируются, по его мнению, всей государственной системой, включая телевидение: «Антизападная риторика, декларации об особом пути и особых ценностях, агрессивная внешняя политика, убеждение, что Россия находится в кольце врагов, — все это не делает сограждан толерантнее, скорее ровно наоборот», — утверждает Лев Гудков¹. (См. График №2, №3 в Приложении).

Как мы видим, в последнее время российскими реалиями в национальном плане становится рост миграции из стран бывшего СССР, и эта проблема переносится на страницы исследовательских журналов, а также в СМИ.

¹ Карасев, М. База радикалов // «Newtimes». – 2009. – №10 (106). – 16 марта.- [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://newtimes.ru/articles/detail/2876/>(дата обращения 09.04.2009)

Этноцентричный дискурс в подходе к национальному часто провоцирует этнизацию феномена и миграции тоже, что влечет за собой: редукцию социальных различий к этническим, а социальное взаимодействие – к взаимодействию между этническими (этнокультурными или этноконфессиональными группами), а также отождествление культурной и этнической идентичности индивидов. Родившись «русским», индивид приписан к «русской» культуре, «евреем» к «еврейской». В результате конфликты, возникающие на почве конкуренции за доступ к власти и ресурсам, понимаются как проявление взаимной несовместимости этнических групп – «казаков» с «армянами», «православных славян» с «мусульманами-кавказцами». В таких концептуальных рамках миграционный приток населения, этнически отличного от основного населения принимающего сообщества, не может быть воспринят иначе как в терминах угрозы. На наш взгляд, производителями данного дискурса являются этнические активисты, часть федеральных и региональных элит, а также эксперты-исследователи. Так, по мнению З.В. Сикевич, к «формированию образа этнического врага» приводит, «как это ни парадоксально, сама этничность»¹. В Германии, где в публичном дискурсе также доминирует этническая модель нации, наблюдается подобное отношение к проблеме миграции, так К. Хюбнер убежден, что мирное сосуществование различных этнокультурных сообществ – явление не из числа нормальных. Нормальным ему представляется их раздельное существование. «Исторический опыт учит: совместная жизнь различных культур в узком пространстве всегда была постоянным запалом, приводящим к новым и новым взрывам»². Исследователи, таким образом, изначально предполагают, что в основе социальных конфликтов лежит различие как таковое, а не условия социального взаимодействия, в которых любые различия только и приобретают значимость. А также государственные общественные организации, целью

¹ Сикевич, З.В. Трансформация этничности // Журнал социологии и социальной антропологии. – 2004. – Т. VII. – № 1. – С.207.

² Хюбнер, К. Нация. От забвения к возрождению. – М.: Канон, ОИ «Реабилитация», 2001. – С.390.

которых является решение «проблем миграции», институт регистрации на месте, который приводит к злоупотреблениям чиновников, законодательство, блокирующее возможность интеграции мигрантов общество, все это еще больше способствует этнизации миграции. Это в свою очередь порождает ксенофобские настроения внутри общества и распространение радикального национализма, основной целью которого уже являются либо насильственная ассимиляция, либо этнические чистки. (См. Графики №4 и №5 в Приложении).

Проблемы, которые существуют в России в националистическом исследовательском и публичном дискурсе, остаются. Доминирующая точка зрения в России на «нацию» и «национализм» этнически детерминирована. Что имеет свою традицию и в советской национальной политике, и в большой популярности «теории этноса» Ю.В. Бромлей¹ и теории пассионарности Л.Н. Гумилева². Смешение понятий политического (государственного) и этнического национализма характерно не только для научных исследований в нашей стране, но и для языка политической журналистики, политических деклараций, доктринальных документов. Это недоразумение постоянно порождает бесплодные словесные баталии - бесплодные по той тривиальной причине, что их участники употребляют базисные категории в разных смыслах. Когда российские исследователи выступают с предложением нормативной разгрузки термина «национализм», они следуют западной, прежде всего англо-американской традиции. В рамках последней, в самом деле, сложилось нормативно нейтральное понятие национализма. Что логично, поскольку здесь сложилось политическое (гражданское) понятие нации. Термины «нация», «государство» и «общество» здесь то и дело употребляются как взаимозаменяемые. В постсоветских же странах, в России в том числе, где под нацией чаще всего имеют в виду этнос, национализм, увы, чаще всего означает не что иное, как этнонационализм, который также характерен и для

¹ Бромлей, Ю.В. К разработке понятийно-терминологических аспектов национальной проблематики.

² Гумилев, Л.Н. Этногенез и биосфера Земли.

малочисленных народов и этнических меньшинств в России. Эпохе глобализации неизбежно сопутствует культурный кризис, кризис идентичности. У нас этот процесс усугубляется последствиями распада Советского Союза и политизацией этничности. В этих условиях политические дивиденды, связанные с такими институционализированными понятиями, как «коренной народ», «этническое меньшинство», «титовая нация», «государствообразующий народ», делают этничность едва ли не важнейшим символом идентичности¹. В то же время происходящее у нас на глазах размывание таких ключевых основ идентичности, как язык и культура, способствует переносу центра тяжести на образ этнической истории. Кроме того, интерес к своему происхождению и этнической истории оказывается гораздо более характерным для народов, испытывающих фактически или ощущающих психологически ту или иную форму дискриминации. Они начинают бороться с ней или преодолевать неприятные ощущения, апеллируя к далекому прошлому, к «золотому веку»².

По мнению автора данной диссертации, необходимо на российских реалиях и на теоретической базе различных подходов выработать альтернативу видению феномена «нации» только в этническом контексте, а феномена «национализма» только со знаком минус в нашей стране. Ориентация должна быть на конструктивный гражданский национализм и гражданскую нацию, в которую объединяются различные этнические общности (этнонации, если они таковыми себя считают).

¹ См. Соколовский, С.В. Образы других в российской науке, политике и праве / С.В. Соколовский. – М., 2001.

² Шнирельман, В.А. Этногенез и идентичность: националистические мифы современной России. [Электронный ресурс] / В.А. Шнирельман. // Вестник Российской нации. – 2009. – 11 ноября. – Режим доступа: <http://www.rosnation.ru/index.php?D=37&goto=224>(дата обращения 21.12.2009)..

Заключение

Современная исследовательская ситуация в изучении феноменов «нация» и «национализм» продемонстрировала еще раз актуальность данной проблематики в мире и в России. Практически каждый день появляются новые работы, посвященные национальным вопросам, анализ которых, к сожалению уже не влезает в рамки настоящей диссертации. Как было показано, согласия в данной области знаний немного: ни в определении ключевых понятий, ни в постановке теоретических задач. Основные методологические подходы и парадигмы обладают собственными процессами и языками объяснения, т.к. применяются разными областями знаний. Причем каждая из теорий не может охватить весь спектр вопросов в данной области, акцентируя свое внимание на одном или нескольких аспектах: типологии, происхождении, генезисе и т.д.

Завершая свое исследование, посвященное классификации теорий нации и национализма в зарубежной и отечественной общественно-научной мысли, автором были сделаны следующие выводы:

1. Современный массив литературы о нации и национализме является сложным переплетением типов дискурса – логически оформленных систем аргументаций, выстроенных, с одной стороны, в зависимости от предпочтений, отдаваемых одному из методологических подходов, а с другой – дисциплинарным, междисциплинарным и общенаучным нормативным образцам исследования истории человечества, в теоретических контекстах которых «нация» и «национализм» истолковываются различным образом.

2. В современном совокупном научно-теоретическом дискурсе о нации и национализме исследования проходят в рамках следующих

рассмотренных в диссертации подходах: примордиализма, конструктивизма, инструментализма, функционализма, марксизма, модернизма. Во многих работах эти подходы совмещаются или пересекаются, увеличивая методологический плюрализм националистического дискурса. Выход, по мнению автора данного исследования, в ситуационном, системном подходе, когда категории «нация» и «национализм» рассматриваются в истории и науке различных стран как изменчивые процессы, в изучении которых нужно опираться на различные трактовки, подходящие конкретно под эти ситуации, а также соотнесение с такими явлениями, как идентичность, государство, глобализация.

3. В сущности, каждая из крупных парадигм в данной области внесла свой теоретический вклад, способствовавший улучшению понимания динамики развития наций и национализма. В частности, актуальность примордиализма объясняется его определением национализма через указание на этнические корни и культурную основу последнего. Конструктивизм убедительно обосновал социально - экономические основы рождения национализма, а также приоритетную роль в формировании нации и националистической идеологии государства.

В рамках конструктивизма и инструментализма заслуживает внимания положение ученых о том, что национализм, как определенная идея и способ конструирования социальной реальности, в которой мы существуем, может иметь разные теоретические и идеологические формулировки.

4. Что касается российского поля исследований наций и национализма, то, как было показано, здесь также не хватает консенсуса по многим вопросам. В дореволюционный период теоретические изыскания национальных вопросов проходили в русле двух соперничающих направлений: либерального и консервативного. Начиная со споров западников и славянофилов середины XIX в., заканчивая разногласиями либералов-прогрессистов П.Б. Струве, П.Н. Милюкова с представителями

консервативно-почвеннической позиции, таких как П.И. Ковалевский, М.О. Меньшиков и др. в последние годы существования Российской империи.

По-видимому, есть основания констатировать, что, несмотря на многочисленные заявления современников о «победе» славянофильства или западничества, ни одна из базовых моделей не стала доминирующей. Напротив, устойчивой чертой дискурса русской интеллектуальной элиты оставалось противостояние двух типов интерпретации «идеи нации». Хотя нужно отметить, что на фоне подъема националистических настроений в России до революции сложились благоприятные условия для распространения консервативных идей. «Консервативно-почвеннические» интерпретации «идеи нации» были восприняты широким кругом изданий, они оказывали влияние и на сознание общества, и на государственную политику, особенно при Александре III. С другой стороны, западническо-прогрессистские интерпретации также сохранили влияние и даже упрочились благодаря расширению образованного слоя.

Во второй половине XIX в. оба типа интерпретации были трансформированы вследствие дальнейшего продвижения России по пути модернизации, эволюции литературно-политического спектра, распространения в общественном сознании «националистической картины мира», благодаря новым «интеллектуальным стандартам», внедрявшимся позитивизмом, и т.п. Хотя противостояние либеральных и консервативных интерпретаций оставалось значимым фактором для структурирования российского националистического дискурса, автором были отражены в более полной мере взгляды либеральной интеллигенции на национальный вопрос, т.к. они развивались в духе тех исследований, которые в настоящее время приняты в западных обществоведческих науках, а также перенимаются современными российскими учеными.

5. В советский период дискуссии велись в рамках четко устоявшейся идеологии. Национализм оценивался негативно, а нация считалась высшей

ступеню развития этноса. Главным в этот период были не обсуждения и создание теорий, а политика, которая в полной мере на все это влияла. Советское государство взяло на вооружение национальную политику одновременного объединения и разъединения. СССР было и традиционным мультиэтничным государством и потенциально возможным унитарным государством. Политика коренизации – заручение поддержкой нерусских народов – пример имперской политики, а советизация – пример национальной политики по созданию одной (советской) нации. Тем не менее, долгосрочные меры по поддержке малых и больших этнических общностей привели к появлению наций и национальных государств, которые получили этот статус уже после выхода из СССР. А попытки создания похожих людей со стандартизированными привычками и одинаковой жизнью в рамках политики советизации проводились властью с целью создания более эффективно управляемого общества. Национальная и имперская политика находились в жестком противостоянии в течение всего существования советского государства, осложняясь репрессиями и исключением целых этнических общностей как врагов из «советской нации». В современном трансформирующемся российском обществе осталось много проблем, порожденных противоречивой советской национальной политикой, что сказывается и на исследовательской ситуации национальной проблематики.

6. Категориальный аппарат, которым пользуется современная социальная наука в «национальном вопросе», достался в наследство от обществознания советской поры, поэтому с большим трудом продвигаются теории, отличные в своих методах от советской. Принимая во внимание разработки западных коллег, российские исследователи сосредотачиваются на отечественных реалиях. Националистический дискурс в России решает в настоящее время несколько проблем, которые в некоторой степени пересекаются. В нем сосуществуют и соперничают разные интерпретации того, что есть «нация», то есть на основании каких критериев она

определяется, что отличает нашу нацию от других, кто к ней принадлежит, какими видятся ее прошлое и будущее, ее «проблемы» и «перспективы». В рамках дискуссий о национальной политике национализм (вообще интерпретируемый в России преимущественно как этнический национализм, гражданский национализм часто упоминается в литературе, но лишь как умозрительный проект) несет преимущественно негативные коннотации и получает в целом отрицательные оценки. Аргументация в основном укладывается в диапазон от отождествления национализма с идеями доминирования определенной этнической группы до суждений о национализме как угрозе стабильности многонационального государства.

На взгляд автора данной диссертации, важнейшей задачей власти на современном этапе является сохранение и укрепление единства страны. Государственный приоритет должен быть направлен на формировании такой модели нации, гражданской идентичности, которая базировалась бы на предыдущем только положительном опыте России и СССР, включающем политику взаимообогащения и сохранения этнического многообразия, диалог культур, межэтническую лояльность. Этническая и политическая (россиянин) идентичности должны не конкурировать, а взаимодополнять друг друга.

Список использованных источников и литературы

Опубликованные источники

1. 12-й съезд РКП(б) (17-22 апреля 1923 года): Стенографический отчет. – М.: Госполитиздат, 1968.
2. Восьмой съезд РКП(б). Март 1919 года. Протоколы. - М.: Госполитиздат, 1959.
3. Второй съезд РСДРП, июль — август 1903 г. Протоколы. – М., 1959.
4. Декреты Советской власти. – Т.1. – М., 1957.
5. Десятый съезд РКПб. Протоколы. Март-апрель 1920 г. – М.: Политиздат, 1960.
6. Замечания Сталина на XVI съезде партии в 1930 г. XVI съезд всесоюзной коммунистической партии (б.). Стенографический отчет. – М., 1930.
7. К 100-летию со дня рождения В.И. Ленина. Сборник документов и материалов. – М.: Политиздат, 1970.
8. Конституция Российской Федерации [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.constitution.ru>
9. Конституция (Основной Закон) Союза Советских Социалистических Республик. – М.: Политиздат, 1977.
10. Концепция государственной национальной политики Российской Федерации: Материалы парламент. слушаний, 19 марта 1996 г. / Федер. Собр.-парламент Рос. Федерации, Гос. Дума; [Сост. В. Ю. Зорин и др.]. – М.: ГД: Известия, 1996.
11. Отчетный доклад ЦК КПСС XXIV съезду Коммунистической партии Советского Союза. – М.: Политиздат, 1971.

12. Приказ Минрегиона России от 03.03.2005 г. №24 в соответствии с поручением Правительства Российской Федерации от 31 декабря 2004 г. №МФ-П111-6984
13. Речь Сталина на 10 съезде партии в марте 1921 года: Десятый съезд РКП(б). Март 1921 года. Стенографический отчет. – М., 1963.
14. Тайны национальной политики ЦК РКП. (Четвертое совещание ЦК РКП с ответственными работниками национальных республик и областей в Москве 9-12 июня 1923 г. Москва. Бюро секретариата ЦК РКП, июнь, 1923 г.). – М.: ИНСАН, 1992. – 296 с.
15. Языковая политика в Республике Татарстан. Документы и материалы (20-30 гг.) / Под ред. Ф. М. Султанова и др. – Казань, 1998.

Список литературы

1. Абдулатипов, Р.Г. Национальный вопрос и государственное устройство России / Р.Г. Абдулатипов. – М.: Слав. диалог. – 2000.
2. Абдулатипов, Р.Г. Нация и национализм: добро и зло в национальном вопросе / Р.Г. Абдулатипов. – М.: Слав. диалог, 1998.
3. Абдулатипов, Р.Г. О федеративной и национальной политике Российской Федерации на современном этапе (1994г.) / Р.Г. Абдулатипов // Этнополитология. – СПб.: Питер, 2004.
4. Абдулатипов, Р.Г. Россия на пороге XXI века. Состояние и перспективы федеративного устройства / Р.Г. Абдулатипов. – М.: Славянский диалог, 1996.
5. Абдулатипов, Р.Г. Россия: национальное возрождение и межнациональное сотрудничество. Приоритеты национальной политики / Р.Г. Абдулатипов. – М., 1994.
6. Абдулатипов, Р.Г. Создание российской нации. (Проект для XXI века) / Р.Г. Абдулатипов. – Российская газета. – 2008. – 28 августа.
7. Абдулатипов, Р.Г. Сущность нации-этноса: ответ сторонникам безнациональности / Р.Г. Абдулатипов. – М., 1999.
8. Абдулатипов, Р.Г. Человек. Нация. Общество / Р.Г. Абдулатипов. – М.: Политиздат, 1991.
9. Абдулатипов, Р.Г. Этнополитология / Р.Г. Абдулатипов. – СПб.: Питер, 2004.
10. Абдулатипов, Р.Г. Этот укус смертелен! Мой ответ националистам! (Полемика с Александром Севастьяновым) / Р.Г. Абдулатипов // НГ-Сценарии. – 2000. – 9 февраля.
11. Авдеев, В.Б. Раса и этнос / В.Б. Авдеев, А.Н. Севастьянов. – М.: Книжный мир, 2007.

12. Авксентьев, А.В. Этнические проблемы современности и культура межнационального общения. / А.В. Авксентьев, В.А. Авксентьев / Под ред. В.А. Шаповалова. – Ставрополь: СГПИ, 1993.
13. Аклаев, А.Р. Этнополитическая конфликтология : анализ и менеджмент : учеб. пособие / А.Р. Аклаев. – М.: Дело, 2008.
14. Амелин, В.В. Вызовы мобилизованной этничности. Конфликты в истории советской и постсоветской государственности. / В.В. Амелин. – М.: Институт этнологии и антропологии РАН, 1997.
15. Амелин, В.В. О сети этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов. [Электронный ресурс] / В.В. Амелин. – Режим доступа: http://www.valerytishkov.ru/cntnt/nauchnaya_/set_etnolo1/o_seti_etn.html
16. Ананченко, Н.П. От нации к интернациональной общности людей / Н.П. Ананченко // Вопросы истории. – 1967. – №3.
17. Андерсон, Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма / Б. Андерсон / Пер. с англ. В. Николаева. – М.: Канон-Пресс, 2001.
18. Анттикоски, Э. Стратегии карельского языкового планирования в 1920-е – 1930-е гг. / Э. Анттикоски // В семье единой: национальная политика партии большевиков и её осуществление на Северо-Западе России в 1920 – 1950-е годы. – Петрозаводск, 1998. – С. 207-222.
19. Артемов, А. Grimасы национализма / А. Артемов // Посев. – 1994. – №4. – С. 34–43.
20. Арутюнов, С.А. Федерализм, этничность и политика аффирмативных действий / С.А. Арутюнов // Профессионалы за сотрудничество. – М., 1998. Вып. 2. – С. 15-25.
21. Арутюнов, С.А. Классификационное пространство этнической типологии / С.А. Арутюнов // Советская этнография. – 1986. – №4. – С. 58-64.

22. Арутюнов, С.А. НКА не может стать альтернативой территориальной автономии / С.А. Арутюнов // Национально-культурная автономия: проблемы и суждения. – М., 1998.
23. Арутюнян, С.М. Нация и ее психический склад / С.М. Арутюнян. – Краснодар, 1966.
24. Арутюнян, Ю.В. Этносоциология / Ю.В. Арутюнян, Л.М. Дробижева, А.А. Сусоколов. – М.: Аспект-Пресс, 1999.
25. Архипов, И. Брызги шотландского / И. Архипов // Русский Newsweek. – 2007. – № 20. – С. 31-32.
26. Ассиметричная Федерация. Взгляд из Центра, республик и областей // Отв. ред. Л.М. Дробижева. – М., 1998.
27. Баберовски, Й. Сталинизм и нация: Советский Союз как многонациональное государство, 1917-1953 [Электронный ресурс] / Й. Баберовски // Ab imperio. – 2006. – №1. – Режим доступа: <http://abimperio.net/cgi-bin/aishow.pl?state=showa&idart=1544&idlang=2&Code=0Qdc3DplqU4puM4Fo3g0ml0YC>
28. Бабурин, С.И. Территория государства: правовые и геополитические проблемы / С.И. Бабурин. – М.: Изд-во Московского университета, 1997. Баграмов, Э.А. Ленинская национальная политика: достижения и перспективы / Э.А. Баграмов. – М.: Мысль, 1977.
29. Баграмов, Э.А. Национальные идеи в евразийском контексте / Э.А. Баграмов // Россия в XX веке. Проблемы национальных отношений / Отв. ред. А.Н. Сахаров и В.А. Михайлов. – М.: Наука, 1997. – С. 64-88.
30. Баграмов, Э.А. Национальный вопрос в борьбе идей / Э.А. Баграмов. – М.: Политиздат, 1982.
31. Баграмов, Э.А. Нация как согражданство? К оценке новой государственной концепции / Э.А. Баграмов // Независимая газета. – 1994. – 15 марта.

- 32.Балибар, Э. Раса, Нация, Класс / Э. Балибар, И. Валлерстайн. – М.: Лого2, 2004.
- 33.Бауэр, О. Национальный вопрос и социал-демократия / О. Бауэр // Нации и национализм. – М.: Праксис, 2002. – С. 52–121.
- 34.Белинский, В.Г. Взгляд на русскую литературу 1846 года / В.Г. Белинский // Полн. собр. соч. – М., 1953-1959. – Т.10.
- 35.Белинский, В.Г. Россия до Петра Великого. – Русская идея. / В.Г. Белинский. / Сост. и автор вступ. статьи М.А. Маслин. – М.: Республика. – С. 73–90.
- 36.Бергер, П. Социальное конструирование реальности: Трактат по социол. знания. / П. Бергер, Т. Лукман. – М.: Моск. филос. фонд, 1995.
- 37.Бердяев, Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма / Н.А. Бердяев. – М., 1990.
- 38.Бердяев, Н.А. Русская идея. Судьба России / Н.А. Бердяев. – М.: В. Шевчук, 2000.
- 39.Беркович, Н.А. Племя, народность, нация: Соц.-филос. исслед / Н.А. Беркович. – СПб.: Наука, 2001.
- 40.Беркович, Н.А. Советский народ как принципиально новая социальная и интернациональная общность людей / Н.А. Беркович. // Образование СССР – торжество ленинской национальной политики. – Пятигорск, 1972. – С. 294-300.
- 41.Биография Р.Г. Абдулатипова. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://abdulatipov.ru/index.htm>
- 42.Богораз(-Тан), В.Г. О первобытных племенах / В.Г. Богораз(-Тан) // Жизнь национальностей. – 1922. – №1. – С. 130.
- 43.Богораз(-Тан), В.Г. Об изучении и охране окраинных народов / В.Г. Богораз(-Тан) // Жизнь национальностей. – 1923. – №3/4. – С.168-177.
- 44.Бородай, Ю. От империи к национальному единству / Ю.Бородай // Воскресение: Новая Россия. – 1994. – №3-4. – С. 78–83.

45. Бройи, Дж. Национализм и государство / Дж. Бройи. – М., 1992.
46. Бройи, Дж. Подходы к исследованию национализма / Дж. Бройи // Нации и национализм. – М.: Праксис, 2002. – С. 201–236.
47. Бромлей, Ю.В. Еще раз к вопросу типологизации этносоциальных общностей / Ю.В. Бромлей // Советская этнография. – 1986. – №6. – С. 59-66.
48. Бромлей, Ю.В. К разработке понятийно-терминологических аспектов национальной проблематики / Ю.В. Бромлей // Советская этнография. – 1989. – №6. – С. 3-17.
49. Бромлей, Ю.В. Этнос и этнография / Ю.В. Бромлей. – М., 1973.
50. Брубейкер, Р. Мифы и заблуждения в изучении национализма [Электронный ресурс] / Р. Брубейкер // Ab imperio. – 2000. – №1,2. – Режим доступа: <http://www.abimperio.net/cgiin/aishow.pl?state=showa&idart=620&idlang=2&Code=PXtaunjsEmY3sML9Vhzt0Pfzo>
51. Булгаков, С.Н. Нация и человечество // Сочинения: в 2 т. Т.2. / С.Н. Булгаков. – С. 644-654.
52. Булгаков, С.Н. Размышления о национальности // Сочинения: в 2 т. Т.2. / С.Н. Булгаков. – М, 1993. – С.427-435.
53. Бурмистрова, Т.Ю. Теория социалистической нации / Т.Ю. Бурмистрова. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1970.
54. Варнавский, П. Границы советской бурятской нации: “национально-культурное строительство” в Бурятии в 1926-1929 гг. в проектах национальной интеллигенции и национал-большевиков / П. Варнавский // Ab Imperio. – 2003. – № 1. – С. 149-176.
55. Вдовин, А.И. Особенности этнополитических отношений и формирование новой государственности в России (исторические и концептуальные аспекты). / А.И. Вдовин. – М., 1993.

56. Вдовин, А.И. Этнополитика и формирование новой государственности в России / А.И. Вдовин // Кентавр. – 1994. – №1. – С.3-11.
57. Вебер, М. Избранное. Образ общества / М. Вебер. – М.: Юрист, 1994. – 702с.
58. Вейнгольд, Ю.Ю. Некоторые аспекты изучения общности «Советский народ» / Ю.Ю. Вейнгольд // Образование СССР – торжество ленинской национальной политики. – Киев: Изд-во Киев. ун-та, 1972.
59. Вердери, К. Куда идут «нация» и «национализм»? / К. Вердери // Нации и национализм. – М.: Праксис, 2002. – С.297-308.
60. Витте, С.Ю. Избранные воспоминания, 1849-1911 / С.Ю. Витте. – М.: Мысль, 1991. – 708с.
61. Вишневский, А. Может ли Юг двинуться на Север? [Электронный ресурс] / А. Вишневский. – Режим доступа: <http://www.demoscope.ru/weekly/039/tema02.php>
62. Воронков, В.М. Приватизация этничности vs «национальная политика» / В.М. Воронков // Куда пришла Россия?.. Итоги социетальной трансформации / Под ред. Т.И. Заславской. – М.: МВШСЭН, 2003.
63. Галкин, А.А. Суперэтнизм как глобальная проблема / А.А. Галкин // Свободная мысль. – 1994. – №5. – С. 20–29.
64. Геллнер, Э. Нации и национализм / Э. Геллнер / Пер. с англ. Т.В. Бердиковой, М.К. Тюнькиной. – М.: Прогресс, 1991.
65. Геллнер, Э. Национализм возвращается / Э. Геллнер // Новая и новейшая история. – 1989. – №5. – С. 55–62.
66. Геллнер, Э. О природе национализма / Э. Геллнер // Знание – сила. – 1990. – №7. – С. 1–5.
67. Геллнер, Э. Пришествие национализма. Мифы нации и класса / Э. Геллнер // Нации и национализм. – М.: Праксис, 2002. – С. 146–201.

68. Гердер, И.Г. Идеи к философии истории человечества / И.Г. Гердер. – М.: Наука, 1977.
69. Гладко, В. Сознание собственной неосознанности [Электронный ресурс] / В. Гладко // Режим доступа: <http://www.Rednews.ru>
70. Глебов, С. Читая Р. Брубэйкера [Электронный ресурс] / С. Глебов // Ab Imperio. – 2000. – № 1. – Режим доступа: <http://abimperio.net/cgi-bin/aishow.pl?state=showa&idart=619&idlang=2&Code=dCJPу8KKXW3pXdrJSPpRZfzwJ>
71. Глезерман Г.Е. Классы и нации / Г.Е. Глазерман. – М.: Политиздат, 1971.
72. Голошумов, Е.В. Национальные интересы и национальная идея в современной России / Е.В. Голошумов. – М., 1998.
73. Гранин, Ю.Д. Глобализация и национализм: история и современность. Социально-философский анализ : дис ... доктора философ. наук : 09.00.11 / Гранин Ю.Д. – М.: ИФ РАН, 2008.
74. Гранин, Ю.Д. Этнос, национальное государство и формирование российской нации / Ю.Д. Гранин. – М.: ИФ РАН, 2007.
75. Губогло, М.Н. Идентификация идентичности: Этносоциологические очерки / М.Н. Губогло. – М.: Наука, 2003.
76. Губогло, М.Н. Может ли двуглавый орел летать с одним крылом? Размышления о законотворчестве в сфере межгосударственных отношений / М.Н. Губогло. – М.: РАН, ЦИМО, 2000.
77. Губогло, М.Н. Три линии национальной политики в посткоммунистической России / М.Н. Губогло // Этнографическое обозрение. – 1995. – №5. – С.110–124.
78. Губогло, М.Н. Языки межэтнической мобилизации / М.Н. Губогло. – М., 1998.
79. Гумилев, Л.Н. Этногенез и биосфера Земли / Л.Н. Гумилев. – М.: АСТ Москва, 2008.

80. Гумилев, Л.Н. Этносы: мифы и реальность / Л.Н. Гумилев // Дружба народов. – 1988. – №10. – С. 218-231.
81. Джунусов, М.С. Введение в марксистско-ленинскую теорию нации / М.С. Джунусов. – Ашхабад: Ылым, 1988.
82. Джунусов, М.С. Нация как социально-этническая общность / М.С. Джунусов // Вопросы истории – 1966. – №4. – С. 16-30.
83. Драгунский, Д. Национализм – самый прожорливый миф нашего времени / Д. Драгунский // Новое время. – 2000. – 30 апреля. – С. 42–46.
84. Дробижева, Л.М. Возможность либерального национализма / Л.М. Дробижева // Реальность этнических мифов / Под ред. А. Малашенко и М.Б. Олкотт; Московский центр Карнеги. – М.: Гендальф, 2000. – С. 77-91.
85. Дробижева, Л.М. Демократизация и образы национализма в Российской Федерации в 90-е годы / Л.М. Дробижева, А.Р. Аклаев [и др.]. – М.: Мысль, 1996.
86. Дробижева, Л.М. Интеллигенция и национализм: опыт постсоветского пространства / Л.М. Дробижева // Этничность и власть в полиэтничных государствах. – М.: Наука, 1994.
87. Дробижева, Л.М. (ред). Национальное сознание и национализм в Российской Федерации начала 1990-х годов / Л.М. Дробижева. – М., 1994.
88. Дробижева, Л.М. Социально-культурная дистанция как фактор межэтнических отношений / Л.М. Дробижева // Идентичность и конфликт в постсоветских государствах / под ред. М.Б. Олкотт, В. Тишкова и А. Малашенко. – М.: Московский центр Карнеги, 1997. – С.43-63.

89. Дробижева, Л.М. Социальные проблемы межнациональных отношений в постсоветской России / Л.М. Дробижева. – М.: Центр общечеловеческих ценностей, 2003.
90. Дробижева, Л.М. Этнические аспекты изучения социальной дифференциации / Л.М. Дробижева // Социальное неравенство этнических групп: представления и реальность / Авт. проекта и отв. ред. Л.М. Дробижева. – М.: Academia, 2002.
91. Евдокимов, П.Г. Проблемы национального самосознания в исторической общественной мысли / П.Г. Евдокимов. – Волгоград, 1990.
92. Ефимов, Л.В. О направлениях в изучении наций / Л.В. Ефимов // Новая и новейшая история. – 1967. – №4. – С. 31-42.
93. Жириновский, В.В. Иван, запахни душу! / В.В. Жириновский. – М.: ЛДПР, 2003.
94. Здравомыслов, А.Г. Межнациональные конфликты в постсоветском пространстве / А.Г. Здравомыслов. – М.: Аспект-Пресс, 1999.
95. Здравомыслов, А.Г. Национальный вопрос и демократизация российского политического пространства / А.Г. Здравомыслов // Куда пришла Россия?..Итоги социальной трансформации. – М.: МВШСЭН, 2003.
96. Здравомыслов, А.Г. Релятивистская теория нации / А.Г. Здравомыслов // Свободная мысль. – 1999. – №1. – С. 64–78.
97. Здравомыслов, А.Г. Священность этноса или релятивизм национальной конструкции [Электронный ресурс] / А.Г. Здравомыслов // Режим доступа: <http://www.nationalism.org/library/>
98. Золотарев, Д.А. Этнический состав населения Северо-Западной области и Карельской АССР / Д.А. Золотарев. – Л., 1926.

99. Зорин, А.Ф. Русский национализм как социально-политический феномен постсоветского периода: дис... кандидата политических наук: 23.00.02. / А.Ф. Зорин. – М.: РГБ, 2007.
100. Зорин, В.Ю. Национальная политика в России. История, проблемы, перспективы / В.Ю. Зорин. – М., 2003.
101. Ильин, И.А. О воспитании национальной элиты / И.А. Ильин. – М.: Жизнь и мысль, 2001.
102. Ильин, И.А. О русской идее // Собр. соч.: в 10 т. Т.2. Кн.1 / И.А. Ильин. – М.: Русская книга, 1993. – С.419-431.
103. Иордан, М.В. Интернационализм против национализма / М.В. Иордан. – М., 1980.
104. Иорданский, В.Б. Этнос и нация / В.Б. Иорданский // Международная экономика и международные отношения. – 1992. – №3. – С. 72–90.
105. Ипполитова, А.Г. Семантика национализма в культуре современной России / А.Г. Ипполитова. – СПб.: Нестор, 2006.
106. Исторические исследования в России. Тенденции последних лет. – М., 1996.
107. Исупов, А.А. Национальный состав населения СССР / А.А. Исупов. – М.: Статистика, 1964.
108. Кавелин, К.Д. Наш умственный строй. Статьи по философии русской истории и культуры / К.Д. Кавелин. – М.: Правда, 1989.
109. Кагиян, С.Г. Нации, этносы и национализм: социально-философский анализ этно-национального дискурса: дис...доктора философ. наук: 09.00.11. / С.Г. Кагиян. – М.: РГБ, 2005.
110. Калтахчян, Н.М. Ленинская теория нации и ее фальсификаторы / Н.М. Калтахчян, С.Т. Калтахчян. – М., 1973.

111. Калтахчян, С.Т. Ленинизм о сущности нации и пути образования интернациональной общности людей / С.Т. Калтахчян. – М.: Изд-во МГУ, 1976.
112. Каммари, М.Д. Расцвет социалистических наций и их сближение в период перехода от социализма к коммунизму / М.Д. Каммари. – Львов, 1961.
113. Кандель, П. О национализме с человеческим лицом / П. Кандель // Pro et contra. – 1998. – Т.3. – №3. – С. 124–135.
114. Кант, И. Сочинения. Т.6. / И. Кант // Под общ. ред. В.Ф. Асмуса и др. – М.: Мысль, 1966.
115. Карасев, М. База радикалов // «Newtimes». – 2009. – №10 (106). – 16 марта.- [Электронный ресурс] / М. Карасев. – Режим доступа: <http://newtimes.ru/articles/detail/2876/>
116. Карлов, В.В. Этнонациональная рефлексия и предмет этнологии / В.В. Карлов // Этнографическое обозрение. – 2000. – №4. – С. 3–21.
117. Касьянова, К. Особенности русского национального характера / К. Касьянова. – М., 1994.
118. Ким, М.П. Советский народ - Новая историческая общность людей / М.П. Ким. – М., 1972.
119. Киреевский, И.В. В ответ А.С. Хомякову. [Электронный ресурс]. / И.В. Киреевский.– Режим доступа: http://www.az.lib.ru/k/kireewskij_i_w/text_0080.shtml. - Т. 1.
120. Кирьянов, Ю.И. Правые партии в России. 1911-1917 / Ю.И. Кирьянов. – М.: Российская политическая энциклопедия, 2001.
121. Киселев, Н.М. К вопросу о понятии «Советский народ» / Н.М. Киселев. // Советский народ – новая историческая общность людей. – Волгоград, 1961. – С. 94-98.

122. Князев, Л.Н. Самосознание интернациональной общности советских людей / Л.Н. Князев // Советский народ – новая историческая общность людей. – Волгоград, 1961. – С. 117-119.
123. Ковалевский, П.И. Русский национализм и национальное воспитание в России / П.И. Ковалевский. – М.: Книжный мир, 2006.
124. Козлов, В.И. Национализм и этнический нигилизм / В.И. Козлов // Свободная мысль. – 1996. – №6. – С. 98–108.
125. Козлов, В.И. О классификации этнических общностей. – Исследования по общей этнографии / В.И. Козлов. – М.: Наука, 1979.
126. Козлов, В.И. От первобытности до современности / В.И. Козлов // Советская этнография. – 1986. – №4. – С. 64-69.
127. Кокшаров, Н.В. Этничность. Этнос. Нация. Национализм. [Электронный ресурс]. / Н.В. Кокшаров. – Режим доступа: <http://www.credonew.ru/content/view/305/27/>
128. Кольев, А. Национальный проект и «консервативная революция» [Электронный ресурс] / А. Кольев // Золотой лев. – 1998. – №1–2. – Режим доступа: <http://www.zlev.ru/index.php?>
129. Кон, И.С. Диалектика развития нации / И.С. Кон // Новый мир. – 1970. – №3. – С. 133-149.
130. Кон, Х. Идея национализма / Х. Кон // Ab Imperio. – 2001. – №3. – С. 419-450.
131. Конфликтная этничность и этнические конфликты. / Под ред. Л.М. Дробижевой. – М., 1994.
132. Кордонский, С.Г. Нации: мифы, реальность и будущее / С.Г. Кордонский // Энергия: экономика, техника, экология. – 1990. – №12. – С. 20–25.
133. Коротеева, В.В. «Воображенные», «изобретенные» и «сконструированные» нации: метафора в науке / В.В. Коротеева // Этнографическое обозрение. – 1993. – №3.

134. Коротеева, В.В. Существуют ли общепринятые истины о национализме? / В.В. Коротеева // Pro et Contra. – 1997. – Т.2. – № 3. – С. 185-203.
135. Коротеева, В.В. Теория национализма в зарубежных социальных науках / В.В. Коротеева. – М.: РГГУ, 1999.
136. Коротеева, В.В. Экономические интересы и национализм / В.В. Коротеева. – М.: РГГУ, 2000.
137. Кошман, А.Л. Подходы к изучению национальной идеи в современной западной социологии / А.Л. Кошман // Вестник МГУ. Сер. 18. – 2002. – № 3. – С. 147–157.
138. Кравченко, С.А. Социология: парадигмы и темы / С.А. Кравченко, М.О. Мнацаканян, Н.Е. Покровский. – М., 1997.
139. Крюков, М.В. Еще раз об истинных типах этнических общностей / М.В. Крюков // Советская этнография. – 1986. – №3. – С. 58–69.
140. Кудрявцев, И.Е. Национальное «я» и политический национализм / И.Е. Кудрявцев // Полис. – 1997. – №2. – С. 77–94.
141. Куличенко, М.И. Национальные отношения в СССР и тенденции их развития / М.И. Куличенко. – М.: Мысль, 1972.
142. Куличенко, М.И. Расцвет и сближение наций в СССР. Проблемы теории и методологии / М.И. Куличенко. – М.: Наука, 1981.
143. Лаптева, Ю.И. Политический национализм в современной России (1990-2005 гг.) : тенденции и противоречия : дис...кандидата полит. наук: 23.00.02. / Ю.И. Лаптева. – М.: РГБ, 2007.
144. Левкоев, А.А. Национально-языковая политика финского руководства советской Карелии (1920 – 1935) / А.А. Левкоев //: Препринт / РАН Кар. науч. центр. Ин-т яз., лит. и истории. – Петрозаводск, 1992. (Науч. докл.).
145. Ленин, В.И. История национально-государственного строительства в СССР / В.И. Ленин. – М., 1968.

146. Ленин, В.И. Критические заметки по национальному вопросу // Полн. собр. соч. Т. 24. / В.И. Ленин. – М., 1968.
147. Ленин, В.И. Об образовании СССР // Полн. собр. соч. Т. 45. / В.И. Ленин. – М., 1968.
148. Линц, Х. «Государственность», национализм и демократия / Х. Линц, А. Степан // ПОЛИС: Политические исследования. – 1997. – №5. – С.9–28.
149. Лосский, Н.О. Характер русского народа / Н.О. Лосский // Условия абсолютного добра. – М.: Политиздат, 1991. – С.238-360.
150. Лурье, С.В. Монологи из тюрьмы народов. Гл.1. Теоретические подходы [Электронный ресурс] / С.В. Лурье. – Режим доступа: <http://www.svlourie.narod.ru/ethn-relations/>
151. Лурье, С.В. Национализм, этничность, культура / С.В. Лурье // Общественные науки и современность. – 1999. – №4. – С. 101–111.
152. Малахов, В.С. Вызов национальному государству / В.С. Малахов // Pro et Contra. – 1998. – Т.3. – №2. – С.141-154.
153. Малахов, В.С. Государство в условиях глобализации / В.С. Малахов. – М.: КДУ, 2007.
154. Малахов, В.С. Иноходец [Электронный ресурс] / В.С. Малахов // Отечественные записки. – 2004. – №3. – Режим доступа к журн.: <http://magazines.russ.ru/oz/>
155. Малахов, В.С. Лекарство от этноцентризма / В.С. Малахов // Ex libris НГ. Литературное приложение к «Независимой газете» – 2000. – 2 ноября.
156. Малахов, В.С. Ловушка антирасизма. [Электронный ресурс] / В.С. Малахов. – Режим доступа: <http://www.russ.ru>.
157. Малахов, В.С. Национализм как политическая идеология / В.С. Малахов. – М.: КДУ, 2005.

158. Малахов, В.С. «Национальная политика» как феномен политической речи / В.С. Малахов // Понаехали тут....Очерки о национализме, расизме и культурном плюрализме. – М.: Новое литературное обозрение, 2007. – С. 47-66.
159. Малахов, В.С. Нация и культурный плюрализм / В.С. Малахов // Независимая газета (НГ-Сценарии). – 1997. – 14 июня.
160. Малахов, В.С. Ностальгия по идентичности / В.С. Малахов // Логос: философско-литературный журнал. – 1999. – № 3. – С. 8-12.
161. Малахов, В.С. О националистическом дискурсе / В.С. Малахов // Pro et contra. – 1999. – Т.4. – №1. – С. 129–132.
162. Малахов, В.С. Осуществим ли в России русский проект? / В.С. Малахов // Отечественные записки. – 2002. – №3(4). – С.141-154.
163. Малахов, В.С. Преодолимо ли этноцентричное мышление? // Расизм в языке социальных наук / В.С. Малахов. / Под ред. В. Воронкова, О. Карпенко, А. Осипова. – СПб.: Алетейа, 2002. – С. 9-22.
164. Малахов, В.С. Скромное обаяние расизма / В.С. Малахов. – М.: Дом интеллектуальной книги, 2001.
165. Малахов, В.С. Современный русский национализм / В.С. Малахов // Мыслящая Россия. Картография современных интеллектуальных направлений. – М.: Некоммерческий фонд «Наследие Евразии», 2006.
166. Малахов, В.С. Существует ли демократический национализм? [Электронный ресурс] / В.С. Малахов. – Режим доступа: <http://www.russ.ru:8080/journal/peresmot/98-02-12/malah.htm>. .
167. Малинкин, А.Н. «Новая российская идентичность»: Исследование по социологии знания [Электронный ресурс] / А.Н. Малинкин // Социологический журнал. – 2001. – №4. – Режим доступа к журн.: <http://nationalism.org/library/>

168. Малинова, О.Ю. Конструирование идентичности: возможности и ограничения / О.И. Малинова // Pro et contra. – 2007. – Т.11. – №3. – С. 60-65.
169. Малинова, О.И. Либеральный национализм (середина XIX - начало XX века). / О.И. Малинова. – М.: РИК Русанова, 2000.
170. Малинова, О.И. Национальная самобытность и прогресс: интерпретации «идеи нации» в пореформенной России / О.И. Малинова // Космополис. – 2005/2006. – №4(14). – С. 59-83.
171. Малинова, О.И. Образы Запада и модели русской идентичности в дискуссиях середины XIX века / О.И. Малинова // Космополис. – 2005. – №2 (12). – С. 38-59.
172. Малинова, О.И. Партийные идеологии в России: атрибут или антураж? / О.И. Малинова // Полис. – 2001. – № 5. – С. 97-106.
173. Манн, М. Нации-государства в Европе и на других континентах: разнообразие форм, развитие, неугасание / М. Манн // Нации и национализм. – М.: Праксис, 2002. – С. 381-410.
174. Маркс, К. Тезисы о Фейербахе // Соч. 2-е изд. / К. Маркс, Ф. Энгельс. – М., 1953. – Т.3.
175. Мартин, Т. Империя позитивного действия: Советский Союз как высшая форма империализма? [Электронный ресурс] / Т. Мартин // Ab Imperio. – 2002. – № 2. – Режим доступа: <http://abimperio.net/cgi-bin/>
176. Марченко, Г.И. Методологические подходы к исследованию этнополитических явлений / Г.И. Марченко // Вестник МГУ. Сер. Политические науки. – 1995. – №1. – С. 5–16.
177. Марчилдон, Г.И. Размышляя о болезнях национализма и сепаратизма / Г.И. Марчилдон // США. Экономика, политика, идеология. – 1993. – №4. – С. 22–26.
178. Материалы VIII Международной конференции африканистов, секции XII «Север и Юг в преддверии новой эры». – М., 1999.

179. Махнач, В.Л. Нация и национализм. [Электронный ресурс]: лекция / В.Л. Махнач. – Режим доступа: <http://www.mahnach.by.ru/>
180. Межуев, В.М. Нация и государство / В.М. Межуев // Россия на новом рубеже. - М.: Горбачев-фонд, Изд-во «Апрель-1985», 1995. – С. 133-153.
181. Мельников, А.Н. Нация: фантом или реальность / А.Н. Мельников // Советская этнография. – 1991. – №6. – С. 133-134.
182. Мельников, А.Н. Размышления о нациях. Опыт перестройки понимания национального развития / А.Н. Мельников. – Барнаул, 1989.
183. Миллер, А.И. «Украинский вопрос» в политике властей и русском общественном мнении (вторая половина XIX века) / А.И. Миллер. – СПб., 2000.
184. Миллер, А.И. Империя Романовых и национализм: Эссе по методологии исторического исследования / А.И. Миллер. – М.: Новое литературное обозрение, 2006.
185. Миллер, А.И. Национализм и империя / А.И. Миллер. – М.: ОГИ, 2005.
186. Миллер, А.И. Национализм и формирование нации. Теоретические исследования 80-90-х годов / А.И. Миллер // Политическая паука. Нация и национализм. – М., 1999. – С. 5-18.
187. Миллер, А.И. Национализм как теоретическая проблема (Предварительные итоги) / А.И. Миллер // Национализм и формирование наций (теории - модели - концепции). – М., 1994. – С. 1-12.
188. Миллер, А.И. Национализм как теоретическая проблема. (Ориентация в новой исследовательской парадигме) / А.И. Миллер // ПОЛИС: Политические исследования. – 1995. – № 6. – С. 55–61.

189. Миллер, А.И. О дискурсивной природе национализмов / А.И. Миллер // Pro et contra. – Т.2. – №4. – С. 141–152.
190. Миллер, А.И. Украина как национализирующееся государство / А.И. Миллер // Pro et Contra. – 1997. – Т.2. – №2. – С. 85-98.
191. Милуков, П.Н. Национальный вопрос: (происхождение национальности и национальные вопросы в России) / П.Н. Милуков. – М., 1925.
192. Михайлов, В.А. К дискуссии о проблеме российской идентичности [Электронный ресурс] / В.А. Михайлов, Н.В. Михайлова // Вестник Российской нации. – Режим доступа: <http://rosnation.ru/index.php>
193. Мнацаканян, М.О. Интегрализм и национальная общность как социальная реальность / М.О. Мнацаканян // СОЦИС: Социологические исследования. – 2001. – №3. – С. 74–76.
194. Мнацаканян, М.О. Нации и национализм. Социология и психология национальной жизни / М.О. Мнацаканян. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2004.
195. Мнацаканян, М.О. Национализм и глобализм. Национальная жизнь в современном мире / М.О. Мнацаканян. – М.: Анкил, 2008.
196. Моисеев, Н. Время определить национальные идеи / Н. Моисеев // Россия на новом рубеже. – М.: Горбачев-фонд, Изд-во «Апрель-1985», 1995. – С. 13-58.
197. Морозов, М.А. Нация в социалистическом обществе / М.А. Морозов. – М., 1979.
198. Морозов, П.С. Кому опасен русский национализм? [Электронный ресурс] / П.С. Морозов. – Режим доступа: <http://www.olmer1.newmail.ru/>
199. Мультикультурализм и трансформация постсоветских обществ. / Под ред. В.С.Малахова и В.А.Тишкова. – М.: Институт этнологии и антропологии РАН, 2002.

200. Мухаметшина, Н.С. Трансформации национализма и "символьная элита": Российский опыт: дис... доктора полит. наук: 23.00.02. / Н.С. Мухаметшина. – Самара: Самар. ун-т, 2003.
201. Национализм в мировой истории / под ред. В.А. Тишкова, В.А. Шнирельмана; Ин-т этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН. – М.: Наука, 2007. – 601с.
202. Национализм и демократия – коллизии века. Самоопределение или единение // Мировое политическое развитие. Век XX. – М., 1995.
203. Национальная политика России: история и современность. – М., 1997.
204. Национальное самосознание и национализм в Российской Федерации начала 1990-х годов. – М., 1994.
205. Национально-культурные автономии и объединения. Историография. Политика. Практика. Антология в 3 т. – М., 1995.
206. Национальные процессы и международные противоречия в СССР и Восточной Европе // Международная экономика и международные отношения. – 1992. – №1. – С. 82–94.
207. Неизбежность империи: Сб. по проблемам российской государственности. / Под ред. А.Н. Савельева. – М., 1996.
208. Нейрн, Т. Интернационализм и второе пришествие / Т. Нейрн // Нации и национализм. – М.: Праксис, 2002. – С. 347–364.
209. Новикова, Л.Г. Советская национальная политика в оценках трех западных историков / Л.Г. Новикова // Отечественная история. – 2006. – №4. – С. 140-145.
210. Нодия, Г. Национализм и демократия [Электронный ресурс] / Г. Нодия // Русский журнал (электронная версия). – 1997. – Режим доступа: <http://www.russ.ru/antolog/predely/4/dem1-1.htm>
211. Ортега-и-Гассет, Х. Восстание масс. [Электронный ресурс]. / Х. Ортега-и-Гассет. – Режим доступа: <http://www.PHILOSOPHY.ru/library/>

212. Осипов, А.Г. Идеологический фактор в процессе формирования самосознания малых этнических групп / А.Г. Осипов // Права и статус национальных меньшинств в бывшем СССР. – М., 1993.
213. Панарин, А. Север-Юг. Сценарии обозримого будущего / А. Панарин // Наш современник. – 2003. – №5.
214. Панарин, С. Национально-культурное возрождение в республиках и территориальная целостность России / С. Панарин // Вестник Евразии. – 2006. – №1. – С.45-57.
215. Пастухов, В.Б. Национальные и государственные интересы России: игра слов или игра в слова / В.Б. Пастухов // ПОЛИС: Политические исследования. – 2000. – №1.
216. Пименов, В.В. Понятие «этнос» в теоретической концепции Ю.В. Бромлея / В.В. Пименов // Академик Ю.В. Бромлей и отечественная этнология. 1960-1990-е годы. / Отв. ред. С.Я. Козлов. – М., 2003. – С. 17-56.
217. Покшишевский, В.В. География населения / В.В. Покшишевский. – М., 1971.
218. Полякова, Е.Ю. Ирландия – разделенная нация / Е.Ю. Полякова // Национализм в мировой истории. – М.: Наука, 2007. – С. 143–172.
219. Понарин, Э.Д. Национальные проблемы на постсоветской территории. / Э.Д. Понарин, Н.С. Мухаметшина. – СПб.: Издательство Европейского Университета в Санкт-Петербурге ТЦ «Борей-Арт», 2001.
220. Попов, П.Л. О понятии «нация» / П.Л. Попов // География и природные ресурсы. – 1997. – №2. – С. 147–157.
221. Поппер, К. Открытое общество и его враги / К. Поппер. – М.: Феникс, Международный фонд «Культурная инициатива», 1992.
222. Проблемы управления в сфере межнациональных отношений // Под ред. С.И. Замогильного. – Саратов, 1998.

223. Резолюция Всероссийского Археолого-этнографического совещания // Советская этнография. – 1932. – №3.
224. Рогачев, П.М. Нация, народ, человечество / П.М. Рогачев, М.А. Свердлин. – М.: Политиздат, 1967.
225. Росенко, М.Н. Нации в современном обществе – теоретико-методологический анализ [Электронный ресурс] / М.Н. Росенко. – Режим доступа: <http://nationalism.org/library/science/>
226. Русын, В. Что следует знать о нациях и национализме [Электронный ресурс] / В. Русын. – Режим доступа: <http://www.norma-press.donetsk.ua>
227. Руткевич, М.Н. Теория нации: философские вопросы / М.Н. Руткевич // Вопросы философии. – 1999. – №5. – С. 19–33.
228. Рыбаков, С.Е. Анатомия этнической деструктивности / С.Е. Рыбаков // Вестник МГУ. Сер. 18. – 2001. – №3. – С. 26–53.
229. Рыбаков, С.Е. Национализм и нация / С.Е. Рыбаков // Этнографическое обозрение. – 1999. – №4. – С. 3–17.
230. Савинова, Н.В. Российский национализм и немецкие погромы в России в годы Первой мировой войны: 1914-1917 гг.: дис...кандидата ист. наук: 07.00.02. // Н.В. Савинова. – СПбГУ, 2008.
231. Садохин, А.П. Этнология / А.П. Садохин. – М.: Гардарики, 2002.
232. Самурский, Н. Дагестан / Н. Самурский. – М.-Л., 1925.
233. Сафаров, Г. Колониальная революция и опыт Туркестана / Г. Сафаров. – М., 1921.
234. Сахаров, А.Н. О трагической закономерности национализма / А.Н. Сахаров // Свободная мысль. – 1994. – №6. – С. 13–26.
235. Севастьянов, А.Н. Русское национальное государство: «рай для своих» или «лавка смешных ужасов»? / А.Н. Севастьянов // Политический класс. – 2008. – № 41. – Май.

236. Селезнева, Л.В. Судьба России и вариант Струве / Л.В. Селезнева // Консерватизм и либерализм: созвучия и диссонансы (К 125-летию со дня рождения П.Б.Струве). – Пермь, 1996.
237. Семенов, Ю.И. О моем «пути в первобытность» / Ю.И. Семенов // Академик Ю.В. Бромлей и отечественная этнология. 1960-1990-е годы. / Отв. ред. С.Я. Козлов. – М., 2003. – С. 164-211.
238. Семенов, Ю.И. Этнос, нация, диаспора / Ю.И. Семенов // Этнографическое обозрение. – 2000. – №2. – С. 64–74.
239. Сергеев, С.М. Русский национализм и империализм начала XX века / С.М. Сергеев // Нация и империя в русской мысли XX века. – М.: Издательский Дом «Пренса», 2004. – С. 5–17.
240. Серно, П. Этнос и демос: дискурсивное построение этнической идентичности / П. Серно // Этничность. Национальные отношения. Социальная практика. – СПб.: ТОО ТАК КАК «Петрополис». – 1995.
241. Сидорина, Т.Ю. Национализм: теории и политическая история / Т.Ю. Сидорина, Т.Л. Полянников. – М.: ГУ ВШЭ, 2006.
242. Сикевич, З.В. Трансформация этничности [Электронный ресурс] / З.В. Сикевич. – Режим доступа: <http://www.jourssa.ru/2004/1/>
243. Скворцов, Л.В. Этничность в процессе социальных изменений / Л.В. Скворцов // Социально-политический журнал. – 1996. – №1. – С. 29-43.
244. Слезкин, Ю. Арктические зеркала: Россия и малые народы Севера / Ю. Слезкин. – М.: НЛЮ, 2008.
245. Смирнов, А.А. Национализм как идеология: постмарксистский подход: дис...кандидата философ. наук: 23.00.02. / А.А. Смирнов. – М.: РГБ, 2007.
246. Смит, Э.Д. Национализм и историки / Э.Д. Смит // Нации и национализм. – М.: Праксис, 2002. – С. 235–264.

247. Смит, Э.Д. Национализм и модернизм: Критический обзор современных теорий наций и национализма / Э.Д. Смит. / Пер. с англ. А.В. Смирнова, Ю.М. Филиппова, Э.С. Загашвили и др. – М.: Праксис, 2004.
248. Соколовский, С.В. Образы других в российских науке, политике и праве / С.В. Соколовский. – М., 2001.
249. Соколовский, С.В. Парадигмы этнологического знания / С.В. Соколовский // Этнографическое обозрение. – 1994. – №2. – С. 3-17.
250. Соколовский, С.В. Эссенциализм в российском конституционном праве (на примере терминологии, используемой в конституциях республик в составе РФ) / С.В. Соколовский // Русский национализм: Социальный и культурный контекст / Сост. М. Ларюэль. – М.:НЛО, 2008. – С. 184-234.
251. Солдатова, Г.У. Психология межэтнической напряженности / Г.У. Солдатова. – М.: Смысл, 1998.
252. Солженицын, А.И. «Русский вопрос» в конце XX века / А.И. Солженицын // Новый мир. – 1994. – № 7. – С. 135-176.
253. Соловьев, В.С. Национальный вопрос в России. Предисловие ко второму изданию // Соловьев, В.С. Соч.: в 2 т. Т.1. / В.С. Соловьев. – М.: Правда, 1989.
254. Соловьев, В.С. Оправдание добра. Нравственная философия // Соловьев, В.С. Соч.: в 2 т. Т.1. / В.С. Соловьев. – М.: Мысль, 1990.
255. Сорокин, П. Человек, цивилизация, общество / П. Сорокин. – М.: Наука, 1992. – 448с.
256. Социальное неравенство этнических групп: представления и реальность / Автор проекта и отв. редактор Л.М. Дробижева. – М.: Academia, 2002. – 480с.
257. Сталин, И.В. Марксизм и национальный вопрос / И.В. Сталин. – М., 1939.

258. Струве, П.Б. *Patriotica: Россия. Родина. Чужбина* / П.Б. Струве / Сост. и статья А. В. Хашковского. – СПб.:РХГИ, 2000.
259. Струве, П.Б. *Вехи. Из глубины* / П.Б. Струве. – М.: Правда, 1991.
260. Струве, П.Б. *Избранные сочинения* / П.Б. Струве. – М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 1999.
261. Струве, П.Б. *Историческая сущность Русской революции и национальные цели* / П.Б. Струве // *Очерки о русской революции*. – М., 1990.
262. Струве, П.Б. *Очерки о русской революции* / П.Б. Струве. – М., 1990.
263. Султыгов, А.-Х. *К вопросу о формировании российской нации в первой половине XIX в.* [Электронный ресурс] / А.-Х. Султыгов // *Вестник Российской нации*. – Режим доступа: <http://rosnation.ru/>
264. Суни, Р.Г. *Империя как она есть: имперский подход в истории России, «национальная» идентичность и теории империи* / Р.Г. Суни // *Национализм в мировой истории*. – М.: Наука, 2007. – С. 36–82.
265. Тамбиа, С. *Национальное государство, демократия и этнонациональный конфликт* / С. Тамбиа // *Этничность и власть в полиэтничных государствах*. – М., 1994. – С. 203–238.
266. Тишков, В.А. *Реквием по этносу: Исследования по социально-культурной антропологии* / В.А. Тишков. – М.: Наука, 2003.
267. Тишков, В.А. *Российский народ и национальная идентичность* / В.А. Тишков // *Известия* – 2007. – 19 июня – С. 6.
268. Тишков, В.А. *Забыть о нации* / В.А. Тишков // *Вопросы философии*. – 1998. – № 9. – С. 3-26.
269. Тишков, В.А. *И русский, и российский* [Электронный ресурс] / В.А. Тишков // *Вестник Российской нации*. – №2(4). – 2009. – Режим доступа: <http://www.rosnation.ru/>
270. Тишков, В.А. *К единству многообразия* / В.А. Тишков // *Парламентская газета* – 2007. – 14 марта – С.4.

271. Тишков, В.А. Народ, нация, государственность / В.А. Тишков // Советская культура. – 1989. – №78 (1 июля). – С. 3.
272. Тишков, В.А. Национальности и национализм в постсоветском пространстве (исторический аспект) / В.А. Тишков // Этничность и власть в полиэтничных государствах: Материалы международной конференции 1993 г. – М.: Наука, 1994. – С.9-34.
273. Тишков, В.А. Нация – это метафора / В.А. Тишков // Дружба народов. – 2000. – №7. – С.8.
274. Тишков, В.А. О культурном многообразии / В.А. Тишков // Этнографическое обозрение. – 2005. – №1. – С. 3-22.
275. Тишков, В.А. О нации и национализме (полемиические заметки) / В.А. Тишков // Свободная мысль. – 1996. – №3. – С. 30–38.
276. Тишков, В.А. О феномене этничности / В.А. Тишков // Этнографическое обозрение. – 1997. – №3. – С.3–21.
277. Тишков, В.А. Отрицание России / В.А. Тишков // Отечественные записки. – 2005. – №1. – С. 240-252.
278. Тишков, В.А. Очерки теории и политики этничности в России. / В.А. Тишков. – М., 1997.
279. Тишков, В.А. Очерки теории этноса и политики этничности / В.А. Тишков. – М.: Институт этнологии и антропологии РАН, 1997.
280. Тишков, В.А. Прощание с пятым пунктом / В.А. Тишков // Независимая газета. – 1997. – 22 октября.
281. Тишков, В.А. Российская нация и ее критики / В.А. Тишков // Национализм в мировой истории / под ред. В.А. Тишкова, В.А. Шнирельмана – М.: Наука, 2007. – С.558-601.
282. Тишков, В.А. Российская нация как состоявшийся проект // Доклад на заседании подкомиссии «Россия в глобальном миропорядке (геополитические, институциональные и ценностные аспекты)». – М. – 14 июня 2006. Общественная палата РФ, конференц-зал

283. Тишков, В.А. Россия – это нация наций. В поисках формулы [Электронный ресурс] / В.А. Тишков. – Режим доступа: http://www.valerytishkov.ru/cntnt/novye_publicacii/rossiya__e1.html.
284. Тишков, В.А. Что есть Россия и российский народ / В.А. Тишков // Pro et Contra. – 2007. – Т.11. – №3(37). – С. 21-41.
285. Тишков, В.А. Этнология и политика. Научная публицистика / В.А. Тишков. – М.: Наука, 2001.
286. Тишков, В.А. Этнический фактор и распад СССР: варианты объяснительных моделей / В.А. Тишков // Трагедия Великой державы: национальный вопрос и распад Советского Союза. – М.: «Социально-политическая мысль», 2005. – С.588-600.
287. Токарев, С.А. Проблема этнических общностей (К методологическим проблемам этнографии) / С.А. Токарев // Вопросы философии. – 1964. – № 11. – С. 49-53.
288. Топорков, В.А. Национализм в постсоветской России : социально-философский анализ : дис ... кандидата философ. наук : 09.00.11 / Топорков В.А. – Твер. гос. ун-т, 2007.
289. Торукало, В.П. Нация и национальные отношения (истоки, теория, современность): дис...доктора философ. наук: 09.00.11. / В.П. Торукало. – М.: РГБ, 2002.
290. Тощенко, Ж.Т. Этнократия: история и современность (социологические очерки) / Ж.Т. Тощенко. – М., 2003.
291. Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. – М., 2001. – Т.3.
292. Трубецкой, Н.С. Об истинном и ложном национализме / Н.С. Трубецкой // Мир России – Евразия. – М., 1995. – С. 43–54.
293. Трубецкой, Н.С. Общевразийский национализм / Н.С. Трубецкой // Мир России – Евразия. – М., 1995. – С. 190–200.

294. Уледов, А.К. Русская идея как феномен национального самосознания / А.К. Уледов // *Alma mater. Вестн. высш. школы* – 1992. – №7-9. – С. 48-55.
295. Уолби, С. Женщина и нация / С. Уолби // *Нации и национализм*. – М.: Праксис, 2002. – С. 308-332.
296. Усманов, Н.В. Национальная политика большевиков в автономной Башкирии (конец 20-х-30-е годы XX века) / Н.В. Усманов // *Трагедия великой державы: национальный вопрос и распад Советского Союза*. – М., 2005. – С.300-316.
297. Фадеичева, М.А. Концептуальные основания политики РФ в сфере регулирования межэтнических отношений [Электронный ресурс] / М.А. Фадеичева // *Вестник Российской нации*. – Режим доступа: <http://rosnation.ru/index.php?D=37&goto=173>.
298. Федосеев, П.Н. Великий интернациональный подвиг советского народа / П.Н. Федосеев. – М.: Знание, 1973.
299. Феномен Удмуртии / Рук-ль авторского коллектива С.К. Смиронова: Под. ред. М.Н. Губогло. – М.- Ижевск, 2002.
300. Филиппов, В.Р. Критика этнического федерализма / В.Р. Филиппов. – М., 2003.
301. Филиппова, Е.И. Что такое Франция? Кто такие французы? / Е.И. Филиппова // *Национализм в мировой истории*. – М.: Наука, 2007. – С. 172–227.
302. Хабриева, Т.Я. Национально-культурная автономия в Российской Федерации / Т.Я. Хабриева. – М.: Юридический дом «Юстицинформ», 2003.
303. Хесли, В.Л. Национализм и пути разрешения межэтнических противоречий / В.Л. Хесли // *ПОЛИС: Политические исследования*. – 1996. – №6. – С. 39–51.

304. Хобсбаум, Э. Нации и национализм после 1780 года / Э. Хобсбаум. – СПб.: Алетейя, 1998.
305. Холмогоров, А.И. Единый и многонациональный / А.И. Холмогоров. – Рига: Лиссма, 1970.
306. Хомяков, А.С. Избранные письма и статьи / А.С. Хомяков. – М.: Городец, 2004 – 480с.
307. Хоскинг, Дж. Россия: народ и империя (1552-1917) / Дж. Хоскинг. – Смоленск: Русич, 2000. – 512с.
308. Хрох, М. От национальных движений к сформировавшейся нации / М. Хрох // Нации и национализм. – М., 2002. – С. 121–146.
309. Хюбнер, К. Нация: от забвения к возрождению / К. Хюбнер. – М.: Канон+, 2001.
310. Цамерян, И.П. Нации и национальные отношения в развитом социалистическом обществе / И.П. Цамерян. – М., 1979.
311. Цамерян, И.П. Национальные отношения в СССР / И.П. Цамерян. – М.: Мысль, 1979.
312. Чаттерджи, П. Воображаемые сообщества. Кто их воображает? / П. Чаттерджи // Нации и национализм. – М., 2002. – С. 283-297.
313. Чебоксаров, Н.Н. Народы, Расы, Культуры / Н.Н. Чебоксаров, И.А. Чебоксарова. – М., 1985.
314. Чебоксаров, Н.Н. Проблемы типологии этнических общностей в трудах советских ученых / Н.Н. Чебоксаров // Советская этнография. – 1967. – №4. – С. 94-109.
315. Чешко, С.В. Кризис доктрины самоопределения / С.В. Чешко // Этнографическое обозрение. – 2001. – №2. – С. 3–17.
316. Чешко, С.В. Распад Советского Союза: этнополитический анализ. 2-е изд. / С.В. Чешко. – М.: Институт этнологии и антропологии РАН, 2000.

317. Чешко, С.В. Философия и мистика национального вопроса / С.В. Чешко // *Общественные науки.* – 1990. – №3. – С. 103-114.
318. Что делать? В поисках идей совершенствования межнациональных отношений в СССР. – М., 1989.
319. Шаров, К.С. Музыка как инструмент национализма / К.С. Шаров // *Вестник Мос. Ун-та. Серия 7. Философия.* – 2005. – №1. – С. 59-80.
320. Шафаревич, И. Русофобия / И. Шафаревич. – М.:ЖАРАВА, 2002.
321. Шелохаев, В.В. Либеральная модель переустройства России. / В.В. Шелохаев. – М.: Росспэн, 1996.
322. Шнирельман, В.А. Миф о прошлом и национализм / В.А. Шнирельман // *Популярная литература: опыт культурного мифотворчества в Америке и в России* / Под ред. Т.Д. Бенедиктова. – М., 2003.
323. Шнирельман, В.А. Национальные символы, этноисторические мифы и этнополитика / В.А. Шнирельман // *Теоретические проблемы исторических исследований* / Под ред. Е. Пивовара. Вып. 2. – М., 1999.
324. Шнирельман, В.А. Этногенез и идентичность: националистические мифы современной России. [Электронный ресурс] / В.А. Шнирельман. // *Вестник Российской нации.* – 2009. – 11 ноября. – Режим доступа: <http://www.rosnation.ru/index.php?D=37&goto=224>.
325. Штернберг, Л.Я. Современная этнология. Новейшие успехи, научные течения и методы / Л.Я. Штернберг // *Этнография.* – 1926. – №1/2. – С. 15-22.
326. Щедрина, О.В. Возможна ли мультикультурная модель интеграции мигрантов в России? / О.В. Щедрина // *СОЦИС: Социологические исследования.* – 2004. – № 4. – С. 67-75.
327. Щедровицкий, П. Русский мир: прогрессивная империя и культурный империализм / П. Щедровицкий // *Сообщение.* – 1999. – № 1.

328. Этнические и административные границы: факторы стабильности и конфликтности (1991 - 1998гг) / Рук-ль - Л.М. Дробижева.
329. Этнические и региональные конфликты в Евразии. – Т.3. – М., 1997.
330. Этничность и власть в полиэтничных государствах. Материалы международной конференции 1993г. – М., 1994.
331. Этничность и власть в полиэтничных государствах: Материалы международной конференции 1993 г. – М.: Наука, 1994.
332. Этничность. Национальные отношения. Социальная практика. – СПб.: ТОО ТАК КАК «Петрополис». – 1995.
333. Юрьев, М. Третья Империя. Россия, которая должна быть. – СПб.:Лимбус-Пресс, 2007.
334. Ян, Э Демократия и национализм / Э. Ян // ПОЛИС: Политические исследования. – 1996. – №1. – С. 33–49.
335. Ян, Э. Государственное и этническое понимание нации: противоречия и сходства / Э. Ян // ПОЛИС: Политические исследования. – 2000. –№1. – С. 114–123.
336. Anderson, B. Imagined communities. Reflections on the Origin and Spread of Nationalism / B. Anderson. – L.: Verso, 1983.
337. Baron, N. The Language Question and National Conflict in Soviet Karelia in the 1920's / N. Baron // Ab Imperio. – 2002. – № 2. – Pp. 349-360.
338. Blitstein, A.P. Nation and Empire in Soviet History, 1917-1953. [Электронный ресурс] / A.P. Blitstein // Ab Imperio. – 2006. – №1. – Режим доступа: <http://abimperio.net/cgi-bin/>
339. Breuilly, J. Introduction // Nations and Nationalism by E. Gellner. – Oxford, 2006
340. Brubaker, R. Citizenship and Nationhood in France and Germany / R. Brubaker. – Cambridge, 1992.

341. Brubaker, R. In the Name of the Nation: Reflections on Nationalism and Patriotism / R. Brubaker // *Citizenship Studies*. – 2004. – Vol. 8. – №. 2.
342. Brubaker, R. Nationalism reframed: nationhood and the national question in the New Europe / R. Brubaker. – UK: Cambridge University Press, 2000.
343. Day, G. Theorizing Nationalism: Debates and Issues in Social Theory / G. Day, A. Thompson. – L.: Palgrave Macmillan, 2005.
344. Eriksen, T.H. Ethnicity and Nationalism: Anthropological Perspectives / Th. H. Eriksen. – L.: Pluto Press, 1993.
345. Gans, Ch. Limits of nationalism / Ch. Gans. – Cambridge, 2003.
346. Gellner, E. Nationalism: Culture and Power. – N.Y.: New York University Press, 1995.
347. Gellner, E. Nations and Nationalism. – Oxford: Blackwell Publishing Ltd., 2006.
348. Greenfield, L. Nationalism: Five Roads to Modernity / L. Greenfield. – UK: Harvard University Press, 1992.
349. Hearn, J. Rethinking Nationalism: Critical Introduction / J. Heam. – L.: Palgrave Macmillan. – 2006.
350. Hirsch, F. Empire of Nations: Ethnographic Knowledge and the Making of the Soviet Union / F. Hirsch. – Ithaca, 2005.
351. Hirsch, F. The Soviet Union as a Work-in-Progress; Ethnographers and the Category Nationality in the 1926, 1937, and 1939 Censuses / F. Hirsch // *Slavic Review*. – 1997. – Vol. 56. – No. 2. – Pp. 251-279.
352. Hobsbawm, E. The Invention of Tradition / E. Hobsbawm, T. Ranger. – Cambridge: Cambridge University Press, 1983.
353. Kaiser, R.J. The Geography of Nationalism in Russia and the USSR / R.J. Kaiser. – Princeton, 1994.
354. Laitin, D.D. Identity in Formation: The Russian-Speaking Populations in the Near Abroad / D.D. Laitin. – Ithaca, 1998.

355. Leder, M. *My Life in Stalinist Russia. An American Woman Looks Back* / V. Leder. – Bloomington, 2001.
356. Martin, T. *The Affirmative Action Empire: Nations and Nationalism in the Soviet Union, 1923-1939* / T. Martin. – Ithaca: Cornell University Press, 2001.
357. Nairn, T. *The Break-Up of Britain: Crisis and Neonationalism* / T. Nairn. – L.: New Left Books, 1977.
358. Pipes, R. *Peter B. Struve: The Sources of his Liberal Russian Nationalism* / R. Pipes // Timberlake Ch. (ed.), *Essays on Russian Liberalism*. [Columbia]: University of Missouri Press, 1972.
359. Pipes, R. *The Formation of the Soviet Union: Communism and Nationalism, 1917-1923* / R. Pipes. – Cambridge, 1997.
360. Plamenatz, J. *Two types of Nationalism* / J. Plamenatz // Kamenka E. (ed.) *Nationalism. The Nature and Evolution of an Idea*. – L.: Edard Arnolds. 1973.
361. Seton-Watson, H *Nations and States. An Enquiry into the Origins of Nations and the Politics of Nationalism* / H. Seton-Watson. – L., 1977.
362. Slezkine, Y. *Imperialism as the Highest Stage of Socialism* / Y. Slezkine // *Russian Review*. – 2000. – Vol. 59.
363. Smith, A. *The Ethnic Origins of Nations* / A.D. Smith. – Oxford, 1986.
364. Smith, J. *Soviet Nationality Policies from Lenin to Gorbachev* / J. Smith // *Трагедия великой державы: национальный вопрос и распад Советского Союза*. – М., 2005. – С. 507-525.
365. Szporluk, R. *Russia, Ukraine and the Breakup of the Soviet Union* / R. Szporluk. – Stanford: Hoover Institution Press, 2000.
366. Weber, Eu. *Peasants into Frenchmen: the modernization of rural France, 1870-1914* / Eu. Weber. – Stanford, 1976.

ПРИЛОЖЕНИЯ

График №1. Россия для русских?

Источник: Левада-центр. «Newtimes». – 2009. №10 (106). - 16 марта.- [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://newtimes.ru/articles/detail/2876/>

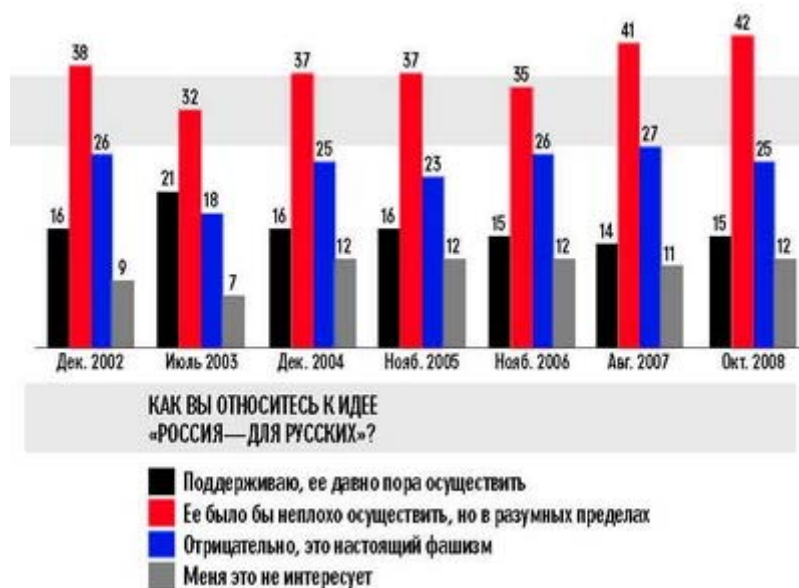
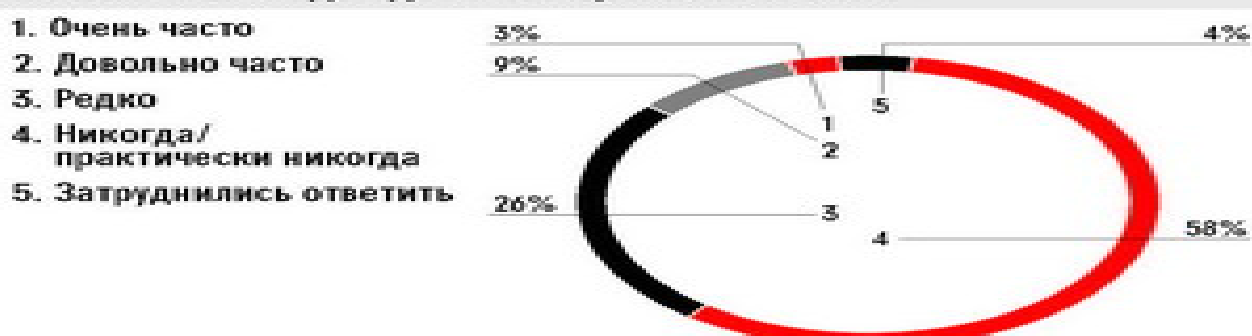

График №2. Чувствуете ли вы в настоящее время враждебность со стороны людей других национальностей?

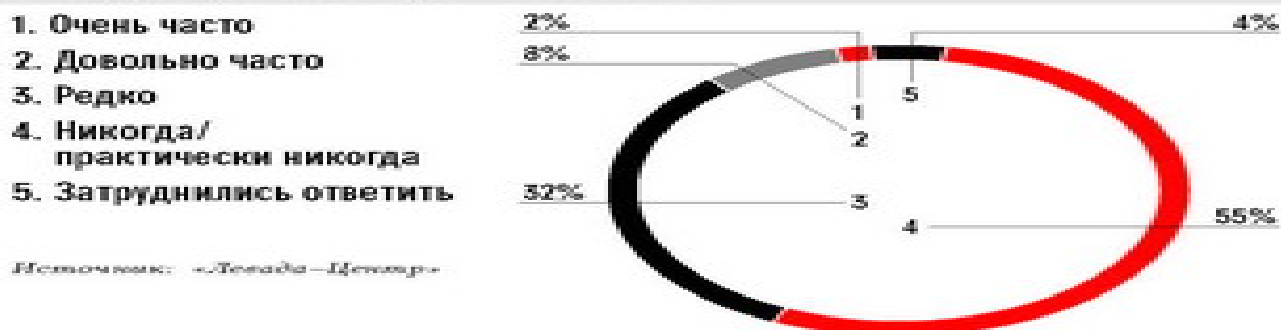
График №3. Чувствуете ли вы в настоящее время враждебность к людям других национальностей?

Источник: Левада-центр. «Newtimes». – 2009. №10 (106). - 16 марта.- [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://newtimes.ru/articles/detail/2876/>

ЧУВСТВУЕТЕ ЛИ ВЫ В НАСТОЯЩЕЕ ВРЕМЯ ВРАЖДЕБНОСТЬ СО СТОРОНЫ ЛЮДЕЙ ДРУГИХ НАЦИОНАЛЬНОСТЕЙ?

ЧУВСТВУЕТЕ ЛИ ВЫ В НАСТОЯЩЕЕ ВРЕМЯ ВРАЖДЕБНОСТЬ К ЛЮДЯМ ДРУГИХ НАЦИОНАЛЬНОСТЕЙ?

Источник: «Левада-Центр»

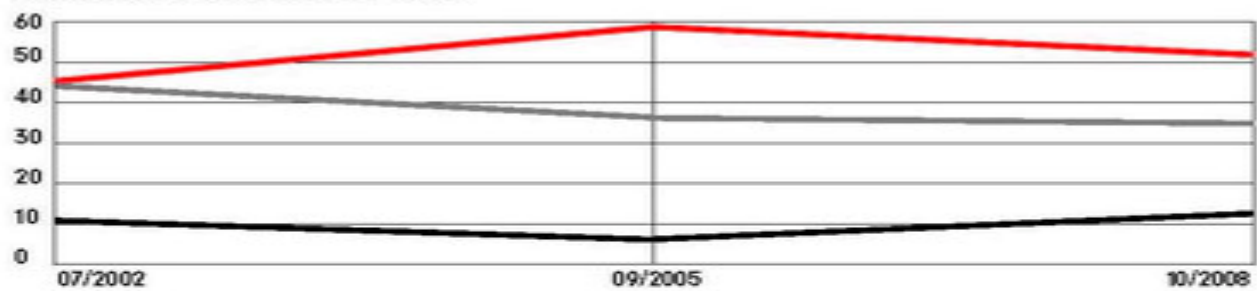
График №4. Какой политики должно придерживаться правительство в отношении приезжих?

График №5. Число убитых и пострадавших от расистских, ксенофобских и неонацистских нападений с февраля 2008г. По февраль 2009 г.

Источник: Левада-центр. «Newtimes». – 2009. №10 (106). - 16 марта.- [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://newtimes.ru/articles/detail/2876/>

КАКОЙ ПОЛИТИКИ ДОЛЖНО ПРИДЕРЖИВАТЬСЯ ПРАВИТЕЛЬСТВО В ОТНОШЕНИИ ПРИЕЗЖИХ?

■ Пытаться ограничить приток приезжих ■ Затруднились ответить
■ Не ставить на пути притока приезжих административные барьеры и пытаться использовать его на благо России

ЧИСЛО УБИТЫХ И ПОСТРАДАВШИХ ОТ РАСИСТСКИХ, КСЕНОФОБСКИХ И НЕОНАЦИСТСКИХ НАПАДЕНИЙ С ФЕВРАЛЯ 2008 г. ПО ФЕВРАЛЬ 2009 г.

■ Пострадали от нападений ■ Погибли

